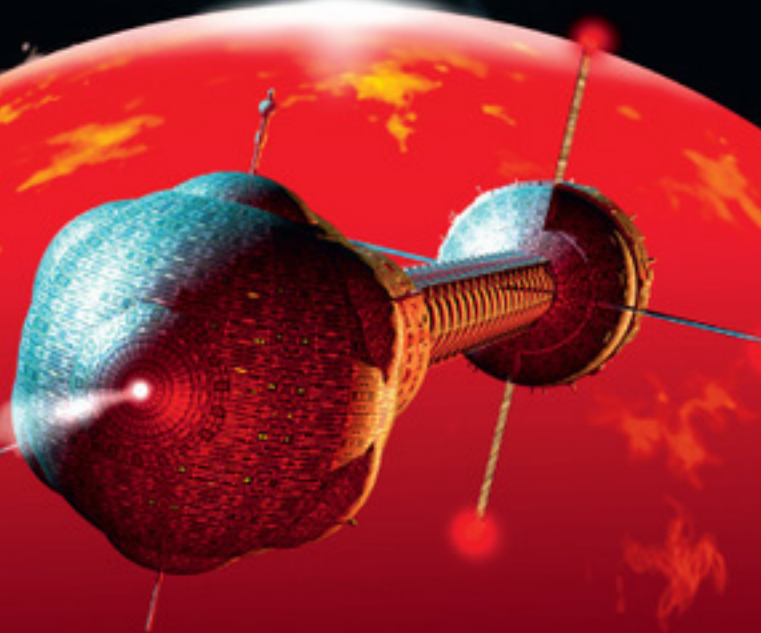

Увиденное Рейнольдсом будущее — это абсолютный холод
и крошечная мгла межзвездного пространства,
где господствует искусственный разум.

Publisher's Weekly

апластер рейнольдс

ГОРОД БЕЗДНЫ

Автор «Пространства Откровения» сочетает НФ-нуар с технотриллером,
рисую будущее в самых мрачных красках.

Library Journal

Пространство Откровения

Аластер Рейнольдс

Город Бездны

«Азбука-Аттикус»

2001

Рейнольдс А.

Город Бездны / А. Рейнольдс — «Азбука-Аттикус»,
2001 — (Пространство Откровения)

Долг чести требует, чтобы Таннер Мирабель, телохранитель и специалист по оружию, отомстил убийце своего нанимателя. Поиски приводят на планету Йеллоустон, где «плавающая чума» – мутация крошечных механизмов-вирусов, прежде верой и правдой служивших людям, – превратила Город Бездны, жемчужину человеческой культуры, в нечто крайне странное, мрачное и чрезвычайно опасное. Пытаясь выжить и выполнить свою миссию в абсолютно враждебной среде, Мирабель снова и снова подвергается натиску чужих воспоминаний – и начинает подозревать, что он не тот, кем считает себя.

© Рейнольдс А., 2001

© Азбука-Аттикус, 2001

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6	54
Глава 7	64
Глава 8	73
Глава 9	87
Глава 10	91
Глава 11	101
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Аластер Рейнольдс

Город Бездны

Copyright © 2001 by Alastair Reynolds

© А. Юрчук, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Интригующий сюжет, интересные персонажи. И даже если сам по себе Город Бездны недостаточно сильно поразит ваше воображение, есть еще «роман в романе», история кораблей, столетия назад покинувших Землю, чтобы колонизировать планеты далекой звезды. Этот поход вы увидите глазами самого загадочного героя книги, Небесного Хаусманна, капитана «Сантьяго», – и в пути вам встретятся дельфины-психопаты, террористы-киборги, корабль-призрак... Аластер Рейнольдс умеет сажать читателей на крючок.

Goodreads

Достойное продолжение восторженно принятого читателями романа «Пространство Откровения»... Чем-то напоминает фильм «Бегущий по лезвию» и ироничную приключенческую фантастику Джека Вэнса. В конце испытываешь некоторый упадок сил, но так и должно быть после ознакомления со столь богатой выставкой научных чудес.

Publisher's Weekly

Рейнольдс сварил новое адское зелье из искусственного интеллекта, передовых биотехнологий, инопланетной интриги и двадцать шестого столетия... Это книга о том, что самые великие тайны вселенной могут храниться в человеческом сердце.

Booklist

* * *

Уважаемый иммигрант!

Мы рады приветствовать Вас в системе Эпсилона Эридана.

Несмотря на все произошедшее, мы надеемся, что Ваше пребывание здесь окажется приятным. Данный документ составлен для того, чтобы объяснить Вам значение ряда ключевых моментов нашей истории. Мы надеемся, что эта информация облегчит адаптацию в культурной среде, поскольку она может абсолютно не соответствовать представлениям, которыми Вы руководствовались, поднимаясь на борт корабля в пункте отправления. Важно, чтобы Вы поняли: мы опирались на опыт тех, кто прибыл сюда до Вас. Наша задача – свести

к минимуму культурный шок. Мы считаем, что попытки приукрасить события, которые продолжают происходить и по сей день, в конечном счете вредны, равно как и преуменьшение их значимости. Статистика показала, что оптимальным подходом в подобных случаях является открытое и честное изложение фактов.

Мы прекрасно понимаем, что Вашей первой реакцией, скорее всего, будет недоверие, которое вскоре сменится гневом, а затем длительным периодом отторжения.

Важно осознать, что эти реакции нормальны.

Столь же важно осознать – уже сейчас, на ранней стадии, – что момент, когда Вы адаптируетесь и примете правду, наступит неизбежно. На это может уйти несколько дней, иногда даже недель или месяцев, но в большинстве случаев это обязательно происходит. Не исключено, что позже Вы вспомните об этом времени, сожалея, что не заставили себя адаптироваться быстрее. Вы узнаете, что только по завершении этого процесса становится возможным нечто похожее на счастье.

Итак, начинаем процесс адаптации.

В силу действия фундаментальных законов скорость передачи информации не может превышать скорость света. Поэтому новости, которые распространяются в освоённом космосе, неизбежно устаревают, прежде чем преодолевают расстояние между планетными системами; иногда они опаздывают более чем на десятилетия. Ваше представление о главной планете нашей системы, Йеллоустоне, почти наверняка основано на устаревшей информации.

Не подлежит сомнению тот факт, что на протяжении более двухсот лет – фактически до недавнего времени – Йеллоустон переживал эпоху, которую большинство современных наблюдателей обозначают термином Бель-Эпока. Действительно, это был золотой век социального и технологического развития, а система управления, созданная на основе разработанной нами идеологической базы, до сих пор считается непревзойденной.

На Йеллоустоне было положено начало многим проектам, включая создание дочерних колоний в других планетных системах, а также честолюбивым планам научных экспедиций на границы освоённого человеком космоса. В пространстве Йеллоустона и Блистающего Пояса проводились невероятные социальные эксперименты – достаточно вспомнить спорные, но, безусловно, новаторские работы Кэлвина Силвеста и его учеников. Деятельность великих художников, философов и ученых процветала, ибо на Йеллоустоне им были предоставлены поистине оранжерейные условия. Бесстрашно внедрялись технологии улучшения нервной системы.

Большинство сообществ относились к «паукам», или сочленителям, с подозрением. Но нас, демархистов, не пугали некоторые аспекты их деятельности по расширению сознания. Мы установили контакты с сочленителями, что позволило активно пользоваться их технологиями. Благодаря созданным ими двигателям для звездолетов мы заселили гораздо больше систем, нежели культуры, отдающие предпочтение менее развитым социальным моделям.

Это была воистину прекрасная пора. Вероятно, нечто подобное Вы рассчитывали застать по прибытии.

Но, к сожалению, ситуация коренным образом изменилась.

Семь лет назад в нашей системе произошли некоторые события. Точно установить источник проблемы не представляется возможным даже сейчас. Однако существует весьма правдоподобная версия, что споры прибыли на борту корабля – скорее всего, в латентном состоянии и без ведома его экипажа. Маловероятно, что истинная причина эпидемии когда-либо станет известна: слишком много было уничтожено или забыто. Огромные архивы, содержащие в цифровом виде историю нашей планеты, были целиком или частично погублены эпидемией. В таких случаях остается рассчитывать лишь на человеческую память, но это не самое надежное хранилище информации.

Не будет преувеличением сказать, что плавающая чума нанесла нашему обществу удар прямо в сердце.

Ее вирус нельзя назвать ни биологическим, ни компьютерным – это был чудовищный изменчивый гибрид того и другого. Выделить штамм так и не удалось, но ученые пришли к выводу, что в чистом виде он должен напоминать некий наномеханизм, аналогичный крошечным, молекулярного размера, роботам-монтерам, которые были созданы нашими специалистами в области медицинских технологий. Его инопланетное происхождение не подлежит сомнению. Столь же очевиден тот факт, что все наши усилия по борьбе с чумой смогли лишь замедлить ее распространение. Зачастую наше вмешательство лишь ухудшало ситуацию. Эпидемия выдерживала атаки, приспосабливалась к нашей тактике и обращала наше оружие против нас. Похоже, ею управлял некий глубоко скрытый разум. Мы не знаем, была ли она направлена против человечества, или нам просто ужасно не повезло.

Опыт подсказывает, что в этом месте Вы, скорее всего, сочтете данный документ мистификацией. Наш опыт также утверждает, что подобное отрицание сыграет роль небольшого, но статистически значимого фактора, который ускорит процесс Вашей адаптации.

Данный документ – не мистификация.

Плавающая чума действительно имела место, и ее последствия были намного хуже, чем Вы способны вообразить. К тому времени, когда появились признаки эпидемии, в человеческом организме содержались триллионы крошечных механизмов. Эти нерассуждающие, безропотные, абсолютно послушные слуги обеспечивали нашу жизнь, обслуживали тело и разум, и мы едва замечали их существование. Они неустанно сновали по кровеносной системе. Они безостановочно трудились в клетках. Они скапливались в мозгу, позволяя подключаться к демархистской сети и почти мгновенно получать необходимую информацию. Мы двигались в виртуальной среде, сотканной посредством прямого воздействия на сенсорные механизмы мозга. Мы сканировали сознание каждого индивида и поместили снимок в молниеносно мыслящий суперкомпьютер. Мы ковали и ваяли материю в планетарном масштабе, мы писали симфонию космоса и заставляли его плясать под эту музыку. Но только сочленителям на самом деле удалось приблизиться на шаг к божественному...

Хотя некоторые считали, что мы недалеко отстаем от них.

На орбитах машины создали для нас города-государства из камня и льда, а затем оживили инертную материю в пределах собственных биомов. Этими городами управляли мыслящие механизмы, они гнали рой из десяти тысяч обитателей Блестящего Пояса по орбите вокруг Йеллоустона. Роботы сотворили Город Бездны, придав его бесформенной архитектуре волеизъявную, фантазмагорическую красоту.

Все ушло.

Это было хуже, чем Вы думаете. Если бы чума уничтожила лишь наши механизмы, вместе с ними погибли бы миллионы людей. Однако такая катастрофа была бы обратной, мы смогли бы оправиться и вернуть потерянное. Но эпидемия вышла за рамки заурядного разрушения и вторглась в сферу, максимально приближенную к искусству, пусть и к искусству уникально извращенного, садистского характера. Она побудила наши механизмы к неконтролируемой эволюции – не контролируемой нами эволюции, к поиску новых диких симбиозов. Наши здания вдруг превратились в чудовищ из готических кошмаров, и мы угордили в западню, не успев предотвратить эти смертоносные метаморфозы. Машины в наших клетках, в крови, в мозгу уже разрывали оковы, переступали через запретную грань, разрушали живую материю. Мы превратились во влажно блестящие личинки, в невероятный сплав плоти и механики. Когда мы хоронили мертвых, их тела продолжали расти, расползаться, сливаясь с городской архитектурой.

То было ужасное время.

И оно не закончилось до сих пор.

Но все же чума повела себя как вполне разумное существо. Паразит был достаточно аккуратен, чтобы не уничтожить население, игравшее для него роль хозяина-носителя. Погибли десятки миллионов людей – но десятки миллионов достигли убежищ, спрятались в герметически запечатанных анклавах в самом Городе или на орбите. Их механизмы получили срочные приказы на самоуничтожение и превратились в пыль, которая вымылась из организма без всякого вреда для человека. Хирурги поспешно извлекали имплантаты из черепов, прежде чем проявлялись начальные признаки поражения.

Многие граждане, чересчур привязанные к своим механизмам, не решились отказаться от них. Одни выбрали анабиоз, погребение в общинных криогенных склепах, другие покинули систему. Тем временем еще десятки миллионов бежали в Город Бездны с орбиты, спасаясь от хаоса, воцарившегося в Блистающем Поясе. Среди них были богатейшие люди системы, но они остались ни с чем, как любые беженцы, которых знает история. Вряд ли их утешило то, что они обнаружили в Городе Бездны...

*Выдержка из ознакомительного документа для иммигрантов,
доступная без ограничений в околопланетном пространстве
Йеллоустона, 2517 год*

Глава 1

К мосту мы с Дитерлингом подъехали уже в сумерках.

– Тебе следует кое-что знать о Васкесе Красная Рука, – сказал Дитерлинг. – Никогда не называй его так в глаза.

– Почему?

– Потому что он взбесится.

– А разве это проблема? – Я резко затормозил, поставил нашу тачку в ряд разномастных машин, выстроившихся вдоль одной стороны улицы, затем опустил стабилизаторы; из перегретой турбины пахло, как из горячего ружейного ствола. – Когда это нас беспокоили чувства низших организмов?

– Но сейчас немного осторожности не помешает. Васкес, конечно, не самая яркая звезда на криминальном небосводе, но у него есть приятели и некоторая склонность к садистским экспериментам. Так что будь хорошим мальчиком и веди себя примерно.

– Ладно, постараюсь.

– И заодно постарайся не оставлять слишком много крови на полу. Договорились?

Мы вылезли из кабины и вытянули шеи, разглядывая мост. Я не видел его до сего дня – это было мое первое появление в Демилитаризованной зоне, не считая Нуэва-Вальпараисо, – и мост казался абсурдно большим, хотя мы находились в пятнадцати-двадцати километрах от города. Суон, раздутый, красный, с раскаленной точкой почти посередине, опускался за горизонт, но света пока хватало, чтобы различить дорожное полотно моста и крошечные бусины опускающихся и возносящихся в космос лифтов. Я уже забеспокоился, не опоздали ли мы и не сел ли Рейвич в одну из этих капсул, но Васкес заверил нас, что тип, за которым мы охотимся, по-прежнему обретается в городе: расплетает финансовую паутину, опутавшую всю Окраину Неба, и переводит свои средства на долгосрочные счета.

Дитерлинг обошел нашу машину – одноколесная, с расположенными внахлест броневыми сегментами, она походила на свернувшегося в защитной позе броненосца – и открыл крошечный багажник:

– Черт! Едва не забыл наши плащи, братишка.

– А я-то надеялся...

Он бросил мне плащ:

– Надевай, и хватит ныть.

Я накинул плащ поверх нескольких комплектов одежды, которые успел на себя натянуть, и одернул его. Полы скользили по грязным дождевым лужицам, но это вполне отвечало нравам аристократов – попробуй наступи! Дитерлинг надел свой плащ и потыкал пальцем в рельефные опции на манжете. Каждый портновский изыск вызывал у него гримасу отвращения.

– Нет. Нет... нет. Боже мой, нет. Опять нет. И это не пойдет.

Я вытянул руку и нажал большим пальцем одну из «клавиш»:

– Вот. Будешь выглядеть сногшибательно. А теперь заткнись и дай мне пистолет.

Я уже выбрал для своего плаща жемчужный цвет в надежде на то, что он послужит для пистолета малоконтрастным фоном. Дитерлинг извлек миниатюрное оружие из кармана пиджака и подал мне – как будто пачку сигарет протягивал.

Пистолетик был полупрозрачным, под его гладкими люцитовыми плоскостями просматривался лабиринт из крошечных деталей.

Снабженный заводным механизмом, он был изготовлен целиком из углерода – в основном из алмаза, – но с добавлением фуллерена для смазки и энергосбережения. Ни металлов, ни взрывчатых веществ, ни проводки – только сложные рычажки и шестерни, смазываемые фуллереновыми молекулами. Боеприпасы – алмазные стреловидные пули со стабилизирован-

ным вращением, которые получают энергию спуска фуллереновых пружин, сжатых до предела прочности. Заводится ключом, подобно механической игрушке. Ни прицела, ни целеулавливателя, ни стабилизирующей системы.

Я сунул пистолет в карман плаща, уверенный, что никто из прохожих ничего не заметил.

– Кое-что изящное, как и обещал, – сказал Дитерлинг.

– Сойдет.

– И только-то? Таннер, ты меня разочаровываешь. Такая красивая вещица и такая злобная на вид... Я даже считаю, что у нее ярко выраженные охотничьи способности.

Мигуэль Дитерлинг в своем репертуаре. Он на все смотрит глазами охотника.

Я выдавил улыбку:

– Верну в целости и сохранности. А если не получится, то буду знать, что подарить тебе на Рождество.

Мы пошли к мосту. Оба в Нуэва-Вальпараисо оказались впервые в жизни, что, впрочем, не имело значения. Как это бывает с большинством крупных городов планеты, он выглядел вполне знакомо, вплоть до названий улиц. Большинство наших населенных пунктов разбито на треугольники со сторонами-улицами; каждая из них имеет в длину сотню метров, от одного трехстороннего перекрестка до другого. Обычно «центр», или срединный треугольник, – самый маленький. Треугольники, которые его окружают, последовательно увеличиваются до тех пор, пока геометрический порядок не рассыпается паутиной пригородов и новостроек. Что касается центрального треугольника, то город поступал с ним как хотел, и часто это зависело от того, сколько раз его занимали – или бомбили – за время войны. Лишь изредка можно было обнаружить признаки дельтовидного шаттла, вокруг которого возникло поселение.

Нуэва-Вальпараисо зародился именно таким образом. Его улицы имели обычные названия: Омдурман, Норкинко, Арместо и так далее, – но центральный треугольник был погребен под сложной конструкцией моста, который оказался достаточно полезным для обеих сторон, чтобы остаться почти невредимым. Отвесно вздымаясь метров на триста с каждой стороны, мост чернел, словно корпус корабля; его нижние уровни, как ракушками, обросли гостиницами, ресторанами, казино и борделями. Но, даже не видя моста с улицы, мы понимали, что находимся в старом районе, неподалеку от посадочной площадки. Иные здания представляли собой взгроможденные друг на друга корабельные грузовые контейнеры. В них виднелись соты окон и дверей, которые за два с половиной века разукрасились всяческими архитектурными причудами.

– Эй, – раздался голос. – Таннер... мать твою... Мирабель!

Говоривший стоял в полутемной галерее, прислонившись к стене с таким скучающим видом, будто у него не было других дел, кроме как наблюдать за ползущими мимо насекомыми. До сих пор мы общались только по телефону или видео, сводя наши разговоры к минимуму, – и я ожидал встретить кого-то значительно более рослого и не столь похожего на крысу. Плащ на нем был тяжелым, как и мой, и, казалось, вот-вот свалится с плеч. У него были желто-коричневые зубы, заточенные напильником, острая физиономия, обросшая неровной щетиной, и длинные черные волосы, которые он зачесывал назад с узкого лба. В левой руке этот тип держал сигарету, периодически поднося ее к губам, а левую кисть прятал в боковом кармане плаща, не проявляя желания ее вынимать.

– Васкес? – За нами с Дитерлингом, оказывается, следили. Я постарался не выдать удивления. – А наш парень тоже у тебя под присмотром?

– Не волнуйся, Мирабель, он даже отлить не сможет так, чтобы мне о том не доложили.

– Он все еще улаживает свои дела?

– Ага. Ты же знаешь богатеньких: бизнес требует заботы. На его месте я бы уже чесанул по этому мосту, только бы меня и видели. – Человек в плаще ткнул сигаретой в сторону Дитерлинга. – Это кто, змеелов?

Дитерлинг пожал плечами:

– Да как ни назови.

– Змей ловить – это круто, в натуре. – Не выпуская сигарету, Васкес сделал жест, словно наводит оружие и посылает пулю в воображаемую гамадриаду. – Когда на охоту в следующий раз? Меня захватишь?

– Не знаю, – буркнул Дитерлинг. – У нас не в ходу двуногая наживка... Но я поговорю с хозяином, может, что-нибудь придумаем.

Васкес Красная Рука оскалил острые зубы.

– Шутник. Ты мне нравишься, Змей. Еще бы не нравился, ведь ты работаешь на Кагуэллу. Кстати, как он поживает? Говорят, Мирабель, ему досталось не меньше, чем тебе. Вообще-то, до меня дошли скверные слухи: что он вообще никак не поживает.

Мы не планировали вот так сразу объявлять о смерти Кагуэллы. Сначала стоило поразмышлять над совокупностью ее последствий, однако новость, очевидно, достигла Нуэва-Вальпараисо раньше нас.

– Я сделал для него все, что мог, – сказал я.

Васкес медленно кивнул, с таким мудрым видом, будто услышал долгожданное подтверждение какому-то священному постулату:

– Ага, мне и об этом капнули. – Он положил левую руку мне на плечо, держа сигарету на безопасном расстоянии от жемчужной ткани плаща. – Говорят, ты без ноги пересек полмира только ради того, чтобы доставить домой Кагуэллу и его сучку. Это обалденный героизм, парень, даже для белоглазого. Как-нибудь поведаешь об этом за бокальчиком «Писко сауэр», а Змей меня запишет в участники очередной экспедиции. Верно, Змей?

Разговаривая, мы продолжали идти в сторону моста.

– Сомневаюсь, что у нас есть время на выпивку, – заметил я.

– Не понимаю вас, ребята. – Васкес шагал впереди, по-прежнему держа руку в кармане. – Только скажите словечко, и Рейвич перестанет быть проблемой, от него мокрое место останется. Мирабель, предложение все еще в силе.

– Я должен прикончить его лично.

– Ага, – кивнул Васкес. – Я об этом слышал. Нечто вроде вендетты. У тебя, говорят, что-то было с бабенкой Кагуэллы?

– Вижу, Красная Рука, что тактичность не входит в список твоих достоинств.

Я заметил, как скривился Дитерлинг. Мы сделали еще несколько шагов, прежде чем Васкес остановился и вытаращился на меня:

– Что ты сказал?

– Я слышал, что тебя называют за глаза Красной Рукой.

– А тебе-то что до этого?

– Не знаю, – передернул я плечами. – С другой стороны, какое дело тебе до того, что было между мной и Гиттой?

– Ладно, парень. – Он глубже прежнего затянулся сигаретой. – Думаю, мы друг друга поняли. Мне не нравятся одни вопросы, тебе не нравятся другие. Быть может, ты даже трахался с ней. – Он, конечно, заметил, как я напрягся. – Но, повторяю, это меня не касается. И больше не спрошу, даже думать об этом не буду. Только окажи мне одну услугу, ладно? Не зови меня Красной Рукой. Я знаю, в джунглях Рейвич поступил с тобой паршиво и ты там едва концы не отдал. Но усеки простой факт: ты здесь в меньшинстве. Мои люди следят за тобой постоянно. Это значит, что ты не захочешь меня огорчить. А если огорчишь, то я устрою тебе такое, мать твою, что сюрприз от Рейвича покажется пикником на лужайке.

– Кажется, нам следует поймать этого джентльмена на слове, – вмешался Дитерлинг. – Верно, Таннер?

– Будем считать так: мы наступили друг другу на мозоль и обменялись мнениями по этому поводу, – прервал я затянувшееся напряженное молчание.

– Устраивает, – согласился Васкес. – Таким горячим ребятам, как мы с Мирабелем, лучше беречь мозоли друг друга. Заметано. Скоро Рейвич сделает свой ход, а мы посидим подождем за бокальчиком «Писко сауэр».

– Не хотелось бы слишком удаляться от моста.

– Да разве это проблема?

Васкес с безмятежной легкостью прокладывал для нас путь, распахивая вечерних гуляк. С нижнего этажа здания, собранного из грузовых отсеков, доносились звуки аккордеона, тягучие и величественные, как реквием. Снаружи прохаживались парочки – в большинстве не аристократы, а местные жители, правда одетые со всей доступной им роскошью. Молодые люди, раскованные, симпатичные, улыбающиеся, присматривали местечко, где можно перекусить, поиграть на деньги либо послушать музыку. Война так или иначе коснулась каждого, – по всей вероятности, многие из них потеряли друзей или любимых. Но Нуэва-Вальпараисо располагался достаточно далеко от фронтов, где гуляла смерть, так что война не занимала главенствующего места в мыслях этих людей. Трудно было не позавидовать им; трудно не пожелать, чтобы и мы с Дитерлингом могли зайти в бар и напиться до беспамятства – так, чтобы забыть о заводном пистолете, забыть о Рейвиче и о причине, которая привела меня на мост.

В этот вечер здесь были, разумеется, и другие. Например, солдаты в увольнении, одетые в гражданское, но мгновенно узнаваемые: с короткими агрессивными стрижками, гальванически накачанными мускулами, меняющими цвет татуировками на руках и странным, асимметричным загаром на лицах – вокруг глаза, которым боец обычно смотрит в нашлемный прицельный монокуляр, остается пятно бледной кожи. Здесь не имело значения, на какой стороне ты воюешь. Солдаты всех армий и группировок и гражданские образовали пеструю смесь, и та, как ни странно, не была взрывоопасной. Вероятно, за это стоило благодарить наряды милиции, которые охраняли Демилитаризованную зону. Только патрульным дозволялось носить оружие в пределах ДМЗ, поэтому они щеголяли в белых накрахмаленных перчатках, не выпуская пистолетов из рук. На свободу Васкеса милиционеры не покушались, и, пока он сопровождал нас с Дитерлингом, беспокоиться было не о чем. Мы, наверное, смахивали на горилл, на которых натянули приличную одежду. Однако нас трудно было принять за солдат, только что пришедших с фронта. Мы оба приближались к тому возрасту, каковой принято считать серединой жизни. На Украине Неба это сорок – шестьдесят лет; за историю человечества средний возраст почти не изменился.

Значит, остается еще столько же... Не густо.

Мы с Дитерлингом поддерживали форму, но не доводили себя до такого состояния, как местные вояки. Их мускулатура и прежде была гипертрофированной по обычным меркам, но с тех пор, как я сам был «белоглазым», ребята перешли границы разумного. Тогда эти перекачанные мускулы еще можно было оправдать необходимостью таскать на себе целый арсенал. За минувшее время оружейники сделали не один шаг вперед, но солдаты, гуляющие по этой улице, были словно нарисованы карикатуристом, склонным к абсурдным преувеличениям. Должно быть, на поле боя эффект усиливали модные облегченные ружья. Представьте себе гору мышц, увешанную оружием, которое может поднять ребенок.

– Сюда, – сказал Васкес.

Его берлога располагалась в одной из построек, паразитирующих у основания моста. Васкес провел нас в короткий темный переулок, затем толкнул неприметную дверь, обрамленную голографическими изображениями змей. Внутреннее помещение оказалось огромной кухней, заполненной клубящимся паром. Щурясь и стирая с лица пот, я еле успевал подныривать под

развешенную повсюду кухонную утварь. Интересно, применял ли Васкес эти зловещего вида приспособления для каких-либо других целей помимо кулинарных?

– Почему он так не любит, когда его называют Красной Рукой? – шепнул я Дитерлингу.

– Это долгая история, – ответил Дитерлинг. – И дело не просто в руке.

Из пара время от времени выскакивали обнаженные по пояс повара с пластмассовой дыхательной маской на лице. Пока Васкес переговорил с двумя из них, Дитерлинг что-то выловил пальцами из кастрюли с кипящей водой и попробовал на вкус.

– Это Таннер Мирабель, мой друг, – сказал Васкес старшему повару. – Парень был бело-глазым, так что не дури с ним. Мы здесь побудем немного; ты принеси чего-нибудь выпить. «Писко сауэр» подойдет. Мирабель, ты голоден?

– Не слишком. А Мигуэль, похоже, уже угощается.

– Вот и славно. Но по-моему, Змей, крысы сегодня не удались.

Дитерлинг пожал плечами:

– Поверь, мне случалось есть и кое-что похуже. – Он бросил в рот еще кусочек. – Мм...

В самом деле, вполне приличная крыса. Раттус норвегикус, угадал?

Васкес провел нас через кухню в пустой игорный салон. То есть это мне показалось, что он пуст. Слабо освещенная комната была с подлинной роскошью отделана зеленым бархатом, в нужных местах булькали на постаментах кальяны, на стенах висели картины в коричневых тонах. Сначала я принял их за масляную живопись, но, приглядевшись, понял, что они склеены из кусков дерева разных пород. Некоторые фрагменты слегка мерцали – значит, это кора дерева гамадриад. Все картины были посвящены одной теме – жизни Небесного Хаусманна. Вот пять кораблей Флотилии летят от Солнечной системы к нашей. На другом панно Тит Хаусманн, с факелом в руке, находит своего сына, одиноко сидящего в темноте после Великого Затмения. А вот сцена, где Небесный посещает отца в госпитале на борту корабля, – это случилось перед тем, как Тит умер от ран, полученных при защите «Сантьяго» от диверсанта. А это – великолепно запечатленный миг преступления и славы: корабельные модули со «спящими» разлетаются по космосу, подобно семенам одуванчика; Небесный Хаусманн был готов на все, лишь бы «Сантьяго» достиг этого мира раньше других кораблей Флотилии. Самая последняя картина изображала наказание, которому люди подвергли Небесного, – распятие.

Я смутно помнил, что это случилось где-то неподалеку отсюда.

Однако комната служила не только святилищем Хаусманна. В нишах, расположенных по периметру, стояли обычные игровые автоматы. Кроме них, было и несколько столов. Позже за ними начнется оживленная игра, а пока я слышал лишь шорох крыс в темноте.

Главной достопримечательностью комнаты был полусферический купол, идеально черный, не менее пяти метров в диаметре. Его окружали кресла с мягкой обивкой; мудреные телескопические цоколи поднимали их на три метра над полом. У каждого кресла один подлокотник был оснащен игровым пультом, на другом размещалась целая батарея устройств для внутривенных вливаний. Примерно половина кресел была занята какими-то субъектами. Они сидели неподвижно, как неживые, – неудивительно, что я их даже не заметил поначалу. Безвольные позы, запрокинутые головы, вялые лица, закрытые глаза. С первого взгляда узнаешь аристократов, от них так и веет богатством и высокомерием.

– А это что за мумии? – спросил я. – Утром, когда закрывался, забыл их выкинуть?

– Ошибаешься, Мирабель. Они тут практически на постоянной основе, вроде мебели. Играют месяцами, делают ставки на долгосрочные результаты наземных кампаний. Сейчас затишье из-за муссонов. Как будто войны и в помине нет. Но видел бы ты этих ребят, когда начинается заварушка.

Кое-что в комнате мне не понравилось. И не только история Небесного Хаусманна в картинках, хотя она вносила в это ощущение основной вклад.

– Васкес, не пора ли нам идти?

– И остаться без выпивки?

Не успел я решить, что ему ответить, как вошел повар. Он толкал тележку с напитками и громко пыхтел в своей пластмассовой маске. Пожав плечами, я пригубил «Писко сауэр» и кивнул на картины:

– Похоже, Небесного Хаусманна здесь уважают.

– Ты даже не представляешь, как глубоко.

Васкес что-то сделал, и полусфера ожила. Теперь это был не слиток мглы, а подробнейшая панорама одного из полушарий Окраины Неба. Обрамленная черной кромкой, она напоминала торчащий из пола глаз ящерицы. В россыпи огней на западном побережье Полуострова, которая виднелась сквозь щель в облаках, я углядел искорку Нуэва-Вальпараисо.

– Да неужели?

– Среди местных жителей попадаются очень религиозные. Будь по деликатнее и думай, что говоришь, парень... а то еще нарвешься ненароком.

– Я слышал, что они сделали из Хаусманна идола, но подробностей не знаю. – Снова я огляделся и впервые заметил на одной из стен нечто странное – череп дельфина, весь в загадочных впадинах и бороздах. – Как тебе досталась эта хибара? Выкупил у чокнутого хаусманнопоклонника?

– Не совсем так.

Дитерлинг кашлянул. Я не обратил на это внимания:

– Да? Значит, отделал комнату по своему вкусу?

Васкес затушил сигарету и ущипнул себя за переносицу, наморщив крошечный лоб:

– В чем дело, Мирабель? Пытаешься достать меня? Или ты просто тупица?

– Даже не знаю, что ответить. Мне казалось, я поддерживаю вежливую беседу.

– Ну да, ну да. И для начала назвал меня Красной Рукой, будто ненароком.

– Кажется, мы это уже обговорили. – Я глотнул «Писко сауэр». – Васкес, я не пытаюсь тебя достать. Просто ты, сдаётся, уж слишком чувствителен.

Он что-то сделал – еле заметный жест, будто пальцами шелкнул.

Далее произошло нечто неуловимое глазом: в комнате засверкал металл и закружил ласковый ветерок. Позже, восстанавливая в памяти события, я пришел к выводу, что в стенах, полу и потолке разом раскрылись многочисленные отверстия, выпуская летающие машины.

Это были дроны-убийцы – летучие черные шары. Из каждого торчало по три-четыре ствола, расположенных по экватору, и все были нацелены на нас с Дитерлингом. Дроны медленно барражировали и жужжали, как шершни, словно их и вправду переполняла злоба.

Минуту, а то и две я не дышал, как и мой спутник. Наконец Дитерлинг решился заговорить:

– Васкес, я так понял, мы бы уже были покойниками, разозлился ты на нас всерьез.

– Ты прав, Змей. Тонко подмечено. Безопасный режим! – повысил Васкес голос и еще раз шелкнул пальцами. – Видишь, приятель? Ведь ты не уловил разницу? Но комната ее уловила. Если бы я не отключил систему, она бы приняла это за приказ разделаться с каждым из присутствующих, включая вон тех жирных пердунов в креслах. С каждым, кроме меня.

– Рад, что ты ее отключил, – сказал я.

– Давай, Мирабель, посмейся. – Последовал новый шелчок. – Что, похоже на первую команду? Но теперь у дронов новое задание: оторвать вам руки, по одной зараз. Эта комната запрограммирована на распознавание еще как минимум двенадцати жестов, и поверьте, некоторые из них способны меня разорить, очень уж дорого обойдется уборка помещения. – Он уставился на меня. – Надеюсь, я понятно выразился?

– Пожалуй, мы поняли твой намек.

– Вот и прекрасно. Безопасный режим! Часовые, по местам!

То же мельтешение, тот же ветерок. Машины как будто растворились в воздухе.

– Понравилось? – спросил у меня Васкес.

– Не то чтобы очень, – ответил я, ощущая на лбу едкий пот. – Будь твоя охрана посерьезнее, она бы вообще не подпустила к этой комнате потенциальную угрозу. Но для вечеринок, наверное, годится – скуку разгонять.

– Ага, для вечеринок. – Васкес смотрел на меня с ухмылочкой, он был явно доволен произведенным эффектом.

– Но это дает мне повод задуматься о причинах твоей чрезмерной чувствительности.

– На моем месте, – процедил он, – ты был бы хрен знает во сколько раз чувствительнее.

Меня удивило то, что сделал Васкес в следующий момент. Он просто вынул руку из кармана, причем достаточно медленно, чтобы я понял: в ней нет оружия.

– Смотри, Мирабель.

Не знаю, что именно я ожидал увидеть. Кулак, который мне показал Васкес, выглядел достаточно заурядно. Я не заметил никаких увечий:

– Рука как рука.

Он сжал кулак посильнее, и тут произошло нечто странное. Между напряженными пальцами засочилась кровь – вначале медленно, но вот уже течет струйкой. Я смотрел, как алая кровь разбегается по зеленому полу.

– Вот почему меня так называют. Потому что у меня кровоточит правая рука. Прикольно, правда? – Он разжал кулак, показав влажную красную дырочку посреди ладони. – Это стигмат, вроде знака страстей Христовых. – Здоровой рукой он полез в другой карман, вынул платок, скомкал его и прижал к ране, чтобы остановить кровотечение. – Вот так-то. Иногда получается это вызвать простым усилием воли.

– Значит, до тебя добрались сектанты Хаусманна, – заметил Дитерлинг. – Небесного тоже распяли. И гвоздь ему вбили в правую ладонь.

– Не понимаю, – признался я.

– Сказать ему?

– Сделай одолжение, Змей. Парня явно пора просветить.

Дитерлинг повернулся ко мне:

– За последнее столетие поклонники Хаусманна разделились на разные секты. Некоторые прониклись идеями кающихся монахов, они пытаются причинить себе хоть малую толику той боли, что довелось испытать Небесному. Кто-то запирается и сидит в потемках, пока не поедет крыша и не начнутся видения, кто-то отрубает себе левую руку, а кто-то просит друзей, чтобы его распяли. При этом он запросто может умереть. – Дитерлинг сделал паузу и покосился на Васкеса, словно просил разрешения продолжать. – А одна экстремистская секта зашла еще дальше. Ее адепты распространяют Священное Писание не устно и не письменно, а при помощи вируса.

– Продолжай, – сказал я.

– Скорее всего, вирус создали ультранавты. Может, кто-то из сектантов наведалься к жонглерам образами, а те побаловались с его нейрохимией. Это не важно. Важно лишь, что вирус получился очень цепким, он передается по воздуху и заражает почти всех.

– Превращая в сектантов-хаусманнитов?

– Нет, – заговорил Васкес, доставший новую сигарету. – Вирус тебя имеет в мозг, но религиозным фанатиком от этого ты не становишься. Появляются видения и сны, а иногда тебе хочется... – Он скомкал фразу и кивнул на торчащего из стены дельфина. – Видишь рыбий череп? Он, чтоб его, стоил мне ноги и руки. Это череп Слика – знаешь, жил такой на корабле. Полезно иметь в хозяйстве подобную хреновину – нервы успокаивает. Но не более того.

– А рука?

– Некоторые вирусы вызывают физические изменения, – продолжал Васкес. – Можно сказать, мне повезло. Есть ослепляющий вирус, другой заставляет бояться темноты, а третий

высушит твою левую руку, и она отвалится. В общем, потерять время от времени каплю крови – это сущая мелочь. Поначалу, пока о вирусе знали немногие, было здорово. С помощью этой болячки удавалось неплохо дурачить народ. Представь, заявляешься на переговоры и у всех на глазах начинаешь истекать кровью. Потом, правда, народ просек, что меня заразили сектанты.

– И задумался: а вправду ли ты так крут, как говорят, – сказал Дитерлинг.

– Ага, точно. – Васкес посмотрел на него и скривился. – Такую репутацию, как у меня, за два дня не заработаешь.

– Не сомневаюсь, – согласился Дитерлинг.

– Да. И подобная мелочь, парень, может очень сильно ей повредить.

– А ты не пробовал лечиться? – спросил я, не обращая внимания на отчаянные сигналы Дитерлинга.

– Пробовал, Мирабель. На орбите полно всякой дряни, которая справится с такой хворью. Но вот незадача: в списке мест, безопасных для моего посещения, орбита не значится.

– Ну, так и живи с этим вирусом. Ведь он, как я слышал, уже почти не заразен.

– Верно, тебе он не грозит. И никому не грозит. Я сейчас практически в порядке. – Васкес снова закурил, и это его слегка успокоило. Кровотечение прекратилось, он спрятал злополучную руку в карман и глотнул «Писко сауэр». – Только, знаешь, иногда я жалею, что не заразен... Что не припас немного крови с той поры, как был инфицирован. Можно было бы оставить кое-кому подарок на прощание, типа укольчика в вену.

– Но это бы значило пойти на поводу у хаусманнитов, – сказал Дитерлинг. – Распространять их веру. Ведь именно этого они от тебя добивались.

– Ну да. Так что я лучше буду распространять веру в то, что однажды поймаю гниду, устроившую мне такую подлянку... – Васкес прервал фразу, как будто его что-то отвлекло. Неподвижно глядя прямо перед собой, словно в трансе, он проговорил: – Нет. Не пойдет, парень. Извини, не верю.

– Чему не веришь?

Я больше не слышал его голоса, хотя видел, как двигаются мышцы на шее. Должно быть, Васкес вышел на связь с одним из своих людей.

– Рейвич, – произнес он наконец.

– И что с ним? – осведомился я.

– Эта сволочь перехитрила меня.

Глава 2

Лабиринт темных сырых коридоров соединял заведение Красной Руки с внутренними помещениями терминала, проходя прямо сквозь черную стену. Васкес вооружился факелом и повел нас по лабиринту, пинками разгоняя с дороги крыс.

– Двойник! – восхищенно сказал он. – Вот уж никак не ожидал, что Рейвич подставит нам живца. А мы гонялись за этим гадом столько дней! – Последнее слово он произнес так, будто имел в виду месяцы и весь этот срок ему приходилось проявлять чудеса проницательности и расчетливости.

– На что только не идут некоторые ловкачи! – сказал я.

– Эй, остынь, Мирабель. Ведь это ты не хотел, чтобы мы пустили парня в расход, как только увидим. Укокошить его было бы проще простого.

Он плечом распахивал двери, ведя нас в следующий коридор.

– Но это точно не Рейвич?

– Конечно. Мы провели экспертизу, поняли, что это не он, и взялись за поиски настоящего Рейвича.

– Парень в чем-то прав, – произнес Дитерлинг, – как ни тяжело мне это признавать.

– Спасибо, Змей, на добром слове. За мной не заржавеет.

– Да ладно, не бери в голову.

Васкес пинком отправил в темноту очередную крысу.

– Так что же там приключилось, после чего ты стал одержим этой дурацкой вендеттой?

– Сдается, ты уже в курсе, – отозвался я.

– Да, мир слухами полнится. Особенно когда играет в ящик такая крупная шишка, как Кагуэлла. Вакуум власти и прочее. Но меня удивляет, что вы оба выбрались из передраги живыми. Я слышал, там, в засаде, было чертовски жарко.

– Меня ранило не слишком сильно, – сказал Дитерлинг. – Таннеру досталось куда круче. Он потерял ступню.

– Ничего особенного, – сказал я. – Прижег лучевиком рану и остановил кровотечение.

– Ну да, – согласился Васкес. – Царапиной больше, царапиной меньше... Ай да молодцы, ребята! Никак не устану вами восхищаться.

– Отлично, но, может быть, хватит обсуждать наши скромные персоны?

Моя сдержанность объяснялась не просто нежеланием говорить с Васкесом Красная Рука о недавнем инциденте. Помимо нежелания, немало значил тот факт, что у меня попросту вылетели из головы почти все подробности происшествия. То есть, возможно, я помнил что-то из случившегося до курса коматозного лечения, во время которого мне заново вырастили ступню, – но теперь казалось, что в переделке я побывал очень-очень давно, а не считанные недели назад.

Впрочем, я искренне верил, что Кагуэлла выживет. Вначале считал, что ему повезло: лазерный импульс прошел сквозь тело и каким-то чудом не коснулся жизненно важных органов, словно его траектория была заранее рассчитана искусным хирургом. Но тут начались сложности. Не имея возможности добраться до орбитальной станции – Кагуэлла подвергся бы аресту и казни, еще не успев покинуть пределы атмосферы, – он вынужден был пользоваться услугами черного рынка, самыми дорогими, какие мог себе позволить. Этого оказалось достаточно, чтобы вернуть мне ногу, но ранения такого типа на войне случаются каждый день. Совсем иное дело – множественные повреждения внутренних органов, они требуют куда более высокого уровня медицины, чем способен предложить черный рынок.

Поэтому он теперь мертв.

А я нахожусь здесь. Охочусь за человеком, который убил Кагуэллу и его жену. И я намерен сразить негодяя одной алмазной стрелкой из заводного пистолета.

Еще до того, как я стал экспертом по безопасности на службе у Кагуэллы, – то есть когда был еще солдатом, – поговаривали, будто я наикрутейший снайпер, могу не просто вклепить пулю в голову, а попасть в область мозга с определенной функцией. Это не совсем так, но до сих пор на меня никто не жаловался. Свою работу я люблю делать быстро и аккуратно.

Я от души надеялся не оплошать и при встрече с Рейвичем.

К моему удивлению, потайной коридор вывел нас прямо в середку терминала, в затененную часть главного вестибюля, к посадочной платформе. Я оглянулся на досмотровый пункт, который мы обошли, – там охранники обыскивали пассажиров на предмет оружия и проверяли удостоверения личности на случай, если с планеты попытается улизнуть военный преступник. Удобно примостившийся в моем кармане заводной пистолет не показался бы на экранах сканирующих устройств, что и обусловило мой выбор. Теперь я ощутил легкую досаду оттого, что мои хлопоты пропали все.

– Господа, – произнес Васкес, задержавшись на пороге, – дальше я не пойду.

– А мне казалось, ты здесь как рыба в воде, – проговорил Дитерлинг, оглядываясь. – В чем дело? Боишься, что выныривать потом не захочется?

– Что-то вроде этого, Змей. – Васкес похлопал нас по спинам. – Ладно, ребята, идите и разберитесь с этим постмортальным анализом кала. Но не говорите никому, что сюда вас привел я.

– Не беспокойся, – заверил Дитерлинг. – Твоя роль в мероприятии не будет преувеличена.

– Вот и славно. И помни, Змей, – Васкес снова сделал жест, словно стрелял из пистолета, – наш уговор насчет охоты.

– Считаю, что ты уже включен в список, по крайней мере с испытательным сроком.

Он исчез в тоннеле, а мы с Дитерлингом остались на платформе. С минуту оба не могли произнести ни слова, ошеломленные и подавленные странностью обстановки.

Мы находились на поверхностном ярусе, в кольцеобразном зале, окружающем посадочную платформу, которая располагалась у основания спирали. Потолок вестибюля нависал над множеством ярусов, пространство между ними пересекали во всех направлениях подвесные дорожки и пассажирские трубопроводы, а в наружной стене размещались бутики и рестораны, но они были частью закрыты, частью переоборудованы в тесные молельни или лавки, торгующие предметами религиозного назначения. Здесь было малолюдно – с орбиты добраться нелегко, и лишь к подъемникам шагала небольшая группа отправляющихся. Вестибюль был освещен хуже, чем рассчитывали дизайнеры, потолок едва виднелся. Помещение напоминало собор, в котором шла некая религиозная церемония; в такой атмосфере неуместны спешка и громкие голоса. На пределе слышимости что-то гудело, – казалось, этот звук идет из набитого генераторами подвала. Или из комнаты, набитой монахами, тянущими в унисон погребальное песнопение.

– Здесь всегда так? – спросил я.

– Нет. То есть это место всегда было отстойником, но с тех пор, как я побывал тут в последний раз, оно окончательно испортилось. Еще месяц назад, наверное, яблоку негде было упасть. Большинство проходили именно этим путем, чтобы сесть на корабль.

Здесь, на Окраине Неба, прибытие звездолета никогда не оставалось незамеченным. Планета у нас бедная и довольно отсталая, если сравнивать с другими населенными мирами, и едва ли она оказывает серьезное влияние на флуктуации межзвездного рынка. Мы ничего не экспортируем, если не считать опыта ведения военных действий и кое-каких малоинтересных биопродуктов из джунглей. Охотно покупали бы всякую технологическую экзотику и соответствующие услуги у демархистов, но лишь немногие толстосумы Окраины Неба могут это

себе позволить. Когда нас все-таки удостаивают визитом, молва объясняет это тем, что гостей вытеснили с процветающих рынков, с маршрутов Йеллоустон – Солнечная система или Фанд – Йеллоустон – Гранд-Титон, либо тем, что корыту потребовался срочный ремонт. Это случилось примерно раз в десять стандартных лет, и визитеры всегда обводили нас вокруг пальца.

– Хаусманн действительно погиб здесь? – спросил я.

Мы пересекали огромный гулкий вестибюль.

– Где-то неподалеку, – отозвался Дитерлинг. – Где именно – никто никогда не узнает, потому что в те времена не было точных карт. Это случилось в радиусе нескольких километров отсюда, наверняка в окрестностях Нуэва-Вальпараисо. Вначале тело собирались сжечь, но позже решили забальзамировать, чтобы легче было его выставить – в качестве наглядного примера.

– Но культа тогда еще не было?

– Конечно не было. Несколько чокнутых поклонников, но никакого религиозного психоза. Это началось позже. Экипаж «Сантьяго» состоял в основном из людей светских, но человеческую психику не так-то просто излечить от религиозности. Они взяли деяния Небесного и соединили их с тем, что предпочли вынести из прежней жизни; они сохраняли одно и выбирали другое по своему усмотрению. Сменилось несколько поколений, пока они не продумали схему до мелочей, после чего остановить процесс стало невозможно.

– А после того как появился мост?

– К тому времени хаусманниты поделились на секты, одна из которых завладела его мумией. Эти фанатики называли себя церковью Небесного. И решили – исключительно удобства ради, – что он умер не просто у моста, а под ним. И что мост, по сути, надо считать не космическим лифтом – это его побочная функция, – а усыпальницей Господней, символом преступления и славы Хаусманна.

– Но мост спроектировали и построили люди.

– По воле Божьей. Неужели не понимаешь? Таннер, тут ни к чему не подкопаешься, так что сдавайся.

Навстречу нам шли сектанты, двое мужчин и женщина. Возникло ощущение, что я уже где-то видел эту троицу, хотя вряд ли встречался лицом к лицу. Все были одеты в просторные пепельно-серые блузы. Независимо от пола эти люди носили длинные волосы. На голове у одного из мужчин сидел венец – судя по всему, устройство для причинения боли. У другого пустой левый рукав был приколот к боку. На лбу у женщины можно было разглядеть татуировку в виде крошечного дельфина. Мне вспомнилось, что на борту «Сантьяго» Небесный Хаусманн коротал время в обществе своих друзей-дельфинов, которых чурался экипаж.

Странно, что я вспомнил эту подробность. И еще хотелось бы вспомнить, кто мне про нее рассказывал.

– Пистолет твой на взводе? – спросил Дитерлинг. – Приготовь на всякий случай. Может, завернем за угол, а там наш дружок завязывает шнурки.

Я похлопал по пистолету, чтобы убедиться в его наличии:

– Сомневаюсь, Мигуэль, что сегодня нам так повезет.

Мы прошли через дверь в стене вестибюля и теперь уже отчетливо слышали голоса. Это монахи пели хором, и не сказать чтобы в лад.

Впервые с тех пор, как мы очутились в помещении терминала, нашим взглядам предстала спираль. Посадочная площадка являла собой огромное круглое помещение, окаймленное балконом, на который мы вышли. Дно находилось в сотнях метров под нами, а спираль, проходя через лепестковый люк в потолке, спускалась к «причалу», где прятались обслуживающие механизмы, готовые ремонтировать подъемники. Откуда-то снизу и доносилось молитвенное пение, и причуды местной акустики увлекали эти звуки к самому потолку.

Мост – это хрупкая на вид цельная вена из гипералмаза, которая тянется от поверхности планеты до самой синхронной орбиты. Ее диаметр не превышает пяти метров – не считая последнего километра, где она накрывает терминал. Здесь ширина трубки составляет тридцать метров. Уходя наверх, она постепенно сужается. Этот излишек выполняет чисто психологическую функцию: слишком многие захотели бы отказаться от посещения орбиты, обнаружив, насколько узка на самом деле нить, по которой им предстоит путешествовать. Вот почему владельцы моста сделали видимую часть терминала значительно более широкой, чем диктовала необходимость.

Лифты прибывали и отправлялись с интервалом в несколько минут, проходя колонну вверх и вниз из конца в конец. Кабина лифта представляет собой гладкий цилиндр с выпуклым основанием и удерживается внутри шахты при помощи магнитов. Каждая разделена на уровни для питания, отдыха и сна.

Большинство капсул скользили вверх и вниз порожняком, с неосвещенными пассажирскими отсеками. Лишь в каждой пятой или шестой можно было заметить маленькие группы людей. Несомненно, это не говорило о процветании бизнеса, но серьезных проблем, кажется, пока не намечалось. Расходы на прогон пустых кабин были ничтожны в сравнении со стоимостью моста и не влияли на график движения «прибыльных». Издали их было не различить, и это порождало иллюзию оживления и благополучия – надеждой на то, что такое однажды наступит, владельцы моста не тешились с тех пор, как его арендовала церковь. И хотя в пору муссонов можно было подумать, что война прекратилась, кто-то продолжал составлять планы кампаний на новый сезон и на компьютерах-симуляторах разыгрывались военные игры, чертились направления ударов и фланговых обходов.

Хрупкий до головокружения прозрачный «язык» тянулся от балкона почти до самой спирали, оставляя достаточно места для прибывающего лифта. Там уже собирались в ожидании посадки пассажиры с багажом. Среди них я заметил группу аристократов – они выделялись роскошной одеждой. Но Рейвича не было, равно как и людей, похожих на кого-нибудь из его помощников. Пассажиры болтали между собой или смотрели новости на узких прямоугольных экранах, которые плавали в замкнутом пространстве, подобно тропическим рыбам, и мигали рыночными сводками и интервью знаменитостей.

У основания «языка» находилась будка, где продавали билеты на лифт; в ней за столом сидела скужающая женщина.

– Подожди здесь, – сказал я Дитерлингу.

Когда я подошел к столу, женщина подняла на меня глаза. На ней была мягкая форма администрации моста, под налитыми кровью опухшими глазами – лиловые полумесяцы.

– Да?

– Я друг Арджента Рейвича. Мне нужно срочно с ним связаться.

– К сожалению, это невозможно.

На большее я и не рассчитывал.

– Когда он отправился?

Она говорила в нос, произнося согласные неразборчиво:

– Сожалею, но я не вправе разглашать подобную информацию.

Я кивнул с понимающим видом.

– Повторяю, я не...

– Не беспокойтесь, пожалуйста, – перебил я, смягчая реплику любезной улыбкой. – Извините, я не хотел бы показаться навязчивым, но дело очень срочное. У меня для него кое-что есть. Кое-что – это ценная реликвия семьи Рейвич. Могу я поговорить с ним, пока он поднимается? Или нужно ждать, когда он достигнет орбиты?

Женщина заколебалась. Какую бы информацию она ни разгласила в данных обстоятельствах, это будет нарушением правил. Но я выглядел таким честным, так искренне желающим принести пользу другу... И таким богатым.

Она опустила глаза на дисплей:

– Вы сможете отправить ему сообщение и попросить связаться с вами по прибытии на орбитальную станцию.

Это означало, что он еще не прибыл, а находится где-то надо мной, поднимается по нити.

– Пожалуй, я лучше последую за ним, – сказал я. – Тогда задержка получится минимальной. Мы встретимся на орбите. Я просто передам ему эту вещь и вернусь.

– Полагаю, в этом есть смысл... – Женщина посмотрела на меня. Возможно, в моем поведении сквозило нечто странное, однако она не настолько доверяла собственным инстинктам, чтобы воспрепятствовать мне. – Но вам придется поспешить. Посадка вот-вот начнется.

Я бросил взгляд туда, где «язык» протягивался к спирали. Снизу, из технической зоны, уже скользил пустой лифт.

– Тогда будет неплохо, если вы продадите мне билет.

– Полагаю, обратный билет вам тоже понадобится? – Женщина потерла глаза. – Всего будет пятьсот пятьдесят астралов.

Я раскрыл бумажник и отсчитал хрустящие купюры южан.

– Безобразие, – притворно возмущился я. – Сколько нужно энергии, чтобы доставить меня на орбиту? Сущий пустяк. Цена должна быть в десять раз меньше. Бьюсь об заклад, часть денег ляжет в кубышку церкви Небесного.

– Не скажу, что это не так, но вам, сэр, не следует отзываться плохо о церкви. Хотя бы здесь.

– Так ведь на каждый роток не накинешь платок. Но вы-то, надеюсь, не из них?

– Нет, – ответила она, подавая мне сдачу мелкими купюрами. – Я просто здесь работаю.

Сектанты захватили мост лет десять назад, после того как внушили себе, что именно тут был распят Небесный. Однажды вечером целая толпа последователей Хаусманна заполонила терминал; никто и понять не успел, что происходит. Они заявили, что по всему мосту размещены контейнеры с созданным ими вирусом, которые будут взорваны все разом при первой же попытке очистить терминал. Если бы эта дрянь действительно присутствовала на мосту в том объеме, о каком говорили сектанты, и если бы ее разнес ветер, половина Полуострова оказалась бы заражена. Возможно, они блефовали, но никто не рискнул противодействовать культу, стремившемуся навязать себя миллионам людей. Поэтому мост оставили сектантам. Они позволили администрации контролировать работу лифтов, хотя это и означало, что персоналу необходимы регулярные прививки. Учитывая, что антивирусная терапия давала побочные эффекты, это было не самое популярное место работы на Полуострове, тем более что служащим приходилось постоянно слушать песнопения хаусманнитов.

Женщина протянула мне билет.

– Как думаете, я успею? – спросил я.

– Последний лифт отправился всего час назад. Если ваш друг был на нем... – Она помолчала, и я понял, что никаких «если» быть не может. – Скорее всего, вы застанете его на терминале.

– Надеюсь, он меня вознаградит за такие хлопоты.

Она хотела улыбнуться, но передумала. Эта женщина и так сделала для меня слишком много.

– Уверена, он будет в восторге.

Сунув билет в карман, я поблагодарил кассиршу. Жаль было эту бедолагу, такую работу, как у нее, врагу не пожелаешь.

Дитерлинг все так же стоял, прислонившись к низкой стеклянной стене, которая окружала «язык», и с холодным спокойствием на лице рассматривал сектантов. Вспомнилось, как в джунглях он меня спас, когда напала гамадриада. В ту минуту у него было такое же выражение – абсолютно бесстрастное, как у шахматиста, играющего с заведомо слабым противником.

– Ну что? – полюбопытствовал Дитерлинг.

– Он уже уехал.

– Когда?

– С час назад. Я купил себе билет. Теперь твоя очередь. Но делай вид, будто мы путешествуем порознь.

– Братишка, может, мне не стоит ехать с тобой?

– Да не волнуйся ты, – перешел я на шепот. – Отсюда и до выхода с орбитального терминала ни одного поста эмиграционного контроля. Поднимешься и спустишься, и никто тебя не сцапает.

– Таннер, тебе легко говорить.

– Поверь, это безопасно.

Дитерлинг покачал головой:

– Возможно, но вряд ли имеет смысл путешествовать вместе, даже в одном лифте. Мы же не знаем, какое у Рейвича прикрытие. Что, если его охрана все здесь просматривает?

Хотелось поспорить, но внутренне я признавал его правоту. Как и Кагуэлла, Дитерлинг не мог покинуть Окраину Неба, не рискуя быть арестованным по обвинению в военных преступлениях. Оба занимали определенные места в базе данных этой планетной системы, за их головы была назначена солидная награда – невзирая на тот факт, что Кагуэлла мертв.

– Ладно, – согласился я. – Похоже, у тебя есть еще какой-то повод, чтобы остаться. Я вернусь в Дом Рептилий дня через три, не меньше. Думаю, там будет кому присмотреть за порядком.

– Уверен, что справишься с Рейвичем в одиночку?

Я пожал плечами:

– Всего один выстрел, Мигуэль.

– И этот выстрел будет сделан тобой. – У него явно полегчало на душе. – Ну вот и чудно. Сегодня же вечером махну в Дом Рептилий. И буду с интересом смотреть выпуски новостей.

– Постараюсь не разочаровать тебя. Пожелай мне удачи.

– Удачи. – Дитерлинг пожал мне руку. – Будь осторожен, Таннер. За твою голову награда не объявлена, но это не значит, что к тебе ни у кого не возникнет вопросов. Доверяю разработать план избавления от пистолета самостоятельно.

Я кивнул.

– Жалко его? Вижу-вижу. Не горюй, подарю такой же точно на день рождения.

Он долго смотрел на меня, словно собираясь что-то добавить, потом кивнул и пошел прочь от спирали, покинул площадку. В тенистом вестибюле, не сбавляя шага, он начал менять окраску плаща. Дитерлинг удалялся, и его широкоплечую фигуру окружал мерцающий нимб.

Я отвернулся и стал ждать лифта. И, незаметно сунув руку в карман, ощутил холодок и алмазную твердость пистолета.

Глава 3

– Сэр, ужин будет подан на нижней палубе через пятнадцать минут. Если желаете присоединиться к пассажирам...

Голос заставил меня вздрогнуть от неожиданности. Я не слышал шагов по лестнице и полагал, что на смотровой палубе нахожусь совершенно один. Пассажиры разошлись по своим каютам сразу после посадки – путешествие было слишком коротким, чтобы стоило распаковывать багаж... а я поднялся наверх понаблюдать за отправлением. Конечно, мне предоставили каюту, но распаковывать было нечего.

Подъем начался с нереальной плавностью. Вначале казалось, что мы вообще не двигаемся. Ни звука, ни вибрации – только жутковатое ровное скольжение, еле заметный, но постоянный набор скорости. Я посмотрел вниз, пытаюсь разглядеть сектантов, но угол подъема позволял заметить лишь несколько случайных фигур – хотя прямо под нами должна была находиться масса народу. Мы как раз проходили через лепестковый люк в потолке.

Я обернулся. Голос, который меня напугал, принадлежал не человеку, а роботу-слуге. У него были телескопические руки и нарочито безликая голова. Туловище сходило на конус, образуя осиную талию, но ниже – ни ног, ни колес. Он двигался по прикрепленному к потолку рельсу, с которым был соединен торчащим из спины металлическим прутком.

– Сэр, – начал он снова, на этот раз на языке норт, – ужин будет подан...

– Ничего не нужно. Я понял тебя с первого раза.

После короткого раздумья я решил, что риск будет меньше, если я присоединюсь к остальным аристократам. Мое уединение могут счесть подозрительным. А сев за общий стол, я удовлетворю их любопытство, представ в образе некоего вымышленного персонажа, – и это лучше, чем позволить их воображению разыграться, приписывая необщительному незнакомцу самые невообразимые качества. Я перешел на норт – практика не помешает – и добавил, что присоединюсь к остальным через четверть часа, так как хочу еще немного полюбоваться панорамой.

– Прекрасно, сэр. Я закажу для вас место за столом.

Робот развернулся вокруг оси и тихо уехал.

А я вернулся к иллюминатору.

Зрелище, которое предстало моим глазам, оказалось совершенно неожиданным. Мы прошли через потолок вестибюля посадочной площадки, но терминал на этом не закончился, лифт теперь поднимался сквозь верхнюю часть здания. Именно здесь, как я понял, одержимость поклонников Небесного Хаусманна нашла свое наивысшее выражение. После того как его распяли, сектанты сохранили тело, забальзамировав и покрыв особым составом зеленовато-серого цвета, а затем поместили его на гигантском конусообразном выступе, который торчал из стены, почти касаясь спирали. Поэтому труп Хаусманна напоминал резную фигуру под бушпритом парусника-исполина.

Небесный был обнажен до пояса, руки широко разведены в стороны. Он висел на крестовидной конструкции из металлического сплава. Голени были связаны, в кисть правой руки (не в ладонь, – похоже, в программе вируса, вызывающего стигмат, была ошибка) вбит гвоздь, еще один металлический штырь пробил культю отсеченной по локоть левой руки. К счастью, эти подробности, равно как и страдание, навсегда застывшее на лице Хаусманна, не слишком бросались в глаза благодаря обработке, которой подвергли тело. Но хотя черты лица различить было невозможно, боль читалась в изгибе его шеи, в судорожно стиснутых челюстях, как бывает при казни электричеством. Лучше бы его убили током, подумалось мне. Это было бы милосерднее, какие бы преступления он ни совершил.

Впрочем, так было бы слишком просто. Ведь толпа казнила преступника, совершившего ужасные деяния, прославляла же она человека, подарившего ей весь мир. Распиная его, почитатели выражали свое обожание не менее горячо, чем свою ненависть.

Времена меняются, а люди остаются прежними.

Лифт прошел в считанных метрах от Небесного, и я невольно содрогнулся. Вдруг захотелось удалиться отсюда как можно быстрее. Безмерный космос словно превратился в эхокамеру, заполненную отголосками бесконечной боли.

У меня зачесалась ладонь. Зажмурившись, я тер ее о поручень, пока мы не оставили позади терминал, продолжая подниматься сквозь ночь.

* * *

– Еще вина, мистер Мирабель? – спросила похожая на лисицу аристократка, сидящая напротив меня.

– Нет. – Я вежливо промокнул губы салфеткой. – Если не возражаете, я удалюсь. Хочу полюбоваться видом, пока мы поднимаемся.

– Какая жалость, – разочарованно сказала женщина.

– О да, – подхватил ее муж. – Без ваших историй, Таннер, мы будем скучать.

Я улыбнулся. По правде говоря, я просто валял дурака, поддерживая светскую беседу в течение часа, пока мы ужинали. То и дело оживлял разговор пикантным анекдотом, но лишь с целью заполнить неловкие паузы, которые повисали над столом всякий раз, когда тот или иной гость отпускал реплику, способную с точки зрения переменчивого аристократического этикета показаться неделикатной. Не раз мне приходилось разрешать споры между северными и южными фракциями, выступая с речью от лица всей группы. Моя маскировка была не самой убедительной, поскольку даже северяне, кажется, поняли, что я не имею к южанам никакого отношения.

Но это едва ли имело значение. Недавно билетерша приняла меня за аристократа и выложила то, чего раскрывать не имела права. Маскировка худо-бедно действует и сейчас, среди знати, а вскоре можно будет отказаться от нее. Ведь я не нахожусь в розыске, я просто человек с темным прошлым и сомнительными связями. Нет ничего плохого и в том, чтобы называть себя Таннером Мирабелем, – это куда безопаснее, чем высасывать из пальца правдоподобную родословную. Совершенно обычное имя, оно вряд ли вызовет какие-то ассоциации с историей аристократии или иными эпохальными событиями. В отличие от своих сотрапезников я не взялся бы изложить историю своего рода до прибытия Флотилии. Скорее всего, Мирабели появились на Окраине полвека спустя. По меркам знати я просто неотесанный выскочка, но никто не позволит себе подобных нетактичных намеков. Все они долгожители, их генеалогия восходит если не к Флотилии, то ко дню провозглашения пассажирского манифеста, одно-два сомнительных поколения не в счет. Поэтому для них вполне естественно предположить, что я обладаю столь же пышным генеалогическим древом и доступом к тем же лечебным технологиям.

На самом же деле мои предки, прибывшие на Окраину Неба спустя много лет после Флотилии, не располагали никакими средствами для закрепления наследственного долголетия. Возможно, в первом поколении срок их жизни превышал обычный, но этот признак не передался потомкам.

Не мог я приобрести его и за деньги. Кагуэлла хорошо мне платил, но не так хорошо, чтобы я делал себе столь дорогие подарки, одновременно пополняя бюджет ультра. Впрочем, едва ли это имело значение. Препаратами пользовался от силы один из двадцати жителей планеты. Остальные девятнадцать либо по уши погрязли в войне, либо влачили жалкое существование на мирных до поры территориях.

Главная проблема в том, чтобы дожить до следующего месяца, а не до следующего века.

Вот почему я оказался в довольно щекотливом положении, едва разговор зашел о технологиях долгожительства. Я попытался непринужденно развалиться на стуле и позволить словам витать вокруг меня, но едва возникал спор, как мне навязывали роль судьи. То и дело кто-нибудь изрекал: «Таннеру это, конечно, известно» – и поворачивался ко мне, чтобы услышать окончательное суждение, которое выведет из тупика. Не оставалось ничего другого, как отговариваться общими фразами, например: «Это непростой вопрос», или «Очевидно, это касается более глубоких аспектов проблемы», или «С моей стороны было бы неэтично распространяться далее на эту тему ввиду соглашений о конфиденциальности и прочее. Ведь вы меня понимаете?»

Примерно через час я созрел для того, чтобы уединиться.

Поднявшись из-за стола, я извинился и покинул компанию, после чего взобрался по винтовой лестнице на смотровую палубу, расположенную над жилым уровнем и столовой. Перспектива сбросить шкуру аристократа неожиданно показалась весьма заманчивой. Впервые за несколько часов во мне затеплилось профессиональное удовлетворение. Всё под контролем. Очутившись наверху, я приказал службе отсека принести вишневый ликер. Хмель слегка ударил в голову, но это меня ничуть не беспокоило. Еще вдоволь времени, чтобы протрезветь: ясность ума и хватка наемного убийцы понадобятся мне через семь часов, не раньше.

Теперь мы поднимались быстро. Едва покинув терминал, лифт увеличил скорость до пятисот километров в час, но ему все равно понадобится сорок часов, чтобы достичь орбитальной причала. Впрочем, за пределами атмосферы скорость возросла вчетверо, и случилось это во время первой перемены блюд.

Смотровая палуба была полностью в моем распоряжении. Остальные пассажиры, отужинав, разбредутся по пяти отсекам над столовой. В лифте с комфортом могут разместиться пятьдесят человек, и он не покажется переполненным, но сегодня нас здесь всего лишь семеро, включая меня. Общее время путешествия – десять часов. Движение станции по орбите Окраины Неба синхронизировано с обращением планеты. Таким образом, станция постоянно висит над Нуэва-Вальпараисо, то есть строго над экватором. Насколько мне известно, на Земле строили космические мосты, уходившие на высоту тридцать шесть тысяч километров. Но скорость вращения Окраины Неба чуть больше, а сила притяжения чуть слабее, и синхронная орбита находится на шестнадцать тысяч километров ниже. При всем при том длина нити составляет двадцать тысяч километров – представьте, какому напряжению подвергается верхний километр под весом девятнадцати тысяч километров, которые находятся ниже. Сама нить полая, ее стенки имеют кристаллическую структуру гипералмаза с пьезоэлектрическим усилением – а вес, как я слышал, около двадцати миллионов тонн.

Я ходил по отсеку и размышлял о крошечном дополнительном давлении, которое создает каждый мой шаг. Потягивая ликер, я думал о том, насколько инженеры приблизились к предельному напряжению, конструируя лифт, и какой запас прочности заложили в эту систему. Затем более рациональная частица моего разума напомнила, что сейчас по нити движется лишь ничтожно малая доля транспортного потока, который она способна нести. И я, обходя палубу, почувствовал твердую почву под ногами.

Рейвич... Интересно, хватит ли сейчас ему духу выпить?

Панорама могла быть более впечатляющей, но даже там, где ночь еще не опустилась, Полуостров скрывался под пологом туч. Поскольку орбита планеты была низкой и асимметричной, сезон дождей наступал через каждые сто дней – такой здесь короткий год – и длился не меньше десяти-пятнадцати суток. Над резко закругленным горизонтом нежная голубизна неба сменялась густым ультрамарином. Я уже видел яркие звезды, а прямо над нами, на верхнем конце нити, неподвижно висела одинокая звезда орбитальной станции – до нее было все еще очень далеко. Можно вздремнуть пару часов. В солдатские годы я приобрел почти звериную способность восстанавливать силы за час или два неглубокого сна.

Стоило принять это решение, и навалилась усталость, как будто плотину прорвало. Я почти на месте, а посему не помешает чуточку расслабиться.

– Сэр?

Я снова вздрогнул, но на этот раз слегка, поскольку узнал голос слуги. Робот продолжал с обычной вежливостью:

– Сэр, вас вызывают с поверхности. Я могу переадресовать вызов в вашу каюту, или желаете поговорить здесь?

Наверное, стоило пойти в каюту, но не хотелось лишать себя такого прекрасного зрелища.

– Соединяй, – сказал я. – Но прерви вызов, если кто-то будет подниматься по лестнице.

– Слушаюсь, сэр.

Дитерлинг, разумеется, – больше некому. Он явно не в Доме Рептилий, но, по моим прикидкам, должен находиться на полпути или даже ближе. Рановато для сеанса связи – честно говоря, я вообще не ожидал вызова, – но волноваться не о чем.

Однако появившиеся в окне лифта лицо и плечи принадлежали Васкесу Красная Рука. Камера, очевидно, находилась в каком-то помещении; она состыковала изображение так, будто мы стояли лицом к лицу и он смотрел мне прямо в глаза.

– Таннер... Послушай-ка меня, парень.

– Слушаю, – отозвался я, надеясь, что Васкес не заметил невольного раздражения в моем голосе. – Стряслось нечто важное, из-за чего ты решил достать меня здесь?

– Да пошел ты! Миранда, через полминуты тебе расхочется улыбаться. – И облик, и голос Васкеса предвещали неприятности, но угроза явно исходила не от него.

– В чем дело, Красная Рука? Рейвич снова надул нас?

– Не знаю. Я приказал ребятам добыть дополнительную информацию. Абсолютно уверен, что он находится на нити, непосредственно перед тобой или через кабину.

– Но ты меня дергаешь не поэтому.

– Да. Я тебя дергаю потому, что кто-то убил Змея.

– Дитерлинга? – машинально отреагировал я.

Как будто это мог быть кто-то другой.

– Ну да, – кивнул Васкес. – Один из моих парней нашел его с час назад, но не опознал, и поэтому новость пришла ко мне не сразу.

Казалось, мои губы произносят слова без сознательного участия мозга:

– Где он? Что случилось?

– В твоей тачке, она так и стоит на Норкинко. С улицы, если не приглядываться, не видно, есть ли кто-нибудь внутри. Мой парень просто решил проверить машину и обнаружил в ней Дитерлинга. Он еще дышал.

– Что произошло?

– Кто-то его застрелил. Должно быть, поджидал неподалеку от тачки, пока Дитерлинг не вернулся с моста.

– Орудие убийства?

– Не знаю, приятель. По-твоему, я тут распоряжаюсь судебной-медицинской клиникой? – Васкес помолчал, сверля меня взглядом, и процедил: – Кажется, лучевик. На близкой дистанции, в грудь.

Я посмотрел на бокал, который так и держал в руке. Стоять и разговаривать о смерти друга, потягивая ликер, точно на светской вечеринке... Абсурд. Но поставить бокал было некуда.

Сделав еще глоток, я ответил, удивляясь собственному спокойствию:

– Я тоже предпочитаю лучевик, но не в тех случаях, когда нужно пришить незаметно. Луч дает более яркую вспышку, чем любое стрелковое оружие.

– Только не при выстреле в упор. Это все равно что ударить ножом. Мне жаль, приятель, но, похоже, так оно и случилось. Приставили ствол вплотную, ни вспышки, ни звука – и все шито-крыто. Вечером гуляли толпы людей. Кто-то устроил поджог у моста, дал местным повод весело провести ночку. Не думаю, что кто-нибудь заметил вспышку.

– Дитерлинг не позволил бы подстрелить себя вот так запросто.

– Может, его застали врасплох.

Я подумал об этом. Мое подсознание уже примирялось с фактом смерти, но для того, чтобы сделать выводы – не говоря уже о том, чтобы выйти из эмоционального шока, – нужно гораздо больше времени. Однако уже сейчас я был способен задавать правильные вопросы:

– Если его застали врасплох, то он был невнимателен либо принял убийцу за кого-то знакомого. Говоришь, он все еще дышал?

– Да, но был без сознания. Не думаю, Таннер, что мы могли бы сделать для него больше, чем сделали.

– Ты уверен, что он ничего не сказал?

– Если и сказал, то не мне и не парню, который нашел его.

– А этот парень, случайно, не из тех, кого мы видели вечером?

– Нет, он из моих ребят, которые следили весь день за Рейвичем.

Так оно и будет продолжаться, подумал я. Васкес не проявит желания углубляться в подробности, и ответы нужно вырывать у него из глотки.

– И что? Давно ли этот тип у тебя на службе? Дитерлинг когда-нибудь прежде его встречал?

До него, хоть и страшно медленно, доходил смысл моих вопросов.

– Да ты что, приятель! Мой человек никоим образом не может быть в этом замешан. Клянусь тебе, Таннер!

– Я бы не снимал его со счетов. Это относится ко всем, кого мы встретили вечером, включая тебя, Красная Рука.

– Но зачем мне убивать Змея? Я так хотел, чтобы он взял меня на охоту.

В этих словах было что-то трогательно-эгоистичное, а потому они вполне могли быть правдой.

– Что ж, ты упустил свой шанс.

– Таннер, я здесь ни при чем.

– Но Мигуэля убили на твоей территории.

Он собирался ответить, а я собирался спросить, что он сделал с телом и как теперь намерен действовать, но изображение Васкеса растворилось в помехах. В тот же миг вокруг нас словно разом вспыхнуло небо, и все потонуло в мертвенно-белом сиянии.

Это длилось лишь долю секунды.

Но ее вполне хватило. Резкая вспышка матового света показалась знакомой, как будто я однажды видел это раньше. А может, не однажды? Я порылся в памяти и вспомнил россыпь белых гвоздик на фоне звездной тьмы.

Ядерные взрывы.

Освещение в кабине мигнуло. На пару секунд я как будто сделался легче, потом вернулся в прежнее состояние.

Кто-то взорвал атомную бомбу.

По-видимому, нас зацепило электромагнитным импульсом. Я не видел ядерной вспышки с детства. Один из маленьких плюсов нашей войны: до применения оружия массового поражения дело обычно не доходит. Я не мог определить силу взрыва, не зная расстояния до эпицентра, но отсутствие грибовидного облака указывало, что бомбу взорвали высоко над поверхностью планеты. Полная бессмыслица. Конечно, ядерный обстрел мог быть началом нападения, но сейчас не самое подходящее время для боевых действий. Высотные взрывы? Еще меньше

смысла – сети военных коммуникаций защищены от поражения электромагнитными импульсами.

Быть может, просто случайность?

Я поразмыслил над этим еще несколько секунд, после чего услышал быстрые шаги вверх по винтовой лестнице между уложенными друг на друга отсеками лифта. Это был аристократ, из тех, с которыми я ужинал. Я не дал себе труда вспомнить его имя, но левантийское сложение и золотисто-коричневая кожа выдавали северянина. Он был одет весьма вычурно, длинный, до колен, сюртук переливался всеми оттенками изумруда и аквамарина. Аристократ был взволнован. За его спиной, на последней ступеньке лестницы, замерла похожая на лисицу жена, она испуганно поглядывала на нас обоих.

– Вы видели? – спросил он. – Мы поднялись сюда, чтобы посмотреть, – тут наилучший обзор. Вспышка была довольно мощная. Мне она даже показалась похожей на...

– Ядерный взрыв? – договорил я. – Думаю, это он и был. – Перед глазами у меня все еще стояли розовые пятна.

– Слава богу, что рвануло не близко.

– Послушаем, что говорит общественное вещание, – произнесла женщина, глядя на дисплей своего браслета.

По-видимому, информационная сеть, с которой это устройство связывалось, была лучше защищена от помех, чем та, которой пользовался Васкес. На маленьком экране замелькали изображения и текст.

– И что? – поинтересовался муж. – Есть какие-нибудь предположения?

– Не знаю, но... – Она умолкла и задумчиво уставилась в пространство, потом нахмурилась. – Нет. Этого не может быть. Просто не может быть.

– Чего не может быть?

Женщина посмотрела на мужа, потом на меня:

– Говорят, что мост обстреляли. Якобы нить перебило взрывом.

* * *

Мы продолжали плавно подниматься, но мир теперь казался нереальным.

– Нет, – сказал аристократ. Он изо всех сил старался выглядеть спокойным, но выходило плохо. – Скорее всего, это какая-то ошибка.

– Боже, я на это надеюсь, – произнесла его жена с дрожью в голосе. – Последний раз мне делали нейросканирование полгода назад...

– Полгода! – проворчал аристократ. – Черт побери, меня в этом десятилетии вообще не сканировали!

Женщина тяжело вздохнула:

– Что ж, несомненно, это ошибка. Ведь мы стоим здесь, разговариваем, а должны падать на планету, вопя от ужаса. – Она снова недовольно взглянула на браслет.

– Что говорят? – спросил муж.

– То же, что и минуту назад.

– Либо это ошибка, либо подлая ложь.

Я прикинул, разумно ли будет теперь нарушить конспирацию. Разумеется, я был не просто телохранителем. За годы службы у Кагуэллы я изучил эту планету до последнего камешка, хотя обычно удовлетворял свое любопытство не ради повышения боеспособности. Даже не притворялся, будто разбираюсь в устройстве моста, но о производстве гипералмаза, искусственного углеродного аллотропа, из которого он был сплетен, я кое-что знал.

– Вообще-то, они могут быть правы, – заметил я.

– Но ничего ведь не изменилось! – воскликнула женщина.

– По-моему, ничего и не должно измениться.

Пытаясь успокоиться, я переключился на управление кризисной ситуацией – боевая привычка. Где-то в закоулках мозга истошно вопил страх, но я приложил все усилия, чтобы не слушать его.

– Даже если мост перебило, где, по-вашему, произошел обрыв? Думаю, не меньше чем в трех тысячах километров под нами.

– А какое это имеет значение, черт побери?

– Огромное. – Должно быть, в моих устах это прозвучало как юмор висельника. – Представьте себе нить. Она свисает с орбиты и натягивается собственным весом.

– Я об этом думаю, поверьте.

– Хорошо. Теперь представьте, что нить перерезали посередине. Та часть, которая находится выше, все еще свисает с орбитальной «катушки», а нижняя часть начинает падать на землю.

– Значит, беспокоиться не о чем? – Северянин заметно оживился. – Ведь мы наверняка выше разрыва. – Он посмотрел вверх. – Отсюда и до самого орбитального терминала нить цела. Это означает, что мы продолжаем подниматься. И мы доберемся, слава богу.

– Я бы повременил благодарить Господа.

Аристократ взглянул на меня с кислой миной, словно мое глупое замечание нарушало некую салонную игру:

– О чем вы?

– О нашей безопасности. Если вы разрежете натянутую бечевку, ее концы отпружинят в разные стороны.

– О да. – Кислая мина сменилась грозной, словно я возражал ему назло. – Понимаю. Но это, очевидно, не относится к нам, поскольку ничего не случилось.

– Пока не случилось. Я не говорил, что натяжение ослабнет немедленно и сразу по всей нити. Даже если она перебита прямо под нами, упругая волна доберется сюда через некоторое время.

– Сколько у нас времени? – Теперь в его голосе слышался страх.

Точного ответа у меня не было.

– Не знаю. Скорость звука в гипералмазе примерно такая же, как в настоящем, – около пятнадцати километров в секунду. Если разрыв произошел в трех тысячах километров под нами, вначале ударит звуковая волна – примерно... секунд через двести после вспышки. Упругая волна движется медленнее... но она все же догонит прежде, чем мы достигнем высшей точки.

Мой расчет оказался верным, поскольку звуковой импульс последовал сразу за моими словами: резкий удар, как будто кабина подскочила на ухабе при скорости две тысячи километров в час.

– Но нам ничего не угрожает? – Его жена была на волосок от истерики. – Если разрыв действительно под нами... О боже, надо было записываться чаще.

Муж посмотрел на нее с усмешкой:

– Ведь ты сама говорила, что регулярные полеты в клинику для сканирования – слишком дорогое удовольствие.

– Тебе не следовало понимать это буквально.

Я повысил голос, заглушая перепалку:

– Боюсь, нам действительно грозят серьезные неприятности. Если волна пройдет строго вдоль нити, у нас будет шанс уцелеть. Но если спираль начнет делать захлесты...

– Ты кто, черт тебя побери, – осведомился северянин, – инженер, что ли?

– Нет, я специалист совершенно иного рода.

На лестнице снова затопали, и появились остальные пассажиры. Похоже, толчок убедил их, что имеется серьезная причина для беспокойства.

– Что происходит? – спросил один из южан, грузный мужчина, на фут выше остальных.

– Мы летим по перебитой спирали, – ответил я. – Если не ошибаюсь, в кабине есть скафандры? Предлагаю воспользоваться ими как можно скорее.

Мужчина посмотрел на меня точно на сумасшедшего:

– Ведь мы продолжаем подниматься! Мне плевать, что там внизу происходит, – у нас все в порядке. Эта штука сделана с учетом возможных проблем.

– Но не таких, как в нашем случае, – возразил я.

К этому времени прибыл и слуга, подвешенный к своему потолочному рельсу. Я попросил проводить нас туда, где хранятся скафандры. Вообще-то, он должен был предложить это сам, но ситуация оказалась слишком нестандартной, чтобы увидеть в ней опасность для жизни двуногих подопечных. Интересно, дошла ли до орбитальной станции новость о том, что спираль перебита? Почти наверняка дошла – и почти наверняка сделать что-либо с находящимися на нити кабинами невозможно.

И все же нам повезло больше, чем тем, кто оказался в нижней, отсеченной части спирали. Я представил себе тысячекилометровый кусок нити ниже обрыва. Пройдет несколько минут, прежде чем на планету обрушится его верхушка, – она пока висит как заколдованная, словно в фокусе с веревкой. Но все равно нет в мире силы, способной предотвратить ее падение. Миллионы тонн спирали врежутся в атмосферу, отягощенные кабинами, частью пустыми, а частью с пассажирами. Это будет медленная и очень страшная смерть.

Кто виноват в случившемся? Слишком самонадеянно было бы полагать, что это не имеет отношения к моему путешествию. Рейвич перехитрил нас в Нуэва-Вальпараисо, и, если бы не обрыв нити, я бы все еще пытался смириться с гибелью Дитерлинга. Трудно представить, что к диверсии причастен Васкес Красная Рука, хотя я так и не вычеркнул его из списка подозреваемых в убийстве моего друга. Васкесу не хватило бы воображения, чтобы придумать подобное, – не говоря уже о средствах. К тому же сектанты подвергли его идеологической обработке, не позволяющей даже подумать о том, чтобы нанести ущерб мосту. Но кто-то же пытается убить меня. Возможно, враги подложили бомбу в одну из кабин, рассчитывая, что я окажусь в ней или ниже. А может, они неточно пустили ракету. У Рейвича, с его-то связями, была техническая возможность организовать подобное. Но в моей голове не укладывалось, что он способен мимоходом угробить несколько сот ни в чем не повинных людей.

И все же кто его знает, этого Рейвича. Может, он успел ожесточиться вконец.

Мы последовали за слугой к отсекам, в каждом из которых хранился вакуумный скафандр. Ума не приложу, где раскопали эти раритеты: приходилось втискиваться в скафандр, вместо того чтобы позволить ему облепить себя. Все они оказались мне малы примерно на размер, но я облачился довольно быстро – с легкостью бойца, который привык носить броню. Разумеется, заводной пистолет переключался в один из многочисленных карманов, предназначенных для сигнальных ракет.

Пистолета никто не заметил.

– Это не обязательно! – вспыхнул аристократ-южанин. – Мы прекрасно обойдемся без проклятых...

– Не обойдетесь, – перебил я. – Когда налетит упругая волна – а это может случиться в любую секунду, – шарахнет так, что у вас не останется ни одной целой косточки. Наденете скафандр – останетесь живы.

«А может, и не останетесь», – добавил я мысленно.

Пассажиры возились со скафандрами, кто сноровисто, кто не очень. Я устремился на помощь, и через минуту-другую все оказались облачены, не считая великана, который продол-

жал брюзжать, словно у него была прорва времени. Более того, он начал перебирать костюмы и рассуждать по поводу их размеров.

– Хотя бы загерметизируйтесь, а потом будете беспокоиться о синяках и царапинах.

Я представил себе безумное цунами, которое несется нам навстречу, пожирая километры. Волна уже миновала нижние кабины. Интересно, хватит ли ей силы сбросить их?

Я все еще размышлял, когда волна обрушилась на нас.

Это оказалось куда хуже, чем я предполагал. Кабина рванулась в сторону, и нас ударило о внутреннюю стену. Кто-то завопил – похоже, получил перелом, но в ту же секунду нас швырнуло в противоположном направлении, на прозрачный купол смотрового окна. Слуга, сорвавшись с потолочного рельса, пролетел мимо нас, и его твердый стальной корпус ударился в стекло, точно ракета. Оно тут же покрылось паутиной белых линий, но удержалось. Сила тяготения ослабла, когда кабина замедлила движение по спирали; какой-то элемент ее индукционного мотора был поврежден ударом.

Голова аристократа-южанина лопнула, словно перезревший плод, и превратилась в мерзкое красное месиво. Толчки становились все слабее, но его тело еще перекатывалось по каюте. Кто-то снова вскрикнул. В той или иной мере досталось каждому. Возможно, и мне, но адреналин напрочь заблокировал болевые ощущения.

Упругая волна миновала. Я знал, что в какой-то момент она достигнет конца нити и снова пойдет вниз, но уже растратив энергию. Через несколько часов снова будут толчки, однако не такие сильные.

На секунду я позволил себе поверить, что мы выкарабкаемся.

Но затем вспомнил о кабинах, находящихся под нами. Они тоже должны потерять скорость, либо их вообще сбросило. Возможно, сработала автоматическая защита. Но что толку гадать? Если нижняя кабина все еще поднимается с прежней скоростью, она вот-вот врежется в нас.

Я заговорил, заглушая стоны ушибленных:

– Прошу меня извинить, но я вот о чем подумал...

На объяснения не было времени. Или пассажиры последуют за мной, или останутся в кабине, но тогда пусть пеняют на себя. В аварийный шлюз нам не попасть – нужно не меньше минуты, чтобы пройти цикл всем семерым... теперь уже шестерым. Кроме того, чем дальше мы окажемся от моста, тем больше шансов уцелеть, когда кабины столкнутся.

По сути, выбора не оставалось.

Рукой в перчатке я неуклюже извлек из кармана на скафандре заводной пистолет. Прицелиться невозможно, но, к счастью, этого и не требуется. Я просто навел пистолет на паутину трещин, оставленную на стекле слугой.

Кто-то попытался остановить меня, не понимая, что я всего лишь пытаюсь спастись и спасти остальных, но я оказался сильнее, и мой палец нажал на курок. Нанодетали пистолета пришли в движение, высвобождая мощный заряд энергии молекулярного взаимодействия. Из ствола вылетел рой стрелок. Под их натиском паутина расширилась, стекло выгнулось наружу и разлетелось мириадами белых осколков. Образовалось рваное отверстие; через него воздушная буря вышвырнула нас в космос.

Я держался за пистолет, как утопающий за соломинку, и вертел головой, высматривая остальных. Вихрь раскидал их в разных направлениях, точно осколки осветительной ракеты. Однако все мы летели вниз, хотя и по разным траекториям.

Под нами была только планета.

Медленно вращаясь, я снова увидел кабину. Она все еще удерживалась на нити, продолжая уходить вверх, уменьшаясь с каждой секундой по мере моего падения. Затем – едва уловимое появление второй кабины, которая двигалась вверх по нити на нормальной скорости, и тотчас ослепительная, точно ядерный взрыв, вспышка.

Но вот свет погас, и не осталось ничего, даже нити.

Глава 4

Небесному Хаусманну было три года, когда он увидел свет.

Позднее, уже зрелым мужчиной, он будет считать это своим первым отчетливым воспоминанием, которое можно соотнести со временем и местом и которое определенно имеет отношение к реальному миру, – в отличие от иллюзий, обитающих на призрачной границе, что отделяет реальный мир от фантазий ребенка.

Родители запретили ему покидать детскую. Он проявил непослушание, отправившись в дельфинарий, – это темное и сырое место в чреве гигантского корабля «Сантьяго» считалось запретным. Но, по сути, мальчика соблазнила Констанца, которая провела его по лабиринту железнодорожных тоннелей, крытых переходов, пандусов и лестниц туда, где спрятали дельфинов. Констанца была лишь двумя-тремя годами старше Небесного, но казалась ему почти взрослой и запредельно умной. Все твердили, что эта девочка – гений, что однажды – возможно, когда Флотилия завершит свое долгое неспешное путешествие, – она станет капитаном. Это говорилось полушутя, но в то же время почти серьезно. Небесный мечтал, чтобы Констанца назначила его своим помощником, когда этот день наступит. Чтобы они сидели вдвоем перед панелью управления в главной рубке, которую он никогда не видел. Мечта не казалась смешной: взрослые постоянно твердили ему, что он тоже необычайно одаренный ребенок. Даже Констанца иногда поражалась возникавшим у него идеям. Но позже Небесный напомнил себе, что, несмотря на весь свой ум, Констанца не безупречна. Она узнала, как добраться до дельфинария, не попадаясь никому на глаза, но едва ли придумала способ вернуться незамеченными.

Впрочем, приключение того стоило.

– Взрослые их не любят, – сказала Констанца, когда они подошли к резервуару с дельфинами. – Хотят, чтобы дельфинов вообще не было.

Они стояли на скользкой от воды дренажной решетке. Резервуар представлял собой высокий стеклянный аквариум, залитый мертвенно-бледным светом, и уходил на десятки метров в темноту трюма. Небесный взгляделся в полумрак. Дельфины казались далекими серыми тенями в бирюзовой толще воды, их силуэты постоянно исчезали, дробясь на части, и вновь возникали среди причудливой игры бликов. Они казались не живыми существами, а скорее странными фигурами, отлитыми из мыла, – скользкими и не вполне реальными.

Небесный прижал ладонь к стеклу:

– Как можно не любить дельфинов?

– Знаешь, Небесный, с ними что-то не то, – сдержанно отозвалась Констанца. – Это не те дельфины, которые были на корабле, когда он улетел с Меркурия. Это их внуки, а может, правнуки. Они ничего, кроме этого бассейна, не видели, и у них нет родителей.

– Я тоже не видел ничего, кроме этого корабля.

– Но ты не дельфин, тебе ни к чему просторы океана.

Констанца замолчала, потому что один из дельфинов поплыл к ним. Его сородичи теснились в дальнем конце резервуара, возле устройства, состоящего из нескольких телевизионных экранов, которые показывали разные места. Остановившись в толще прозрачной воды у самого стекла, животное неуловимо, но очевидно изменилось. Секунду назад оно казалось полупрозрачным миражем, а теперь это было крупное, потенциально опасное существо из мышц и костей. Небесный видел фотоснимки дельфинов в детской комнате, но это существо выглядело незнакомым. Сетка тончайших хирургических шрамов опоясывала его череп, а вокруг глаз виднелись геометрически правильные выпуклости и борозды – контуры металлокерамических устройств, вживленных под кожу.

– Привет, – сказал Небесный, постучав по стеклу.

– Это Слик, – пояснила Констанца. – Во всяком случае, мне так кажется. Слик – один из самых старых.

Дельфин поглядел на мальчика; пасть изгибалась, точно в лукавой улыбке, взгляд казался одновременно и добродушным, и безумным. Потом он забился в воде, приблизив морду к лицу Небесного, и мальчик почувствовал, как стекло неслышно завибрировало. Что-то появилось в воде перед Сликом, словно сотканное из пузырьков. Вначале это казалось узором завихрений, случайным, как пробные мазки на полотне художника, но затем они начали обретать форму и упорядоченность. Голова дельфина лихорадочно дергалась, как будто животное агонизировало, поражаемое электричеством. Образ продержался лишь несколько секунд, но дельфин, несомненно, создал трехмерное изображение лица. Оно было не слишком четким, но Небесный знал, что это не просто фантазия, плод его подсознания. Для этого изображение было слишком симметричным и пропорциональным. В нем присутствовало и чувство, скорее всего отражающее страх или даже ужас.

Закончив «работу», Слик удалился, презрительно махнув хвостом.

– Они тоже ненавидят нас, – сказала Констанца. – Но разве можно их строго судить за это?

– Зачем Слик это сделал? И как?

– В «дыне» – видел такую шишку у него между глазами? – есть специальные устройства. Их имплантируют дельфинам, когда они совсем маленькие. Обычно с помощью «дыни» они переговариваются, но приборы позволяют лучше направлять звук, поэтому можно рисовать пузырьками. К тому же в воде есть крошечные существа – микроорганизмы, которые светятся от звуковых колебаний. Люди, создавшие этих дельфинов, хотели общаться с ними, вот и нашли способ.

– Кажется, дельфины должны быть за это благодарны.

– Может, и были бы, если бы их не подвергали операциям. И если бы им дали нормальное место для плавания, а не это ужасное корыто.

– Да, но когда мы достигнем Пункта Назначения...

Констанца печально посмотрела на него:

– Будет слишком поздно, во всяком случае для этих дельфинов. Им не дожить. Мы станем взрослыми, а наши родители постареют или умрут.

Дельфин вернулся с сородичем поменьше, и оба начали рисовать что-то в воде. Получалось похоже на человека, раздираемого на части акулами, но Небесный отвернулся прежде, чем окончательно в этом убедился.

– К тому же они слишком далеко зашли, – добавила Констанца.

Небесный снова повернулся к резервуару:

– И все же они мне нравятся. Красивые. Даже Слик.

– Они плохие, Небесный. Психопаты... так говорит мой отец. – Девочка произнесла это с некоторой неуверенностью, словно стыдясь, что проболталась.

– Мне все равно. Я вернусь и увижу их снова. – Он постучал по стеклу и крикнул громче: – Я вернусь, Слик! Ты мне нравишься.

Констанца по-матерински похлопала Небесного по плечу. Она была чуть выше ростом.

– Это ничего не изменит.

– Все равно вернусь.

* * *

Обещание, данное не столько Констанце, сколько самому себе, было искренним. Ему действительно хотелось понять дельфинов, пообщаться с ними и хоть как-то смягчить их страдания. Он представлял себе бескрайние, залитые светом океаны Пункта Назначения – Клоун,

дружок по детской комнате, сказал ему, что там будут океаны. Небесный воображал, как дельфины неожиданно покинут это темное, унылое узилище и окажутся на свободе. Ему виделось, как они плавают с людьми и создают радостные звукообразы в воде, а воспоминания о времени, проведенном на борту «Сантьяго», меркнут подобно душному кошмару.

– Поторопись, Небесный, – сказала Констанца. – Нам пора идти.

– А ты еще приведешь меня сюда?

– Конечно, если захочешь.

Они покинули дельфинарий и пустились в обратный путь, пробираясь по закоулкам в темной утробе «Сантьяго», словно отыскивая дорогу в заколдованном лесу. Раз-другой встречали взрослых, но Констанца вела себя так уверенно, что ни у кого не возникало вопросов – до тех пор, пока дети не оказались на территории небольшого отсека, который был хорошо знаком Небесному.

Именно здесь их обнаружил отец мальчика.

Тита Хаусманна обитатели корабля считали человеком суровым, но добросердечным; его авторитет зиждился скорее на уважении, чем на страхе. Он нависал над беглецами, но Небесный не почувствовал в нем настоящего гнева, лишь облегчение.

– Твоя мать сама не своя, – произнес отец. – Констанца, ты меня разочаровала. Я всегда считал тебя благоразумной.

– Он просто хотел посмотреть на дельфинов.

– Ах, на дельфинов? – Отец, похоже, удивился, словно ожидал совсем другого ответа. – А я решил, что тебя заинтересовали «спящие». Наши дорогие момио.

«И они тоже, – подумал Небесный. – Но в первую очередь дельфины».

– А теперь ты расстроен, – продолжал отец. – Потому что дельфины оказались не такими, как ты ожидал. Правильно? Мне тоже их жалко. Но Слик и другие не в своем уме. Самое лучшее, что мы могли бы сделать, – это усыпить их всех. Но им по-прежнему дозволяется воспитывать свою молодь, и каждое новое поколение будет...

– ...Поколением психопатов, – пробормотал Небесный.

– Да. – У отца был странный взгляд. – Психопатов. Еще более опасных. Вижу, твой словарный запас растет не по дням, а по часам. Стыдно было бы мешать этому процессу. – Он взъерошил Небесному волосы. – Я это к тому, юноша, что надо бы тебе посидеть в детской. Чтобы некоторое время не создавать проблем ни себе, ни другим.

Не то чтобы Небесный ненавидел детскую, но ссыла туда казалась настоящим наказанием.

– Я хочу видеть маму.

– Небесный, твоей мамы на корабле нет. А была бы, сказала бы то же, что и я. Ты проявил непослушание, а за это наказывают. – Он повернулся к Констанце и покачал головой. – Что касается вас, юная леди, какое-то время вы не будете играть с моим сыном. Вам обоим это пойдет только на пользу.

– Мы не играем, – нахмурилась Констанца. – Мы беседуем и исследуем.

– Да, – согласился Тит и тяжело вздохнул. – И посещаете отсеки, в которых вам строго запрещено появляться. Боюсь, это не может оставаться без последствий. – Он смягчил тон, как делал всегда, сообщая нечто важное. – Корабль – наш единственный дом, и другого не будет. Дом – это прежде всего убежище, безопасное место. Но и здесь есть уголки, куда заходить не следует. Не из-за чудовищ каких-нибудь и прочей чепухи, а потому, что там опасно, и не только для детей. Я имею в виду системы энергообеспечения и другие агрегаты. А роботы? А вертикальные шахты? Поверь, я видел, что случается с людьми, которые суют нос куда не надо. Это не самое приятное зрелище.

Небесный ни на миг не усомнился в словах отца. Возглавляя службу безопасности на борту «Сантьяго», где в общем и целом сохранялась политическая и социальная гармония,

Хаусманн-старший занимался расследованием несчастных случаев и крайне редких самоубийств. И хотя Тит никогда не делился с мальчуганом подробностями таких смертей, воображение Небесного рисовало весьма яркие картины.

– Я сожалею о случившемся, – сказала Констанца.

– Верю. Но это не отменяет того факта, что ты привела моего сына в запретную зону. Я поговорю с твоими родителями, Констанца, и вряд ли они придут в восторг. А теперь беги домой, и, быть может, через неделю-другую мы пересмотрим ситуацию. Хорошо?

Она ничего не ответила, только кивнула и ушла по одному из кривых коридоров, которые расходились от перекрестка, где Тит встретил детей. Идти ей было недалеко, жилые отсеки на «Сантьяго» располагались достаточно плотно. Однако проектировщики постарались обойтись без прямых маршрутов, если не считать аварийных проходов и рельсов, ползущих по «хребту» корабля. Змеящиеся коридоры общего пользования создавали впечатление, что внутреннее пространство звездолета куда обширнее, чем на самом деле. Две семьи могли жить бок о бок, полагая, что обитают в противоположных концах жилого сектора.

Тит вместе с сыном направился домой. Небесный сожалел, что матери нет на борту, поскольку она – что бы там ни говорил отец – обычно наказывала не так строго. Была слабая надежда, что она уже вернулась, раньше срока завершив работы на корпусе. Но дома ее не оказалось.

– В детскую, – велел Тит. – Поиграешь с Клоуном. Я вернусь часа через два-три и выпущу тебя.

– Я не хочу туда.

– Правильно. Если бы хотел, что бы это было за наказание?

Дверь детской комнаты отворилась. Тит толкнул сына внутрь, а сам остался за порогом.

– Привет, Небесный, – сказал Клоун.

Он уже поджидал мальчика.

* * *

В детской было много игрушек. Иные умели поддерживать что-то вроде диалога и на первый взгляд даже казались разумными. Небесный понимал, что эти вещи предназначены для детей примерно его возраста, они соответствуют картине мира, которая складывается у обычного ребенка на третий год жизни. Но большинство игрушек показались ему примитивными и даже дурацкими уже после второго дня рождения. Клоун был другим – не совсем игрушка, хотя и не совсем личность. Сколько помнил себя Небесный, Клоун всегда был рядом. Он стал частью детской, хотя находился там не всегда. Он не мог трогать вещи и не позволял трогать себя Небесному, а когда говорил, звуки доносились не оттуда, где он стоял, – или притворялся, что стоял.

При этом нельзя было сказать, что Клоун существует лишь в воображении. Он видел все происходящее в детской и непременно доносил родителям Небесного, если тот совершал заслуживающий порицания поступок. Так, Клоун наябедничал, что Небесный сломал лошадку-качалку и что в этом, невзирая на заверения мальчугана, нет вины ни одной из «умных» игрушек. Небесный возненавидел предателя, но ненадолго. Мальчик понимал, что Клоун его единственный настоящий друг, если не считать Констанцы, и что он разбирается в темах, недоступных даже ее пониманию.

– Привет, – печально отозвался Небесный.

– Вижу, тебя заперли за посещение дельфинария. – Клоун одиноко стоял в строгой белой комнате, прочие игрушки были аккуратно спрятаны. – Небесный, согласись, это неправильный поступок. Сказал бы мне, я бы показал дельфинов.

– Но не тех. Не настоящих. И ты их уже показывал.

– Но не таких. Смотри!

И внезапно оба очутились в лодке, в море, под синим небом. Вокруг на гребнях волн, вспенивая воду, плясали дельфины, их спины блестели под солнцем, словно мокрые булыжники. Впечатление портили только узкие черные окна в одной из стен комнаты.

Однажды Небесный нашел в книге сказок картинку. На ней был кто-то вроде Клоуна, в пестром наряде, с буфами и большими белыми пуговицами. На его комичной физиономии, обрамленной взбитыми рыжими волосами и обвислым колпаком в полоску, застыла широкая улыбка. Когда мальчик дотронулся до иллюстрации, клоун шевельнулся и показал те же фокусы и веселые ужимки, что показывал его собственный Клоун. Небесный смутно помнил времена, когда это фиглярство заставляло его хохотать и хлопать в ладоши, и казалось, нет на свете ничего смешнее и увлекательнее.

Но с тех пор Клоун успел поднадоесть. Он по-прежнему развлекал Небесного, но их отношения стали совсем другими, и пути назад не было. Теперь Клоун представлял для Небесного объект, подлежащий изучению, пусть даже для этого придется разобрать его на части. Клоун чем-то напоминал рисунки пузырьками, которые создавали в воде дельфины, – правда, эта картинка была сделана скорее из света, чем из звука.

И сейчас они были в лодке только понарошку. Под ногами все тот же твердый и гладкий пол комнаты, куда его запер отец. Небесный не совсем понимал, как создается эта картинка, но она вполне могла сойти за реальность. Даже стены детской стали невидимы.

– У дельфинов, живущих в бассейне, – у Слика и всех остальных – есть какие-то приборы, – сказал Небесный. Не мешает кое-что разузнать, пока он сидит взаперти. – Для чего им ультразвук?

– Чтобы проще было фокусировать гидролокатор.

– Нет. Мне просто интересно, кто додумался поместить их туда?

– А-а-а... Наверное, химерики.

– Кто такие химерики? Они полетели с нами?

– Отвечаю на второй вопрос: нет, хотя они были совсем не прочь.

Голос Клоуна, чуть визгливый, дрожал и поэтому напоминал женский. Но в нем при любых обстоятельствах звучало бесконечное терпение.

– Не забывай: когда Флотилия покидала Землю, а потом орбиту Меркурия, чтобы выйти в межзвездный космос, в Солнечной системе продолжалась война. Да, сражения к тому времени в основном закончились, но люди еще не договорились об условиях перемирия. Каждая сторона по-прежнему считала себя воюющей и была готова по любому поводу броситься в драку. Хватало и тех, кому война казалась последней возможностью что-то изменить. Преимущественно это были организованные преступные группировки, не более того. Химерики – точнее, те химерики, которые создали дельфинов, – определенно принадлежали к числу этих банд. Вообще химерики достигли поразительных результатов в экспериментах с киборгами. Они сращивали себя и своих животных с механизмами. Но часть химериков пошла еще дальше. В итоге их стали избегать даже соплеменники.

Небесный слушал Клоуна и впитывал сведения как губка воду. Воспитатель правильно оценивал способности Хаусманна-младшего и говорил вполне доступным для него языком, будучи уверен, что подопечный не упустит ни единого слова. Небесный догадывался, что не все трехлетние малыши способны воспринимать подобные рассуждения, но это его ничуть не смущало.

– А дельфины?

– Они тоже созданы химериками. С какой целью – нам неизвестно. Возможно, химерики собирались покорить океаны Земли, и дельфинам отводилась роль подводной пехоты. А может,

это просто эксперимент, прекратившийся, когда война пошла на спад. Как бы то ни было, агенты Конфедерации Судамерикана¹ отняли у химериков семейство дельфинов.

Небесный знал, что речь идет об организации, которая почти всю войну соблюдала нейтралитет. Ее интересы простирались далеко за тесные границы Солнечной системы. Собрав себе в помощь горстку союзников, Конфедерация осуществила первую серьезную попытку человечества пересечь межзвездное пространство.

– И мы взяли дельфинов с собой?

– Да, предположив, что они пригодятся в Пункте Назначения. Но устранить искусственные образования, вживленные химериками, оказалось очень трудно. Мы предпочли оставить все как есть. Затем родилось новое поколение дельфинов, и обнаружилось, что они не могут общаться со своими родителями обычным способом. Поэтому мы скопировали эти включения и имплантировали молодняку.

– Но в результате дельфины обезумели.

Клоун изобразил легкое удивление и чуть помедлил с ответом. Позже Небесный поймет, что друг «застывает», когда обращается к кому-нибудь из его родителей или других взрослых и спрашивает, как лучше отреагировать.

– Да... – промолвил наконец Клоун. – Но вряд ли мы в этом виноваты.

– Не виноваты? В том, что держим их в трюме, где воды несколько жалких кубометров?

– Поверь, сейчас они содержатся значительно лучше, чем в лаборатории химериков.

– Но ведь дельфины не могут этого помнить.

– Все-таки здесь им лучше.

– Откуда ты знаешь?

– Я же Клоун. – Вечная улыбка растянулась уж совсем неестественно. – Шуты всегда все знают.

Небесный хотел было спросить: «Что ты имеешь в виду?» – но тут вспыхнул свет. Это произошло внезапно и совершенно беззвучно; свет был очень ярким, он бил из узких окон в стене. Зажмурившись, Небесный увидел на сетчатке отражение окна – четкий розовый прямоугольник.

– Что это? – спросил он, моргая.

С Клоуном, а заодно и со всей комнатой происходило нечто непостижимое. В момент вспышки его фигура приобрела уродливые очертания, застывшая физиономия растянулась в разные стороны, словно растеклась по стенам. Лодка, в которой они с Небесным как бы стояли, искривилась вместе с остальной картиной. Линии расползались, словно кто-то размешивал изображение палкой.

Ничего подобного здесь прежде не случалось. Клоун не допускал беспорядка в детской.

Хуже того, сияющие фигурки на стенах, освещавшие комнату, померкли до черноты. Только из высоко расположенного окна еще исходило слабое молочное свечение. Но и оно вскоре исчезло, и Небесный очутился в кромешной темноте.

– Клоун? – позвал он спокойно, а затем повторил чуть настойчивей.

Ответа не последовало. Это было странно. И это было нехорошо. Небесный почувствовал, как в нем поднимается парализующий страх. Да и как еще мог реагировать трехлетний малыш на подобную ситуацию?

И куда только подевались проблески «взрослости» и прочие признаки раннего развития, выделявшие Небесного среди ровесников. Он был просто ребенком, который оказался один в потемках и не понимал, что происходит.

Мальчик снова окликнул Клоуна, на этот раз с отчаянием, – конечно, друг уже ответил бы ему, будь это возможно. Нет, Клоун исчез. Детская, обычно залитая ярким светом, полни-

¹ Южноамериканская Конфедерация (исп.). – Прим. ред.

лась холодной мглой, вдобавок тут воцарилась тишина; не слышать даже вездесущих шумов «Сантьяго».

Небесный направился туда, где должна была находиться стена, потом двинулся вдоль нее, надеясь найти дверь. Но когда дверь закрыта, она прилегает к стене вплотную, обеспечивая герметичность. Ему не удалось нащупать даже тончайшую щель. Внутри не было ни ручки, ни кнопки. Обычно – когда Небесный не был наказан – дверь открывал Клоун, стоило только попросить.

Но на ситуацию нужно как-то реагировать, причем адекватно, – и реакция пришла сама по себе, не заботясь о том, нравится она Небесному или нет. Мальчик заплакал, чего не помнил за собой уже давно.

Он рыдал, пока не иссякли все слезы и не защипало в глазах. Снова позвал Клоуна, напряг слух и ничего не уловил. Принялся кричать, но и это не помогло, только засадило в горле.

Небесный пробыл в одиночестве не более двадцати минут, но казалось, будто прошел час, потом другой, потом еще долгие мучительные десятки часов. Одиночество при любых обстоятельствах было бы для него пыткой. Мальчик не знал, что происходит, и предполагал, что это затея отца, решившего наказать его построже. Время тянулось и тянулось, превращаясь в вечность. Потом мысль об отцовских кознях представилась нелепой. Тело все еще дрожало, но мозг взялся перебирать гораздо менее приятные версии. Что, если детская каким-то образом отделилась от корабля? Что, если она теперь дрейфует в космосе, удаляясь от «Сантьяго», от Флотилии, – а когда это обнаружится, будет уже поздно? Или, возможно, корабль захватили чудовища. Они бесшумно истребили на борту все живое, один лишь Небесный уцелел, но и до него непременно доберутся монстры...

За стеной раздался шорох.

Разумеется, это были взрослые. Некоторое время они возились с дверью, а когда убедили ее открыться, полоска янтарного света протянулась к мальчику по полу. Первым вошел отец, а потом еще четверо или пятеро – Небесный не знал, как их зовут. Они были высокими, сутулыми и казались темными силуэтами, а свет фонарей делал их лица пепельно-серыми и хмурыми, точно у королей из сборника сказок. Вместе с ними в комнату ворвался воздух. Он был холодным, как никогда, и малыш задрожал еще сильнее. Взрослые резкими толчками выдыхали пар, точно огнедышащие драконы.

– Он цел, – сказал отец одному из спутников.

– Ну, вот и славно, – отозвался тот. – Надо отвести его в какое-нибудь безопасное место... а потом начнем пробираться на корму.

– Иди сюда, Шуйлер. – Отец присел на корточки и протянул к Небесному руки. – Иди, мой мальчик. Все в порядке. Незачем так волноваться. Ты плакал?

– Клоун пропал, – еле выговорил Небесный.

– Клоун? – переспросил кто-то.

Отец обернулся.

– Базовая образовательная программа детской комнаты. Вспомогательные процессы, похоже, закрылись в первую очередь.

– Найди Клоуна, – взмолился Небесный. – Пожалуйста...

– Попозже, – ответил отец. – Клоун... отдыхает. Он вернется, не успеешь и глазом моргнуть. Хочешь пить, сынок? Или есть?

– Где мама?

– Она... – Отец запнулся. – Шуйлер, сейчас она не может прийти, но передает тебе привет.

Один из мужчин тронул отца за руку:

– Тит, ему будет спокойнее с другими детьми. В главной детской.

– Он не такой, как другие дети, – возразил отец.

Вскоре они вывели Небесного из комнаты. Холодный коридор уходил вправо и влево, в темноту, прочь от лужиц света, оставляемых фонарями взрослых.

– Что случилось? – спросил Небесный.

Он впервые осознал, что поколеблен не только его внутренний космос. Что бы ни случилось, оно коснулось и мира взрослых. Еще никогда он не видел корабль таким.

– Кое-что очень-очень плохое, – сказал отец.

Глава 5

Я вылетел из сна о Небесном Хаусманне, словно мне дали пинка. В первый момент показалось, что я попал в другой сон, главной особенностью которого было жуткое чувство потерянности в пространстве и времени.

Потом я понял, что это вовсе не сон.

Я бодрствовал. Правда, половина моего разума продолжала крепко спать – та его часть, где записано, кто я такой и что делаю в этом мире. Я даже не мог успокоить себя, разобравшись в том, как нынешняя ситуация связана с прошлым. Кстати, о прошлом... Я мысленно оглянулся, надеясь обнаружить в памяти какие-то зацепки – мое имя, предметы, которые укажут, кем я являюсь. Но это было все равно что всматриваться в густой серый туман.

Правда, мне удалось назвать предметы, находившиеся вокруг. Значит, язык не забыт. Я лежал на жесткой постели под тонким коричневым вязаным одеялом и чувствовал себя бодрым и отдохнувшим, но при этом абсолютно беспомощным. Глазел по сторонам, ожидая «щелчка», после которого ситуация прояснится. Но ни малейшего проблеска, ничего, что показалось бы хоть мало-мальски знакомым.

Я поднес к глазам руку, присмотрелся к выпуклым венам на тыльной стороне кисти. Рука тоже выглядела как-то странно.

Между тем я довольно неплохо помнил подробности сновидения. Оно было поразительно ярким и походило не на обычный сон – череду видений, в которой трудно усмотреть логическую связь, – а на отрезок хроники. Казалось, я незримо присутствовал при всех событиях, следуя за Небесным Хаусманном, точно назойливый призрак.

Потом я зачем-то перевернул кисть.

Посреди ладони виднелось аккуратное пятнышко цвета ржавчины – запекшаяся кровь. Осмотрев под собой простыню, я обнаружил еще несколько засохших пятен – следы недавнего кровотечения.

Что-то материализовалось в тумане памяти – и оно было готово приобрести ясные очертания.

Я вылез из постели, обнаженный, и осмотрелся. Стены у комнаты шероховатые, но это не тесаный камень, а материал наподобие высушенной глины, покрытый ослепительно-белой штукатуркой. Вплотную к кровати стояли табурет и тумбочка из неизвестной породы дерева. Никаких украшений, если не считать маленькой коричневой вазы в стенной нише.

Я в ужасе уставился на вазу.

Страх был совершенно иррациональным, я понял это мгновенно, но ничего не мог с собой поделать. По-видимому, произошло какое-то нервное расстройство. Я слышал собственные слова: «У тебя сохранилась речь, но что-то серьезно нарушено в лимбической системе, возможно, в том отделе мозга, что отвечает за способность, которая впервые появилась у млекопитающих, – за способность бояться».

Разобравшись с происхождением своего страха, я понял, что ваза тут ни при чем.

Дело было в нише.

Что-то пряталось в ней, что-то ужасное. Осознав это, я содрогнулся, сердце бешено заколотилось. Нужно выбраться из комнаты, сбежать от непонятной опасности... Напрасно я внушал себе, что боязнь моя беспочвенна, – при одной мысли о том, что может скрывать ниша, кровь леденела в жилах.

В противоположном конце комнаты виднелась открытая дверь. Куда угодно, только поскорее выйти наружу!

Пошатываясь, я переступил порог.

Мои ноги коснулись травы. Я очутился на росистой, тщательно подстриженной лужайке, окруженной с двух сторон зарослями и валунами. Позади меня стоял сельский домик, в котором я проснулся. Он прилепился к отвесному склону – казалось, домик вот-вот исчезнет в зарослях. Чем выше склон, тем круче; вон там он уже отвесный... Закружилась голова. Надо мной смыкался купол из зелени; я как будто находился внутри перевернутой чаши со стенками, сплошь оклеенными китайским шпинатом. Оценить расстояние было трудно, но «потолок» этого мирка, должно быть, находился в километре над моей головой. Впереди дно игрушечной долины слегка понижалось, а потом снова начинался подъем, пока где-то вдалеке противоположная сторона «чаши» не сравнивалась со склоном за моей спиной.

Расплывчатые границы этого мирка, окрашенные в туманную синеву воздушными массами, терялись среди все тех же зарослей и валунов. Из-за этого в первый момент мне показалось, что это жилище имеет цилиндрическую форму. Но, приглядевшись, я понял, что «берега» долины чуть заметно скругляются и смыкаются друг с другом в двух местах, отчего она напоминает лежащее веретено, – а мой домик находится как раз на экваторе.

Перебрав в памяти множество различных типов жилых конструкций, я не обнаружил ничего похожего. Решительно это место было очень необычным.

Вдоль всей постройки проходила ослепительная белая линия – нечто вроде трубки, наполненной плазмой. Судя по всему, она могла тускнеть, имитируя закат и наступление ночи. Крошечные водопады и грубые скальные поверхности, контрастируя с зеленью, оживляли пейзаж. Местный дизайнер явно имел вкус к японским акварелям. На дальнем склоне долины я заметил пестрые декоративные садики, расположенные террасами, – мозаика, набранная из крошечных элементов. Повсюду, точно россыпь гальки, белели коттеджи и какие-то строения покрупнее. Каменистые тропки петляли по долине, соединяя отдельные домики и поселки. Ближе к концам конусов, из которых состояло «веретено», построек становилось больше. Судя по всему, сила тяжести там слабее, хотя это могло быть только иллюзией. Вероятно, именно с этой целью создатели обиталища выбрали такую форму.

Я погрузился в размышления. И тут что-то крадучись выбралось из зарослей и зашагало на поляну, переставляя совершенно немыслимые металлические ноги на шарнирах. Моя ладонь тут же сжала рукоять несуществующего пистолета, словно для его появления достаточно было простого сокращения мускулов.

Машина остановилась и тихонько застрекотала. Паучьи лапы поддерживали зеленое яйцевидное тело, украшенное светящимся голубым узором в виде снежинки.

– Таннер Мирабель?

Голос доносился из машины, и в этом было что-то подозрительное. Он не мог принадлежать роботу. Это говорила женщина, причем не вполне уверенная в себе.

– Понятия не имею.

– О боже, это все мой кастеллано... – Последнюю фразу она произнесла на норте, но тут же снова перешла на мой родной язык и заговорила еще более смущенно: – Надеюсь, вы меня поймете. Мне не с кем беседовать на кастеллано. Мм... надеюсь, что вам знакомо ваше собственное имя. Таннер. Вот так: Таннер Мирабель... В общем, господин Мирабель. Вы понимаете?

– Вполне, – отозвался я. – Но мы можем общаться на норте, если вам так легче. И если вас не коробит мое косноязычие.

– У вас прекрасное произношение, Таннер. Не возражаете, если я буду называть вас Таннером?

– Боюсь, вы можете называть меня как угодно.

– Ах вот оно что... У вас легкая амнезия? Я правильно угадала?

– Легкая? Ну да... мягко говоря.

Послышался вздох.

– Что ж, для этого мы здесь и находимся. Именно для этого. Мы вовсе не желаем подобного нашим клиентам... но если, не дай бог, это с ними приключается, то они попадают в наилучшие условия. Впрочем, едва ли у них бывает хоть какой-то выбор... Ах, опять я сбилась, верно? Постоянно сбиваюсь. Вы и без того растеряны. Видите ли, мы не ожидали, что вы встанете так скоро, поэтому вас никто не встретил. – Снова вздох, но на этот раз более деловитый. Мне представилось, как она оправляет воротничок, приступая к работе. – Значит, так. Вы в безопасности, Таннер, но вам лучше находиться возле дома, пока кто-нибудь не придет.

– Почему? Что со мной случилось?

– Ну, начнем с того, что вы совсем голый.

Я кивнул:

– А вы не совсем робот, угадал? Впрочем, извините, у меня не слишком изысканный юмор.

– Вам ни к чему извиняться, Таннер. Абсолютно естественно и закономерно, что вы слегка дезориентированы, ведь ваш сон длился так долго... Физически вы не пострадали, во всяком случае, я не вижу признаков... – Она помолчала, затем продолжила, словно стряхнув задумчивость: – Однако психически... Впрочем, этого следовало ожидать. Такого рода кратковременная потеря памяти случается гораздо чаще, нежели они пытаются нам внушить.

– Я рад, что вы сказали «кратковременная».

– Обычно это слово оказывается к месту.

Я улыбнулся. Интересно, она пытается шутить или просто приводит факт, основанный на статистике?

– Кстати, кого вы подразумеваете под словом «они»?

– Разумеется, тех, кто вас сюда доставил. Ультра.

Присев на корточки, я покатал в пальцах травинку, измазал большой палец зеленой кашицей, понюхал ее. Если это имитация, то исключительно правдоподобная. Боевые симуляторы могут отдыхать.

– Ультра?

– Да, Таннер. Вы прибыли сюда на их корабле. Вас заморозили на время путешествия. А теперь у вас амнезия.

При этих словах один из осколков моей памяти кое-как встал на место. Где-то я слышал про «талую амнезию» – то ли недавно, то ли очень давно. Похоже, моя собеседница говорит правду. В этом случае она киборг из экипажа звездолета.

Я попытался еще что-нибудь найти в памяти, но это напоминало блуждание в тумане, хоть я и ощущал уколы воспоминаний – хрупких неживых деревьев, тянущих заколоченные ветви в стремлении воссоединиться с прошлым. Рано или поздно я смогу побродить по этой чаще.

Но пока я вспомнил лишь заверения в том, что со мной не случится ничего страшного, что талая амнезия – это просто очередная байка и на самом деле такое происходит крайне редко.

Значит, имеет место как минимум некоторое искажение фактов. Впрочем, если назвать потерю памяти вполне обычным сопутствующим явлением, это наверняка плохо скажется на бизнесе.

– Не думаю, что ожидал подобного, – сказал я.

– Забавно, но этого почти никто не ожидает. Тяжелее всего с теми, кто даже не помнит, что имели дело с ультра. Но ведь с вами не так?

– Верно, – подтвердил я. – И это меня, заметьте, весьма радует.

– Что именно?

– Мысль о том, что какому-то бедолаге пришлось еще хуже, чем мне.

– Хм-м, – протянула она с ноткой неодобрения. – Таннер, я не уверена, что это правильный взгляд на ситуацию. С другой стороны, ваше выздоровление едва ли займет много времени. А теперь почему бы вам не вернуться в дом? Там вы найдете подходящую одежду. Здесь, в хосписе, не слишком стыдливые нравы, но вы можете простудиться и умереть.

– Я не нарочно, поверьте.

Любопытно, как бы она оценила мои шансы на скорое выздоровление, признайся я, что сбежал из дома, до полусмерти напуганный деталью интерьера?

– Не сомневаюсь, – согласилась она. – Но извольте одеться, а если одежда вам не понравится, мы сможем ее заменить. Я скоро приду вас проводить.

– Спасибо. Кстати, а кто вы такая?

– Я? Можно сказать, всего лишь крошечная шестеренка в огромном механизме, созидющем милосердие. Сестра Амелия.

Ясно, что я не ослышался, когда она произнесла слово «хоспис».

– А скажите, сестра Амелия, где именно мы находимся?

– Ах да, конечно. Вы находитесь в хосписе «Айдлвилд», под присмотром монашеского ордена ледяных нищенствующих. Некоторые предпочитают называть это блаженное заведение гостиницей «Амнезия».

* * *

Я никогда не слышал ни о гостинице «Амнезия», ни об официальном названии этого места, не говоря уже об ордене ледяных нищенствующих.

Когда я возвращался в домик, робот следовал на почтительном расстоянии. У двери я замедлил шаг. Как это ни глупо, страх будто дожидался за дверями, чтобы вцепиться в меня с прежней силой. Я посмотрел на нишу. Снова мне казалось, что неизвестная тварь затаилась там, свернувшись кольцами, и следит за мной с какими-то недобрыми намерениями.

– Просто оденься и выйди отсюда, – велел я себе вслух и отметил, что говорю на кастильяно. – А когда придет Амелия, скажи ей, что тебе необходима психотерапия. Она поймет. Такие вещи наверняка случаются часто.

Я осмотрел вещи, лежащие в комод. Ничего необычного – и абсолютно ничего знакомого. Все простое и, похоже, ручной работы: черный джемпер с клиновидным вырезом, мешковатые брюки без карманов и пара мягких туфель, пригодных для прогулок по лужайкам, но не более того. Одежда подошла мне идеально, но от этого показалась почему-то еще более непривычной.

Я обыскал комод, надеясь найти чьи-нибудь личные вещи, но, кроме одежды, в нем не было ничего. Глубоко разочарованный, я сел на постель и уткнулся в оштукатуренную стену взглядом, но вскоре он опять перебрался к маленькой нише. После нескольких лет «заморозки» химия моего мозга, вероятно, пыталась вернуться в равновесное состояние. А я тем временем знакомился с ощущением психопатического страха. Было сильнейшее желание свернуться клубком, отгородиться от окружающего мира. Меня удерживал лишь холодный довод рассудка: я ведь бывал и в худших ситуациях, сталкивался с опасностями под стать тем, которые мое больное воображение поселило в этой пустой нише, – и всегда успешно справлялся. Не важно, что на ум не приходило ни одного конкретного случая. Достаточно знать, что это было. Если сейчас я сломаюсь, то предам глубоко затаившуюся здравую часть своего рассудка, хранящего память о прежних победах.

Ждать возвращения Амелии пришлось недолго.

Она запыхалась и раскраснелась, словно ей пришлось пробежаться вверх по склону или даже преодолеть овраг, который я заметил во время прогулки. Но улыбалась, – похоже, разминка доставила ей удовольствие. Черное одеяние закрывало все, кроме лица и рук, на шее

висел на цепочке кулон в виде снежинки. Из-под подола хламида торчали пыльные носки сапог.

– Ну как вам одежда? – спросила она, кладя руку на яйцевидную голову сопровождающего робота.

Возможно, она просто опиралась для устойчивости – но это выглядело так, словно она ласково поглаживала машину.

– Будто на меня сшита. Спасибо.

– Вы уверены? Таннер, заменить ее совсем несложно. Просто скиньте, и... – Ее улыбка стала шире. – В общем, моментально получите другую.

– Все в порядке, – заверил я, изучая ее лицо.

Мне еще не доводилось видеть столь бледной кожи. Глаза тоже были почти лишены пигмента, а брови-ниточки как будто вычерчены кистью умелого каллиграфа.

– О, прекрасно. – (Кажется, я ее не убедил.) – Вы еще что-нибудь вспомнили?

– Вроде бы вспомнил, откуда появился. Неплохо для начала.

– Не торопите события. Душа, наш специалист-невролог, сказала, что скоро память начнет восстанавливаться. Только не нервничайте, если это будет происходить не быстро.

Амелия присела на край кровати, где всего несколько минут назад спал я. Поправив одеяло, я прикрыл кровавые пятнышки. Почему-то я стыдился раны на своей ладони и не хотел, чтобы ее увидела Амелия.

– Подозреваю, ждать придется долго.

– Но вы уже вспомнили, что сюда вас доставили ультра. Большинству, как я говорила, даже это не удастся. А помните, откуда вы прилетели?

– Кажется, с Окраины Неба.

– Правильно. Шестьдесят один, система Альфы Лебеда.

Я кивнул.

– Но мы привыкли называть наше солнце Суоном. Так гораздо короче.

– Верно, другие тоже так говорят. Пожалуй, мне стоит запоминать такие подробности... Люди попадают к нам отовсюду. Иногда я пытаюсь свести это в систему, но только запутываюсь.

– Понимаю. Однако я до сих пор не понял, где мы находимся. И видимо, не буду уверен, что понимаю, пока ко мне не вернется память. В любом случае сомневаюсь, что когда-либо слышал о вашей организации...

– Орден ледяных нищенствующих.

– Все равно не помню.

– Это объяснимо. Кажется, у нашего ордена нет представительства в системе Суона. Мы присутствуем лишь в системах с оживленными внутренними и внешними коммуникациями.

Хотелось спросить, в какой из этих систем мы находимся, но я удержался. Не стоит спешить.

– Амелия, кажется, вы хотите рассказать мне чуть больше.

– Не возражаю. Только прошу меня извинить в том случае, если рассказ покажется заранее подготовленной речью. Вы не первый, кому приходится все объяснять, и, боюсь, не последний.

Я узнал, что ордену нищенствующих около полутора столетий, – он основан в середине двадцать четвертого века. Примерно тогда межзвездные перелеты перестали быть прерогативой сверхдержав, вышли из-под контроля их правительств и сделались чуть ли не рядовым явлением. К тому времени ультра объявили о своей независимости. Они не просто использовали звездолеты для перемещения в пространстве. Они рождались и умирали на борту, а срок их жизни, благодаря эффектам растяжения времени, значительно превосходил срок жизни обычных людей. Ультра активно зарабатывали переброской пассажиров из системы в систему, но особой щепетильностью не славились. Случалось им увозить людей за десятки световых лет

заявленного места назначения и высаживать на планете, которая интересовала лишь самих ультра. Иногда они применяли откровенно устаревшие технологии замораживания или выполняли эту процедуру так небрежно, что пассажиры приходили в сознание сильно одряхлевшими или полностью утратившими память.

В сфере обслуживания образовалась своего рода лагуна, и ее заполнили ледяные нищенствующие. Они основали хосписы во множестве систем, чтобы помогать людям, чье «оживление» прошло не слишком гладко. Далеко не одни пассажиры звездолетов становились их клиентами. Куда больше было тех, кто ложился на десятки лет в криокапсулу, чтобы пережить экономические спады или периоды политической нестабильности. Нередко в момент пробуждения выяснялось, что клиент лишился всех своих накоплений, его личное имущество конфисковано, а память нарушена.

– Кажется, я догадываюсь, как попался к вам в сети, – сказал я.

– Прежде всего необходимо понять: никто вас ни в какие сети не ловил. Мы заботимся о пациенте, пока он не поправляется настолько, чтобы улететь. Захотите покинуть нас раньше – удерживать не будем. Пожелаете побыть здесь дольше – что ж, нам не мешает лишняя пара рук для работы в поле. Мы ни к чему вас не обязываем и никогда более не напомним о себе, если не понадобится снова.

– В таком случае почему вы до сих пор не разорились?

– Да как-то удается сводить концы с концами. Большинство пациентов после выздоровления делают пожертвования – абсолютно добровольно, и мы на это особенно не рассчитываем. Наши текущие затраты крайне незначительны, а за строительство «Айдлвилда» мы никому не должны.

– Амелия, такой приют должен был обойтись недешево. Все стоит денег, даже материал, который производят стада безмозглых роботов.

– Он обошелся блаженно дешевле, чем вы думаете, хотя мы были вынуждены пойти на некоторые компромиссы относительно базового проекта.

– Интересно, почему выбрана такая форма – веретено?

– Я вам кое-что покажу, когда немножко поправитесь. Сами все поймете.

Она умолкла и велела роботу налить воды в стаканчик.

– Пейте. Вас, верно, мучит жажда. Понимаю, хочется узнать побольше. Хотя бы о том, как вы попали к нам и где именно мы находимся.

Я принял стакан и с благодарностью осушил. Вода имела странный привкус, но он не показался неприятным.

– Очевидно, я не в системе Суона. Но где-то неподалеку от главных транспортных путей, иначе бы вас здесь не было.

– Да. Мы на орбите Йеллоустона, система Эпсилона Эрида. – Амелия следила за моей реакцией. – А вы не слишком удивлены.

– Я примерно так и думал. Только не помню, что мне здесь понадобилось.

– Вы все вспомните. В некотором роде вам повезло. Кое-кто из наших клиентов абсолютно здоров, но слишком беден, чтобы иммигрировать сюда на законных основаниях. Мы разрешаем подрабатывать, пока они не смогут оплатить хотя бы маршрут до Ржавого Пояса. Либо условливаемся, что они проведут определенное время в другой организации, – так получается быстрее, но не столь приятно. Вам же, Таннер, не понадобится ни то ни другое. Судя по найденной при вас сумме, вы человек обеспеченный. И... весьма неординарная личность. Допускаю, что вам это безразлично, но Окраину Неба вы покидали героем.

– Неужели?

– Да. Там произошла катастрофа, и благодаря вам было спасено несколько человеческих жизней.

– Не помню, хоть убейте.

– Не помните Нуэва-Вальпараисо?

В названии угадывалось что-то знакомое. Так бывает, когда в памяти всплывает цитата из прочитанной давным-давно книги или увиденной пьесы. Но сюжет и действующие лица, не говоря уже о финале... Все покрыто мраком неизвестности.

– Увы, все равно не помню. Скажите хотя бы, как я попал сюда. Как назывался корабль?

– «Орвието». Он покинул вашу систему лет пятнадцать назад.

– Наверное, у меня был серьезный повод, чтобы лететь на нем. Я путешествовал один?

– Насколько нам известно, да. Мы все еще обрабатываем его груз. На борту находилось двадцать тысяч «спящих», и пока удалось «отогреть» примерно четверть из них, не более. Однако вам некуда спешить. Когда собираешься провести пятнадцать лет в космосе, не стоит беспокоиться из-за нескольких недель проволоочки на старте... или на финише.

В этот миг я почувствовал: необходимо что-то срочно сделать. Как будто сон, забытый после пробуждения, продолжал тревожить меня.

– Расскажите, что знаете о Таннере Мирабеле.

– Далеко не все, что хотелось, но пусть это вас не беспокоит. Таннер, на вашей планете идет война, вот уже несколько веков. В корабельном архиве безумный беспорядок, наш архив не лучше. Ультра все равно кого возить, лишь бы платили.

Название казалось привычным, словно старая перчатка. Да и сочетание неплохое. Таннер – в самый раз для рабочего человека, жесткого и прямолинейного, способного делать дело. Мирабель по контрасту звучит с намеком на аристократизм.

Таннер Мирабель так Таннер Мирабель. Жить можно.

– А почему в ваших архивах путаница? Только не говорите, что вы тоже воюете.

– Нет, – осторожно ответила Амелия. – Дело совсем в другом. Постойте, мне показалось или действительно слово «воюете» вы произнесли с легкостью?

– Возможно, я был солдатом.

– Который сбежал с поля боя, совершив зверские преступления?

– Я так похож на преступника и садиста?

Она улыбнулась, но лицо оставалось абсолютно серьезным.

– Таннер, вы не поверите, но у нас кого только не бывает! Вы можете быть кем угодно и чем угодно – внешность не имеет к этому отношения. – Она вдруг нахмурилась. – Погодите, в доме же нет зеркала! Вы видели себя после того, как проснулись?

Я покачал головой.

– Тогда следуйте за мной. Небольшая прогулка пойдет вам на пользу.

* * *

Мы покинули домик и направились по извилистой тропе к равнине. Робот бежал впереди, словно резвый щенок. Несомненно, Амелия полностью контролировала его, но я не мог избавиться от неприятного чувства, будто она разгуливает с ядовитой змеей. И первой непроизвольной реакцией на его появление было желание стрелять.

Это был не театральный жест, а движение, отработанное до рефлекса. Я даже ощутил тяжесть пистолета, ладонь привычно обхватила несуществующую рукоять, и где-то в подсознании шевельнулись профессиональные навыки специалиста по баллистике.

Я разбирался в оружии и не любил роботов.

– Расскажите еще что-нибудь, – попросил я. – О том, как я сюда попал.

– Я уже сказала, что вас доставил «Орвието», – ответила Амелия. – Он находится в системе, поскольку разгрузка затянулась. Если хотите, покажу вам его.

– Так вы же вроде собирались показать мое отражение.

– Не беспокойтесь, Таннер, мы это совместим.

Тропа, петляя, спускалась в темную расселину, скрытую завесой буйной зелени. Должно быть, именно ее я видел в низине под своим домиком.

Амелия была права. Я добирался сюда несколько лет, так что можно потерпеть неделю-другую, пока не восстановится память. И все же я не хотел ждать. С момента пробуждения меня не оставляло беспокойство. Что-то надо сделать – настолько срочно, что даже пять минут могут оказаться решающими.

– Куда мы идем? – спросил я.

– В одно тайное местечко. Конечно, не надо бы вести вас туда, но не могу устоять перед искушением. Вы ведь никому не скажете?

– Я заинтригован.

Темная расселина привела нас на дно долины – в точку, наиболее отдаленную от оси гостиницы «Амнезия». Мы находились как раз на стыке двух конусов. Здесь сила тяжести достигла максимума, и движения требовали от человека дополнительных усилий.

Робот остановился, яйцевидная голова повернулась на шарнирах, к нам обратилась невыразительная физиономия.

– Что это с ним?

– Он не пойдет дальше, это запрещено программой.

Машина загораживала нам тропу, поэтому Амелия сошла с нее и побрела по колено в высокой траве.

– Он не хочет, чтобы мы шли дальше, потому что заботится о нашей безопасности, но не станет мешать, если мы его обойдем. Верно, малыш?

Я проворно обогнул робота.

– Вы что-то говорили о моем подвиге.

– Вы спасли пять жизней, когда обрушился мост в Нуэва-Вальпараисо. Репортаж передавали в новостях по всем сетям, даже здесь.

Снова что-то знакомое. Еще немного, и я вспомнил. Мост был рассечен ядерным взрывом в верхних слоях атмосферы, отчего нижняя часть спирали обрушилась на землю, а верхняя отпружинила. Официально ответственность возложили на какую-то амбициозную группировку, которая проводила в тот день учебные стрельбы. Одна из ракет потеряла цель и пробила защитный экран вокруг моста. Но мне почему-то показалось, что дело не только в этом. И то, что я в тот момент находился в лифте, не было простым совпадением.

– Что именно случилось?

– Ваша кабина оказалась выше места обрыва, поэтому осталась на нити. Она бы уцелела, но снизу мчалась еще одна. Вы поняли это и убедили своих спутников, что спастись можно только одним способом – выпрыгнув в космос.

– Выбора все равно не было. Тем более что они уже надели скафандры.

– Безусловно, но вы знали, что для них это единственный шанс. Кабина находилась высоко над верхними слоями атмосферы, и вам предстояло падать более одиннадцати минут.

– Замечательно. Но что толку в лишние одиннадцать минут, если все равно умрешь?

– Жизнь – это дар Божий, Таннер. Целых одиннадцать блаженных минут... К тому же спасательным катерам этого хватило, чтобы подобрать вас. Конечно, им пришлось пошарить в атмосфере, но нашли всех до единого – даже человека, который уже был мертв.

Я пожал плечами:

– Наверное, я думал только о самосохранении.

– Возможно, но лишь настоящий герой способен признаться в подобных мыслях. Вот почему я считаю, что вы действительно Таннер Мирабель.

– Но сотни людей, должно быть, погибли, – сказал я. – Какое уж тут геройство.

– Вы сделали все, что могли.

Следующие несколько минут мы шли молча по траве, которой все прибывало, и в ней почти терялась тропа, превратившись в узкую канавку на дне долины. Постоянная перегрузка начинала изматывать.

Теперь я шагал впереди. Амелия то и дело отставала, словно кого-то поджидая, потом обогнала меня и вышла вперед. Заросли сомкнулись у нас над головой, образовав сплошной полог, – мы как будто пробирались по темному тоннелю. Проводница моя двигалась не в пример увереннее. Вскоре она включила миниатюрный фонарик. Его узкий луч прорезал темноту, и я подозревал, что это сделано прежде всего ради моего удобства. Что-то подсказывало мне: она бывает здесь достаточно часто и помнит каждую ямку.

Спустя какое-то время необходимость в фонаре отпала. Впереди забрезжил молочный свет. Через равные промежутки времени он то затухал, то разгорался снова.

– Что это за место? – осведомился я.

– Эксплуатационный тоннель, он остался еще со времен постройки «Айдлвилда». Большинство старых тоннелей закупорили, но про этот, кажется, забыли. Я часто здесь бываю, когда хочется поразмышлять в уединении.

– Благодарю за доверие.

Она посмотрела на меня, ее лицо почти растворилось во мраке.

– Вы не первый, кого я привела сюда. Но я действительно доверяю вам, Таннер. Это странно... и вряд ли связано с вашим подвигом. Но вы кажетесь добрым человеком. Вас окружает аура спокойствия.

– О психопатах говорят то же самое.

– Что ж, благодарю за жемчужину мудрости.

– Извините. Наверное, мне стоит заткнуться.

Мы продолжали путь молча. Еще несколько минут – и тоннель закончился, за ним открывалось помещение, похожее на пещеру с искусственным плоским полом. Осторожно шагнув на его гладкую поверхность, я посмотрел под ноги. Пол был стеклянным, под ним что-то двигалось.

Звезды. И миры.

«Веретено» вращалось, у меня под ногами плыла желто-коричневая планета, вокруг нее перемещалась небольшая красноватая луна. Это было восхитительное зрелище. Теперь я знал, как возникают ритмичные вспышки света.

– Это Йеллоустон, – пояснила Амелия, указывая на планету. – Луна с цепью больших кратеров – Глаз Марко, она названа так в честь Марко Ферриса, человека, который открыл Бездну.

Повинуясь внезапному порыву, я опустился на колени, чтобы взглянуть:

– Значит, мы совсем недалеко от Йеллоустона.

– Да. Мы в движущейся точке Лагранжа относительно луны и планеты – в точке гравитационного равновесия, на орбите Глаза Марко, в шестидесяти градусах позади. А вот причальная платформа, там стоит большинство кораблей. – Помолчав, она добавила: – Смотрите, вон они.

Кораблей действительно было множество. В оболочке из алмаза и льда они сверкали подобно ритуальным кинжалам. Каждый из них – это целый городок. Длина сооружения от трех до четырех километров, но на таком расстоянии оно напоминает стайку крошечных тропических рыбок. Они облепили плавающий в пространстве анклав; корабли поменьше щетились на приколе вдоль обода подобно иглам морского ежа. Все это находилось в двух-трех сотнях километров от нас.

Прежде чем гостиница «Амнезия» повернулась вокруг своей оси, Амелия указала на доставивший меня корабль:

– Вон тот, что с краю, кажется, «Орвието».

Я представил себе, как эта сверкающая игла пронзает межзвездное пространство. Корабль мчится с околосветовой скоростью, покрывая невообразимое расстояние от Окраины Неба до Йеллоустона. И все эти пятнадцать лет втиснуты в несколько субъективных мгновений беспробудного сна... У меня похолодело в животе.

– Назад пути нет, – заметил я. – Даже если один из этих кораблей сейчас полетит на Окраину Неба, а я найду средства оплатить место на борту. Кому нужен герой тридцатилетней давности? В лучшем случае про меня уже и не вспомнят. А в худшем... кому-нибудь придет в голову объявить меня военным преступником и казнить в момент моего пробуждения.

Амелия медленно кивнула:

– Вы правы. Мало кто возвращается домой. Даже если война закончилась, все равно слишком многое изменилось. И большинство еще до отлета знают, что не вернуться.

– А я знал, как думаете?

– Не могу сказать, Таннер. Вы не такой, как все. – Неожиданно она оживилась. – Смотрите! Сброшенная оболочка!

– Что?

Я проследил за ее взглядом и увидел пустую коническую «раковину». Возможно, мне только показалось, но в нее мог поместиться любой из кораблей, пристыкованных к причалу.

– Я не очень разбираюсь в этих кораблях, – сказала Амелия. – Знаю, что они почти живые и способны со временем изменяться и совершенствоваться, а потому никогда не устаревают. Чаще это внутренние изменения, но иногда они влияют на форму корабля – например, он вырастает или обводы становятся более сглаженными, чтобы корабль мог выйти на околосветовую скорость. При этом ему проще скинуть старую алмазную оболочку целиком, нежели заменять по частям. Это называют «линькой» – словно змея сбрасывает кожу.

– Понятно. А потом ненужную броню можно продать по сходной цене?

– Продать? Это никому и в голову не приходит. «Кожа» будет просто вращаться на орбите, пока кто-нибудь в нее не врежется. Мы захватываем оболочку, стабилизируем орбиту... Одну такую мы обложили скальными породами с Глаза Марко. Потом пришлось ждать, пока не появится еще одна, подходящего размера, и тогда мы их соединили. Так наконец был построен «Айдлвилд».

– Сэкономили, стало быть.

– На самом деле это огромный труд. Но проект оправдывает себя. Во-первых, для заполнения цилиндрического анклава такой же длины требуется куда больше воздуха. А во-вторых... Как и все люди, мы стареем. Нам все тяжелее находиться там, где соединяются раковины, и выполнять свои основные обязанности. Мы все больше времени проводим на возвышенностях с низкой гравитацией и постепенно переселяемся к концам «веретена». Можно сказать, ближе к небесам.

– Надеюсь, не слишком близко.

– Наверху не так уж плохо, – улыбнулась Амелия. – Во всяком случае, наши «божьи одуванчики» с полным правом поглядывают на остальных свысока.

Позади нас раздались тихие шаги. Я застыл – и моя рука снова сжала несуществующее оружие. Потом чья-то фигура, почти неразличимая в темноте, скользнула в пещеру. Я увидел, как насторожилась Амелия. На минуту пришелец замер, и я слышал только его дыхание. Я тоже молчал и терпеливо ждал, пока пещера снова не осветится, и я тогда смогу его рассмотреть.

Он заговорил первым:

– Амелия, тебе ведь запрещено сюда приходить.

– Брат Алексей, – проговорила она, – ты же знаешь: я не одна.

Его наигранный смех отразился эхом от стен пещеры.

– Неплохо сказано, Амелия. Но я знаю, что ты шла одна. Еще не поняла, что я следил за тобой?

– Нет, не одна. Просто я шла последней. Я догадывалась, что ты следил за нами, но не была уверена.

Я молчал.

– Амелия, ты никогда не умела лгать.

– Возможно. Но сейчас я говорю правду. Верно, Таннер?

– Она говорит правду, – подтвердил я.

В этот момент свет снова хлынул в пещеру, и я увидел нашего собеседника. Судя по тому, как к нему обращалась Амелия, он тоже принадлежал к нищенствующим, но был одет чуть иначе. Простую черную хламиду с капюшоном украшал орнаментальный узор на груди – снежинки словно покоились на скрещенных руках. Парень не излучал монашеской безмятежности, в его глазах я заметил голодный блеск. Брат Алексей вообще казался недокормленным – мертвенная бледность кожи, тени на впалых щеках, заострившийся подбородок.

– Она говорит правду, – повторил я.

Парень шагнул к нам:

– Дай-ка я тебя рассмотрю как следует, слякоть. – Брат Алексей пялился на меня мерцающими ввалившимися глазами. – Давно разморозился?

– Пару часов назад.

Я стоял неподвижно. Пусть смотрит, если ему интересно. Он был выше меня, но весил примерно столько же.

– Наверное, это немного... но достаточно, чтобы понять: мне не нравится, когда меня называют слякотью. Станный у вас, у ледяных нищенствующих, жаргон. Сдается, вы совсем не такие святоши, какими прикидываетесь.

Алексей ухмыльнулся:

– С чего ты взял, что мы прикидываемся?

Я шагнул к нему. Под моими ногами за стеклом медленно вращались звезды. Ситуация как будто прояснялась.

– Что, нравится донимать Амелию? Небось, пока следил за ней, чуть в штаны не кончил? А если бы ее одну застал? А? Что бы сделал тогда?

– Побеседовал бы с ней о божественном, – ухмыльнулся он.

Теперь я понял, почему Амелия так мешкала. Она позволяла Алексею шпионить за собой и при этом делала вид, что идет одна. Ей было нужно, чтобы он увязался, потому что я рядом. Как давно началась их вражда? Сколько ей пришлось ждать, пока не оживили человека, которому, по ее мнению, можно довериться?

– Осторожно, Алексей, – предупредила Амелия. – Это герой Нуэва-Вальпараисо, он спас там людей. Не какой-нибудь жалкий турист, который все стерпит.

– Не турист, говоришь? Тогда в каком же качестве он здесь находится?

– Сам не знаю, – ответил я за Амелию.

С этими словами я в два шага пересек разделявшее нас с Алексеем расстояние и притиснул его к стене пещеры.

Мое предплечье легло на кадык брату Алексею, и я слегка надавил – пусть думает, будто его хотят задушить. Движение было легким и плавным, как зевок.

– Перестань... – простонал он. – Пожалуйста... Мне больно.

Из его руки выпал какой-то сельскохозяйственный инструмент с острой кромкой. Я отшвырнул его ногой:

– И кто из нас слякоть? Если взял в руки оружие, так не бросай.

– Ты меня задушишь!

– Если бы я тебя душил, ты бы сейчас не разговаривал, а валялся в отключке.

Однако я чуть ослабил нажим, а потом толкнул Алексея в тоннель. Парень запнулся и тяжело рухнул на пол. Что-то выкатилось из его кармана – видимо, очередное самодельное оружие.

– Пожалуйста...

– Послушай меня, Алексей. Это было предупреждение. Когда встретимся в следующий раз, руку сломаю, понял? Я не желаю тебя здесь видеть.

Подняв мотыжку, я швырнул ее Алексею:

– Займись-ка лучше прополкой.

Под нашими взглядами он поднялся, что-то пробурчал и исчез в темноте.

– И давно это началось?

– Несколько месяцев назад. – Амелия снова говорила спокойно. Йеллоустон и рой кораблей на причале, вращаясь, проплывали под нами. – Он грозил... намекал... Правда, пока Алексей только запугивал меня. Но каждый раз он заходит чуть дальше. Таннер, я его боюсь. Рада, что вы здесь, со мной.

– Так, значит, вы это нарочно подстроили? Надеялись, что он сегодня еще дальше зайдет?

– Потом я испугалась, что вы убьете его. Ведь вы бы смогли, если бы захотели?

Я сам задавал себе этот вопрос... и ответ был очевиден. Убить Алексея не составляло труда – достаточно нажать чуть по-другому. И я бы, конечно, остался таким же спокойным, как и в начале инцидента.

– Запросто, – подтвердил я и нагнулся за предметом, выпавшим у Алексея из кармана.

Это было не оружие – по крайней мере, в моем представлении оружие так выглядеть не могло, – а что-то вроде шприца для подкожных инъекций. Внутри темнела жидкость, не то черная, не то темно-красная – скорее, последнее.

– Что это?

– Это... вещь, запрещенная в «Айдлвилде». Отдайте, пожалуйста, я ее уничтожу.

Я охотно подчинился – мне штуковина была ни к чему, – и Амелия с отвращением сунула ее в карман.

– Таннер, – проговорила она, – когда вы покинете нас, он снова примется за свое.

– Займемся этим позже. Мне, вообще-то, некуда торопиться, тем более с такой памятью.

Чтобы отвлечь Амелию от дурных мыслей, я напомнил, что мне обещали показать мое лицо.

Неохотно кивнув, она достала из кармана крошечный фонарик:

– Встаньте на колени и внимательно посмотрите в стекло.

Когда Йеллоустон и его луна ушли и в пещере опять стемнело, Амелия направила луч мне в лицо. Я увидел свое отражение в стекле.

Никакого шокирующего ощущения неузнаваемости. Да и откуда ему взяться? Я уже сто раз ощупывал лицо после пробуждения. Как и ожидалось, я оказался далеко не красавцем. Подобную внешность может иметь не слишком популярный актер или политик, которому заслуженно не доверяют. Темноволосый мужчина возрастом чуть за сорок... Интересно, откуда я такой взялся? Но я знал, что примерно так же выглядел и на Окраине Неба, поскольку в вопросах продления жизни мы лет на сто отстали от человечества.

Очередной осколок памяти со щелчком встал на место.

– Спасибо, – сказал я, наглядевшись досыта. – Думаю, это поможет. Едва ли моя амнезия продлится вечно.

– Она почти всегда проходит.

– Откровенно говоря, я вел себя легкомысленно. Так вы говорите, есть люди, к которым память так и не вернулась?

– О да, – произнесла она с нескрываемой грустью. – Как правило, они уже не восстанавливаются настолько, чтобы могли переселиться на планету.

- И что с ними происходит?
 - Остаются здесь. Учатся помогать нам, возделывать террасы. Иногда даже вступают в орден.
 - Бедняги.
- Амелия поднялась и поманила за собой:
- Таннер, бывают судьбы еще печальнее. Уж я-то знаю.

Глава 6

Ему было десять. Они с отцом шагали по вогнутому полированному полу грузового уровня, поскрипывая подошвами ботинок. Внизу, под сильным глянцем, перевернутые вверх ногами, шли их темные двойники – мужчина и мальчик, вечно взбирающиеся по наклонной поверхности, которая все набирает крутизну, но при этом кажется совершенно горизонтальной.

– Мы выйдем из корабля? – спросил Небесный.

Тит опустил взгляд на сына:

– Почему ты так думаешь?

– Иначе бы мы сюда не пошли.

Тит промолчал, ему нечем было возразить. Небесный еще не бывал в грузовом отсеке, даже во время прогулок с Констанцией по запретной территории «Сантьяго». Он помнил тот день, когда девочка повела его глядеть на дельфинов, помнил постигшее его наказание и то, что за этим последовало: вспышку света и бесконечно долгое одиночество, сидение в запертой детской, в холоде и кромешной темноте.

Ему казалось, что это произошло очень давно. Однако кое-чего он не понимал даже теперь. Отец, невзирая на все просьбы, отказывался объяснить, что же все-таки произошло в тот день. И не из упрямства или боязни мучительных воспоминаний о гибели матери Небесного. Мальчик еще не знал, что это называется «избирательная цензура», – более тонкий метод неразглашения информации, нежели простое замалчивание, был взят на вооружение всеми взрослыми. Они как будто напрочь забыли тот день, когда корабль вдруг стал темным и холодным. А вот в памяти Небесного эти события запечатлелись накрепко.

После томительного ожидания – теперь ему казалось, что оно продлилось несколько дней, – взрослые наладили систему освещения. Одновременно заработали воздухообменные установки, и Небесный снова услышал слабый гул – такой привычный, что и не вспомнишь о нем, пока не оборвется. Позже отец сказал, что воздух, которым они дышали все это время, не восстанавливался. По мере того как полторы сотни взрослых и детей выдыхали углекислый газ и поглощали кислород из атмосферы корабля, воздух становился все более затхлым. Еще несколько дней, и начались бы серьезные проблемы, но тут посвежело, корабль постепенно отогрелся, и вновь можно было ходить по коридорам, не дрожа от холода. Вспомогательные бортовые системы, отключившиеся при аварии, мало-помалу оживали. По «хребту» снова забегали вагонетки, развозя оборудование и техников. Ранее молчавшие информационные сети изъявили готовность отвечать на запросы. Однако Небесный даже не заметил, как люди перешли с аварийных пайков на привычную пищу.

И по-прежнему никто из взрослых не соглашался объяснить, что же все-таки произошло.

Наконец, когда на борту восстановилась привычная жизнь, Небесный тайком пробрался к себе в детскую. Комната снова освещалась, но, к удивлению мальчика, она осталась неприбранной. Даже Клоун пребывал в той же странной позе, что и в момент вспышки.

Небесный осторожно приблизился к старому другу, всмотрелся в искаженные черты и узнал, что Клоун был просто узором из крошечных цветных квадратиков, покрывавших стены, пол и потолок детской. Этот движущийся калейдоскоп собирался в нечто осмысленное лишь в той точке комнаты, где стоял Небесный. Создавалось впечатление, что Клоун физически присутствует в комнате, а не просто нарисован на стене. Небесный увидел его ноги на полу – странным образом искривленные, они показались абсолютно реальными, стоило мальчику вернуться на прежнее место. Если бы его взгляд двигался быстрее, чем цветные квадратики, этот трюк был бы разгадан. Но комната всегда опережала движения глаз Небесного. Целых три

года мальчик не сомневался, что Клоун реален, хотя тот не мог ни к чему прикоснуться и сам оставался «неприкасаемым».

Родители переложили свою ответственность за воспитание ребенка на иллюзию.

Но сейчас мальчику не хотелось их винить ни в чем. Напуганный громадностью грузового отсека, взволнованный мыслями о том, что его ожидает, он предпочел выбросить из головы неприятные воспоминания. Отсек казался еще больше из-за того, что отец и сын были здесь совсем одни, окруженные пятном света, которое двигалось вместе с ними. Границы помещения, скорее, угадывались по силуэтам грузовых контейнеров и вспомогательных механизмов, которые отступали в темноту по всей длине арочных переходов. Рядом замерли космические суденышки. Вот одноместный буксир, вот «помело» – эти предназначались для полетов вблизи корабля... А вот летающие такси с герметичными кабинами, на них можно добраться до других кораблей Флотилии. Такой аппарат позволял совершить аварийную посадку на планете с плотной атмосферой, но вернуться в космос он уже не мог. Шаттлы с дельтавидными крыльями, предназначавшиеся для многоразовых спусков на поверхность Пункта Назначения, были слишком велики, чтобы поместиться в отсеках «Сантьяго»; они пристыковывались снаружи. Увидеть их могли только те, кто работал на корпусе корабля в составе дежурных команд, – как мать Небесного перед смертью.

Тит остановился возле одного из маленьких шаттлов.

– Да, – произнес он, – мы выйдем наружу. Думаю, тебе пора увидеть вещи такими, какие они есть.

– Что за вещи?

Вместо ответа Тит приподнял манжету униформы и спокойно произнес в наручный браслет:

– Обеспечьте экскурсионный транспорт номер пятнадцать.

Приказ был выполнен немедленно, без запроса о полномочиях. Шаттл с клиновидным корпусом, мигая огнями, появился из темноты и приоткрыл дверь кабины на мягких шарнирах. Поддон, на котором он был установлен, повернулся, подавая дверь поближе и выравнивая летательный аппарат на направляющей колее. Из отверстий по бокам шаттла заструился пар, и Небесный услышал, как где-то в глубине корпуса нарастает рев турбин. Несколько секунд назад эта машина была гладким мертвым куском металла, но теперь ее наполняла могучая, еле сдерживаемая сила.

Мальчик потоптался у двери, но отец махнул ему рукой:

– После тебя, Небесный. Иди вперед и займи место слева от колонки управления. И ничего там не трогай.

Небесный запрыгнул внутрь. Пол под ногами ощутимо вибрировал. В кабине оказалось куда тесней, чем представлялось снаружи, – корпус был обшит мощными слоями брони. Пару раз пришлось пригнуться, чтобы не задеть макушкой трубопровод – дикую путаницу трубок, – прежде чем мальчик добрался до пульта. Наконец, угнездившись в кресле, он занялся пряжкой из вороненой стали, чтобы потуже пристегнуть ремень безопасности. Перед ним мерцал дисплей, по холодному бирюзовому экрану непрерывно ползли цифры и замысловатые чертежи. Выше изгибалось прозрачно-золотистое лобовое стекло. Слева от дисплея – колонка управления: аккуратные рычажки, кнопки и джойстик с черной рукояткой.

Потом вошел отец и уселся в кресло справа. Дверь закрылась, и неожиданно наступила тишина – лишь монотонно гудела система внутренней вентиляции. Тит коснулся пальцем дисплея, узор из чертежей и цифр изменился, и отец принялся изучать их, сосредоточенно щура глаза.

– Маленький совет, Небесный. Никогда не доверяй этим чертовым железкам, если речь идет о безопасности. Все проверь сам.

– Не верить тому, что тебе предлагают машины?

– Раньше верил. – Отец подал вперед джойстик, и шаттл заскользил по колее мимо колонн летательных аппаратов. – Но техника небезгрешна. Мы полагались на нее, внушая себе, что иначе можно просто свихнуться. Ведь здесь каждый наш вздох зависит от машин. Как потом выяснилось, это был всего лишь самообман.

– А почему теперь ты относишься к технике по-другому?

– Скоро увидишь.

Небесный поднес к губам свой браслет – простенький, с набором функций куда скромнее, чем у отцовского, – и попросил корабль соединить его с Констанцей.

– Ни за что не догадаешься, где я сейчас нахожусь, – произнес он, когда на дисплее появилось крошечное, ярко освещенное лицо. – Я лечу на прогулку.

– С Титом?

– Ага!

Констанце уже исполнилось тринадцать, однако ей, как и Небесному, нередко давали больше – и не из-за внешности. Она выглядела не старше своего возраста, а Небесный даже моложе. Маленького и бледного мальчугана трудно было представить взрослеющим. Однако оба были развиты не по годам, и Констанца уже трудилась в охранной структуре под руководством Тита, почти наравне со взрослыми. В ее обязанности входило не столько следить за порядком, сколько контролировать ход запутанных процедур, связанных с соблюдением безопасности, а также изучать и проигрывать сценарии операций – вполне естественно для корабля с немногочисленным экипажем. Эта работа, при всей ее серьезности и необходимости воспринимать феноменально сложный организм «Сантьяго» как единое целое, не требовала от Констанцы выхода за пределы корабля. С тех пор как она начала работать с отцом Небесного, дружба успела окрепнуть, несмотря на то что Констанца вошла в мир взрослых и взяла на себя ответственность, которой не было у мальчика. И сейчас он намеревался произвести на нее впечатление, чтобы вырасти в ее глазах.

Ответ оказался совершенно неожиданным:

– Мне жаль, Небесный. Я знаю, что тебе будет нелегко, но ты должен это увидеть.

– Ты о чем?

– О том, что собирается показать тебе Тит. – Она выдержала паузу. – Я-то давно знаю. С того дня, когда мы смотрели дельфинов. Ладно, об этом не положено говорить. Когда вернешься на корабль, поговорим... если захочешь.

Мальчуган вскипел: она говорит с ним не как друг, а как старшая сестра, позволяя себе снисходительный тон! Отец окончательно сбил его с толку, положив ему руку на плечо, словно хотел успокоить:

– Она права, Небесный. Я хотел подготовить тебя, но потом решил, что не стоит. Констанца сказала правду. Это не слишком приятно, но истина бывает разной, в том числе и очень горькой. Думаю, теперь ты готов.

– Готов к чему? – Мальчик вспомнил, что контакт с Констанцей все еще действует. – Ты знала, что задумал отец?

– Она догадывалась, что я устрою тебе экскурсию, – вмешался Тит, прежде чем девочка попыталась защититься. – Только и всего. Не сердись на нее. Это выход за пределы корабля, все сотрудники безопасности обязаны знать о нем. А поскольку мы не переправляемся на другой корабль, то и о цели полета все оповещены.

– И какая же это цель?

– Узнать, что произошло с твоей матерью.

Пока шел разговор, шаттл двигался вперед. И вот уже он достиг металлической стены грузового отсека. Мгновенно отъехала круглая дверь, машина скользнула с поддона в коридор, залитый багровым светом, длинный и лишь немного шире, чем сам шаттл. С минуту они стояли там, пока из камеры с шипением и свистом уходил воздух, затем шаттл резко качнулся и

провалился в шахту. Отец воспользовался задержкой, чтобы наклониться к сыну и поправить ремни.

А потом они очутились снаружи. Вокруг была крошечная тьма – и лишь сверху мягко скругленный корпус корабля. Голова пошла кругом, хотя ничто не намекало на высоту.

Они падали. Это длилось лишь мгновение, но к горлу подступила тошнота. Нечто подобное Небесный переживал во время редких прогулок вблизи центральной оси корабля, где сила тяжести была почти нулевой.

Затем двигатели такси ожили, и вес вернулся. Отец ловко отвел машину от серой громады корабля, нависающей над ними. Его руки летали над клавишами, едва касаясь их, точно исполняли беззвучную пьесу на фортепиано.

– Меня тошнит, – сказал Небесный.

– Закрой глаза. Это скоро пройдет.

Небесного раздирали противоречия. Несмотря на тревожное чувство – из-за того, что экспедиция каким-то образом связана со смертью матери, – он ощущал волнение, граничащее с восторгом.

Он снаружи!

Расстегнув пояс безопасности, мальчуган отправился на поиски места с наилучшим обзором. Беззлобно отчитав его, отец велел вернуться в кресло, но было ясно, что настаивать он не будет. Шаттл развернулся, и перед ними предстал огромный корабль, только что покинутый ими.

– Небесный, вот дом, где ты прожил последние десять лет. – Отец улыбнулся. – Единственный дом, который ты знаешь. Можешь не скрывать своих чувств. Правда, корабль не слишком красив?

– Зато он большой.

– Еще бы – ведь это все, что у нас есть. Вообще-то, я тебе немного завидую, – по крайней мере, ты увидишь Пункт Назначения.

Небесный кивнул, но спокойная уверенность отца в том, что он к тому времени умрет, не могла не вызвать печаль.

Он снова посмотрел на корабль.

«Сантьяго» достигал в длину двух километров. Он превосходил любой морской корабль, когда-либо пересекавший океаны Земли, и не уступал самым крупным звездолетам, бороздившим Солнечную систему до отлета Флотилии. Правда, его корпус вначале принадлежал старому грузовому кораблю на ядерной тяге и был переоборудован для путешествия в межзвездном пространстве. Другие корабли Флотилии, за небольшим исключением, создавались таким же образом.

Ближайшая звезда находилась еще слишком далеко, чтобы освещать корабль, и он был бы невидим, если бы не крошечные искорки иллюминаторов по всей длине корпуса. На носу корабля сияла огромная сфера – командный отсек с капитанским мостиком, где экипаж проводил большую часть вахты. Там же находились навигационные и научные приборы, с самого первого дня нацеленные на конечную точку путешествия – звезду, которую они называли Суон. Небесный знал эту холодную красную звезду бинарной системы под более прозаическим названием – «61 Лебедя А». Россыпь небесных огней, названная в древности созвездием Лебедь, уже давно утратила свои очертания.

В конце полета «Сантьяго» развернется хвостом к Суону, и реактивная энергия двигателей заставит корабль остановиться.

Сфера была настоящим мозгом корабля. «Голова» крепилась на короткой толстой «шее» – цилиндрическом грузовом отсеке, откуда они только что вышли. За ним тянулся длинный тонкий «хребет», равномерно облепленный модулями. Он действительно напоминал позвоночник гигантского динозавра. А на хвосте размещалась силовая система – сложнейшие двига-

тели, разогнавшие корабль до крейсерской скорости. Настанет день, и они, как когда-то, снова извергнут грозное пламя...

Тогда Небесный уже будет взрослым.

Мальчик узнал все это, изучая голографические модели корабля, но кое-что ему предстояло увидеть впервые. Медленно и величаво огромное транспортное средство вращалось вокруг своей длинной оси, создавая искусственное тяготение на изогнутых палубах. Небесный следил за его вращением, видел огни, которые появлялись, чтобы через десять секунд исчезнуть. В цилиндрическом грузовом отсеке чернело крошечное – практически точка – отверстие, оттуда вылетел их шаттл.

Корабль и сам выглядел очень маленьким, но впечатление было обманчиво. Ведь это, в сущности, был весь мир Небесного, вся его среда обитания. Сейчас он мал, и ему позволено осмотреть лишь часть «Сантьяго». Но вскоре он непременно исследует корабль целиком.

И тут он заметил нечто такое, чего не было ни на одной голографической модели. Когда корабль поворачивался, одна его сторона почему-то казалась темнее другой.

Интересно, почему?

Эта мысль вылетела у него из головы прежде, чем заставила ощутить тревогу. Его восхищали гигантские конструкции корабля, идеальная четкость мельчайших деталей, характерная для обзора через многокилометровый вакуум. Мальчик увлеченно искал любимые закоулки, которые представляли ему в новом, непривычном виде. Прежде он никогда не забирался слишком далеко по «хребту», разве что во время авантюрных прогулок под руководством Констанции. После одной такой вылазки его и поймал отец. Впрочем, это не считалось серьезным преступлением. Желание увидеть «мертвых» представлялось вполне естественным. Тем более что их местонахождение никто не скрывал.

Разумеется, они не были мертвы – просто заморожены.

Протяженность «хребта» составляла ровно километр – половина общей длины корабля. Вдоль каждой из шести его узких граней размещались по шестнадцать «спальных» модулей – диски, которые крепились к «хребту» гибкой пуповиной. Всего девяносто шесть дисков, и в каждом по десять треугольных ячеек, вмещавших по одному момио и по громоздкому аппарату поддержания жизнедеятельности. Девятьсот шестьдесят замороженных пассажиров – почти тысяча человек, погруженных в ледяное беспамятство, которое будет длиться до прибытия на Суон. Излишне говорить, что «спящие» были самым ценным грузом корабля и единственной целью его существования. Экипаж из ста пятидесяти человек лишь обеспечивал сохранность «спящих» и вел корабль нужным курсом.

И снова Небесный убедился, что знает о «Сантьяго» совсем мало. Как много ему предстоит освоить в будущем, когда он станет взрослым! Даже круг его знакомств состоял из десятка людей – его специально воспитывали в изоляции. Но скоро он познакомится и с остальными. Отец сказал, что на борту бодрствуют сто пятьдесят человек. Это что-то вроде магического числа. Социологи установили, что такова средняя численность населения сельской общины, она создает лучшие перспективы для достижения внутренней гармонии и общего благосостояния. Полтора ста – это достаточно много, чтобы позволить индивидам возвращаться при желании в различных кругах, но не настолько, чтобы внутренние течения разорвали единство.

Если смотреть под этим углом зрения, то Старик Бальказар был племенным вождем, а Тит Хаусманн, с его глубокими знаниями тайных обычаев и постоянной заботой о безопасности населения, – главным шаманом или старшим охотником. В любом случае Небесный был сыном человека, облеченного властью. Взрослые называли его отца «каудильо», то есть «большой человек», – и мальчугану было обеспечено приличное будущее. Взрослые открыто говорили, что капитан уже стар. В силу своей деятельности Старик Бальказар и отец очень сблизились. Капитан всегда был готов выслушать Тита, он регулярно обращался к отцу Небесного за советом. Нынешняя прогулка тоже проходила с санкции Бальказара: летательными аппаратами

«Сантьяго» не пользовались без крайней надобности, поскольку их потеря была бы невосполнимой.

За этими размышлениями Небесный не заметил, как шаттл сбрасывает скорость. Искусственная гравитация снова начала слабеть.

– Смотри внимательней, – сказал Тит.

Они пролетали мимо двигателей – поражающего воображение лабиринта из цистерн, трубопроводов и раструбов, зияющих, словно пасти оркестровых труб.

– Антивещество, – пояснил Тит, и почему-то это слово прозвучало как ругательство. – Творение самого дьявола, я тебе рассказывал. В шаттле мы храним самую малость, только чтобы запустить ядерный синтез, но меня даже от этого трясет. А сколько антивещества на борту «Сантьяго»... просто страшно представить.

Тит показал на две магнитные бутылки. В этих огромных резервуарах на корме корабля содержались макроскопические количества чистого антилития. Большой из двух резервуаров сейчас пустовал, его содержимое было полностью израсходовано на стадии первичного ускорения, когда корабль разогнался до субсветовой скорости. Вторая ничем внешне не отличалась, но по-прежнему была заполнена антивеществом. Оно висело внутри, не касаясь стенок, со всех сторон окруженное вакуумом, еще более чистым, чем тот, сквозь который летел огромный корабль. Разница в размерах резервуаров была объяснима: затормозить корабль легче, чем разогнать. Но и этого количества было довольно, чтобы даже самому невозмутимому члену экипажа снились кошмары.

Насколько было известно Небесному, никто и никогда не позволял себе шутить по поводу антивещества.

– Хорошо, – сказал отец. – А теперь возвращайся в кресло и пристегнись.

Когда пряжка была застегнута, Тит повернул рукоятку, и тяга возросла до максимума. «Сантьяго» уменьшался на глазах, пока не превратился в тонкую серебристую полоску, которая почти затерялась в россыпи звезд. Казалось, он застыл в неподвижности: трудно было поверить, что его скорость составляет восемь процентов световой. Ни один из управляемых космических аппаратов не достигал таких скоростей. И все же она была ничтожно мала для того, чтобы преодолевать безмерное межзвездное пространство.

Именно поэтому потребовалось заморозить пассажиров. Они спали в криогенных капсулах на протяжении всего путешествия, а три поколения экипажа, сменяя друг друга, проживали свои жизни, ухаживая за ними. За пассажирами закрепилось прозвище «мумии» – «момии» в переводе на кастеллано, который по-прежнему был основным языком общения.

– Видишь другие корабли? – спросил отец.

Небесный довольно долго всматривался в лобовое стекло, прежде чем нашел один из них. Корабль трудно было разглядеть, хотя за время полета зрение мальчугана успело привыкнуть к темноте. Впрочем, может, ему только почудилось?

Нет, вот он – крошечная сверкающая игрушка.

– Вижу один. – Небесный ткнул пальцем в стекло.

Отец кивнул:

– Это, наверное, «Бразилия». «Палестина» и «Багдад» тоже где-то там, но значительно дальше.

– А ты его видишь?

– Не без небольшой помощи.

Руки Тита задвигались в темноте над пультом управления, и на стекле начали проступать цветные линии – словно черную доску исчертили мелками. Вскоре линии образовали квадрат, в котором, кроме «Бразилии», должны были находиться еще два корабля, летящие чуть дальше. Однако, лишь когда «Бразилия» принялась расти, заслоняя небо, Небесному удалось разглядеть два серебристых клина рядом с ней. К этому времени «Бразилия» оказалась доста-

точно близко, чтобы стало очевидно, что она почти не отличается от его родного корабля – вплоть до дисков, облепивших «хребет».

Небесный вглядывался в стекло. Перекрестье цветных линий должно было указывать местонахождение четвертого корабля. Однако он ничего не нашел.

– А «Исламабад» позади нас? – спросил он у отца.

– Нет, – тихо ответил отец. – Позади нас никого нет.

Его голос встревожил Небесного. Полутьма кабины смазывала черты отцовского лица, и Небесный не мог понять его выражения. Оно показалось ему суровым.

– Тогда где же он?

– Его больше нет, – медленно произнес отец. – Его уже давно нет, Небесный. Осталось только четыре корабля. Семь лет назад с «Исламабадом»... кое-что случилось.

В кабине повисла тяжелая тишина. Наконец Небесный собрался с духом и спросил:

– А что случилось?

– Взрыв. Взрыв такой силы, что невозможно себе представить.

Отец замолчал, затем снова заговорил:

– Будто миллион солнц засияли разом. Это длилось наикратчайший миг, Небесный... но, представь себе, за этот миг тысяча людей обратилась в пепел.

Небесный вспомнил вспышку, которую видел в своей детской, когда ему было три года. Вспышка обеспокоила бы его не на шутку, если бы не другое событие – то, что случилось с Клоуном, было гораздо важнее. А потом еще один суровый урок – осознание того, что Клоун был всего лишь миражем из мигающих на стене пикселей. Это было похоже на предательство. Разве какая-то короткая вспышка могла с этим сравниться?

– А кто в этом виноват?

– Не думаю, что были виноватые. Во всяком случае, я не вижу здесь умысла. Скорее всего, экипаж экспериментировал.

– С двигателями?

– Иногда мне эта версия кажется наиболее вероятной. – Отец понизил голос, словно его могли услышать посторонние. – Наши корабли очень старые, Небесный. Я родился на борту этого корабля, как и ты. Мой отец – из первого поколения экипажа. Он был очень молод, почти подросток, когда мы покинули орбиту Меркурия. Это было сто лет назад.

– Но корабль не ветшает, – возразил Небесный.

– Верно, – подхватил Тит и кивнул. – Наши корабли почти так же хороши, как в день постройки. Проблема в том, что они не становятся лучше. На Земле были люди, которые поддерживали нас и хотели помочь нам в пути. Они много лет усердно работали, проектируя наши корабли. Все было просчитано до мелочей, чтобы облегчить нам жизнь. И позже они передавали нам сообщения – советовали, как усовершенствовать системы жизнеобеспечения, как создать лучшие условия в отсеках для «спящих». Мы потеряли десятки момио в первые несколько десятилетий полета, Небесный, – но модификации помогли нам спасти остальных.

Для Небесного это тоже явилось новостью. Мысль о гибели «спящих» не укладывалась в голове. Мальчик считал, они отличаются от мертвых только тем, что в Пункте Назначения снова оживут. Но отец пояснил: момио очень уязвимы. Некоторые процессы могут оказаться необратимыми, и разморозка уже не вернет людей к жизни.

– Дело пошло на лад совсем недавно, – продолжал Тит, – уже при тебе. За последние десять лет было лишь два случая смерти.

Позже Небесный будет мучиться вопросом: что случилось со «спящими», которые... умерли окончательно? Может быть, корабль по-прежнему несет их? Взрослые трогательно заботились о момио, словно религиозная секта о предметах своего поклонения, хрупких драгоценных реликвиях.

– ...Но были и обновления иного рода.

– Двигатели?

– Да. – В голосе отца звучала нескрываемая гордость. – Сейчас двигатели бездействуют – они не понадобятся, пока не достигнем Пункта Назначения. Но будь у нас способ их усовершенствовать, в Пункте Назначения мы бы очутились скорее. По сути, торможение необходимо начать за несколько световых лет до Суона. Но если модернизировать двигатели, мы бы дольше летели с крейсерской скоростью. Даже частичное улучшение, способное сэкономить несколько лет, стоит любых усилий... особенно если мы снова начнем терять «спящих».

– А начнем?

– В ближайшие годы едва ли. Но через пятьдесят лет мы будем у цели, и оборудование, поддерживающее режим заморозки, начнет разрушаться. Некоторые устройства мы не можем улучшать и ремонтировать – слишком сложно, слишком опасно. Но экономия летного времени всегда полезна. Запомни мои слова – через пятьдесят лет ты будешь рад выгадать даже пару месяцев.

– И люди, которые остались на Земле, придумали, как заставить двигатели работать лучше?

– Вот именно. – Его сообразительность явно радовала отца. – Все корабли Флотилии, разумеется, получили сообщения, и всем нам удалось сделать положенные обновления. Вначале мы сомневались. Провели совещание капитанов Флотилии. Бальказар и еще трое полагали, что это опасно. Они твердили, что необходима осторожность, говорили, что не мешает подождать сорок-пятьдесят лет, изучить проект и лишь потом принять решение. Что, если Земля обнаружит ошибку в чертежах? Приказ прекратить работы будет догонять нас не один год. Или через пару лет ее инженеры придумают нечто более эффективное – сейчас бы мы не смогли это создать у себя, но такая возможность появится позже. Допускаю, что, если бы мы согласились с первым предложением, впоследствии нам бы удалось реализовать и второе.

И снова Небесный вспомнил ослепительную вспышку:

– А что случилось с «Исламабадом»?

– Повторяю, мы этого никогда не узнаем. Совещание завершилось тем, что капитаны решили отложить работы до получения новой информации. Прошел год, и мы снова вернулись к этому вопросу по просьбе капитана Хана... А потом случилось несчастье.

– Может, это была не случайная авария?

– Возможно, – отец покачал головой, – возможно. Взрыв не вызвал серьезных повреждений на других кораблях. Может быть, нам просто повезло. Хотя вначале мы думали иначе. Электромагнитный импульс выжег половину наших систем, в том числе самых важных. Даже те, что уцелели, заработали не сразу. У нас почти не было энергии – только на питание системы жизнеобеспечения «спящих» и поддержание магнитных бутылок. Ни в жилых отсеках, ни в носовой части корабля не осталось энергии даже для установок очистки воздуха. Это могло погубить нас, но в коридорах, к счастью, был воздух – достаточно на несколько дней, за которые мы успевали оборудовать рабочие площадки и заменить вышедшие из строя детали. Постепенно мы выправили ситуацию. Конечно, оставались обломки – корабль не был рассеян взрывом на атомы. Его куски разлетелись с полусветовой скоростью и чудом никого не задела. Вдобавок вспышка сожгла защиту нашего корпуса, вот почему одна сторона корабля темнее другой.

Отец замолчал, но мальчик знал, что он сейчас услышит.

– Тогда погибла твоя мать, Небесный. Лукреция была снаружи, когда это случилось. Она работала с бригадой техников, осматривая корпус.

Он знал почти все – что мать умерла в тот день, что она была снаружи, – но никто не рассказывал ему, как это произошло.

– И поэтому ты привез меня сюда?

– Не только поэтому.

Шаттл накренился, разворачиваясь по широкий дуге, и устремился к «Сантьяго». Если и ощутил Небесный разочарование, то оно было самым слабым. Он не смел и надеяться, что экскурсия продолжится на борту другого корабля. Устроенная отцом прогулка сама по себе была редким подарком.

Раз уж речь зашла о смерти матери, не нужно ли обронить слезу-другую? Пожалуй, желания плакать Небесный не испытывал. Он спокойно наблюдал, как тонкая черточка растет, принимая очертания родного корабля, точно полоска берега в ночном море.

– Тебе следует кое-что понять, – наконец заговорил Тит. – «Исламабад» погиб, но это не означает, что успех нашей миссии под угрозой. Осталось четыре корабля – это почти четыре тысячи поселенцев. Мы достигнем Пункта Назначения, а создать колонию можно, даже если уцелеет только один корабль.

– По-твоему, только наш корабль может добраться до цели?

– Нет. Я как раз хочу сказать, что мы тоже можем не добраться. Ты должен накрепко усвоить, Небесный: у нас нет и не может быть незаменимых. Тогда ты поймешь схему действия Флотилии и сможешь принимать верные решения через пятьдесят лет, если ситуация станет хуже некуда. Достаточно уцелеть хотя бы одному кораблю.

– Но если взорвется еще один корабль...

– Конечно, такое не исключено. Но в этот раз, думаю, у нас обойдется без потерь. После взрыва «Исламабада» мы увеличили дистанцию. Так безопаснее. Но это затрудняет перелеты между кораблями. И вообще я не в восторге от этой затеи. В долгом рейсе разобщенность опасна, она порождает взаимные подозрения – сам о том не ведая, наживешь врагов, которых и людьми-то назвать язык не повернется. На расстоянии им будет куда проще готовить убийство. – Голос Тита стал холодным, почти чужим, но лишь на миг. – Запомни, Небесный: мы здесь все заодно, что бы нас ни ожидало.

– Думаешь, будут проблемы?

– Не знаю. Легче не станет, я почти уверен. Но к тому времени, когда это будет иметь значение, когда мы приблизимся к Пункту Назначения, тебе исполнится столько лет, сколько мне сейчас. Ты займешь какой-нибудь ответственный пост, а может быть, даже станешь капитаном.

– Думаешь, это возможно?

– Неизбежно, я бы сказал, – если бы не знал некую талантливую девицу по имени Констанца.

Тем временем «Сантьяго» значительно вырос. К кораблю они теперь приближались с другой стороны, и сфера командного отсека маячила миниатюрной серой луной в ущербе, вся в узорах панельных стыков и гроздьях коробообразных сенсорных модулей.

Небесный подумал об упомянутой отцом Констанце. Интересно, впечатлена ли она его забортным путешествием? Пускай напрасно он рассчитывал, что для нее это будет сюрпризом, но все же выход наружу – событие не рядовое. Да и то, что ему показали и рассказали, – разве пустяки?

И это было еще не все.

– Смотри внимательно, – произнес отец, когда темная сторона сферы почти полностью загородила обзор. – Здесь находилась твоя мать с бригадой. Люди удерживались на корпусе при помощи магнитной «обвязки». Они работали прямо на обшивке. Корабль, разумеется, вращался – совсем как сейчас. Если бы им повезло, корпус заслонил бы их от вспышки, когда взорвался «Исламабад». Но этого не произошло. Взрыв случился прямо над ними. Все они были в легких скафандрах... Впрочем, их бы все равно ничто не спасло.

Весь предыдущий разговор был лишь прелюдией.

Корабль должен был закрыть бригаду, а получилось наоборот. Люди сгорели мгновенно, даже не успев почувствовать боли, как он узнал позже. Все, что осталось, это семь светлых пятен на обожженном корпусе, точно тени в негативе. Семь человеческих силуэтов.

Их позы не выражали мучений – вспышка застала ремонтников за работой. Все тени выглядели одинаково, и невозможно было понять, какая из них оставлена его матерью.

– Ты знаешь, которая из них она? – спросил он.

– Да, – ответил Тит. – Хотя, разумеется, обнаружил ее не я.

Небесный снова посмотрел на силуэты. Они вплавлялись в его мозг. Никогда уже он не наберется мужества, чтобы побывать здесь снова. Позже он поймет, что никому не пришлось в голову отчистить обшивку. Следы оставили память не только о семи погибших рабочих, но и о тысячах, сгинувших в той вспышке, что опалила души живых. Клеймо на теле корабля...

– Ну? – спросил Тит с ноткой нетерпения в голосе. – А ты хочешь узнать?

– Нет, – ответил Небесный. – И не захочу.

Глава 7

На следующий день Амелия принесла в коттедж мои пожитки и предоставила возможность осмотреть их в одиночестве. Меня мучило любопытство, но сосредоточиться на новой задаче оказалось трудно. Снова приснился Небесный Хаусманн, и снова я был вынужден наблюдать события его жизни. В прошлый раз это произошло, скорее всего, во время «размораживания», – по крайней мере, то был первый сон о Хаусманне, который я отчетливо запомнил.

Теперь я увидел новый эпизод, и, хотя между первым и вторым в его жизни был большой промежуток, они явно следовали в хронологическом порядке, как главы в книге.

И моя ладонь снова кровоточила. Рана покрылась жесткой коркой, кровь испачкала простыню.

Не требовалось особого воображения, чтобы обнаружить связь между этими двумя явлениями. Откуда-то всплыло воспоминание, что Хаусманн был распят, и отметина на моей ладони имитировала его рану. Я точно встречал человека с подобной раной – это было недавно и одновременно бесконечно давно. Кажется, того человека тоже мучили странные сновидения, от которых он не мог избавиться.

Может быть, вещи, принесенные Амелией, дадут ключ к разгадке? Я приказал себе на время забыть про Хаусманна и сосредоточился на другой задаче, не менее важной. Все, чем я владел сейчас, не считая имущества на Суоне, лежало в неприметном кейсе, прибывшем со мной на «Орвието».

Во-первых, валюта Окраины Неба в крупных банкнотах южан – около полумиллиона астралов. По словам Амелии – если она располагала достоверной информацией, – на моей планете это приличное состояние. Но здесь, в системе Йеллоустона, эта сумма считалась мизерной. Тогда зачем я взял деньги с собой? Ответ казался очевидным. Даже с учетом инфляции через тридцать лет после моего отлета эти деньги все еще будут чего-то стоить... по крайней мере, снять комнату на ночь я смогу.

Итак, раз я вез с собой деньги, значит предполагал, что вернусь домой. Значит я не эмигрировал, а прибыл сюда по делам.

Чтобы выполнить какую-то работу.

Еще я обнаружил экспириенталии – палочки размером с карандаш, содержащие записи воспоминаний. Возможно, я планировал продать их по возвращении к жизни. Если ты не торговец-ультра, который специализируется на всякой высокотехнологичной эзотерике, то экспириенталии – едва не единственный способ сохранить часть средств при пересечении межзвездного пространства... правда, этот способ годится только для состоятельных людей. На экспириенталии всегда есть спрос, независимо от того, насколько продвинут или примитивен покупатель, – главное, чтобы у него была хоть какая-то техника для их использования. В этом отношении на Йеллоустоне проблем не возникнет. Последние два столетия планета лидировала на рынке крупных технологических и социальных разработок, а этот рынок – весь освоенный космос.

Экспириенталии были запечатаны в прозрачный пластик. Без воспроизводящего оборудования узнать об их содержимом не удастся.

Что еще?

Еще какие-то купюры, совершенно мне незнакомые: с непривычной текстурой, с портретами неизвестных людей, а уж про номиналы и говорить нечего – это просто наугад выбранные цифры.

Я спросил о них у Амелии.

– Это местные деньги, Таннер. Валюта Города Бездны. – Она ткнула пальцем в мужской портрет на банкноте. – Кажется, это Лореан Силвест. А может быть, Марко Феррис. Кто-то из древних.

– Похоже, эти деньги прогулялись из Йеллоустона на Окраину Неба и обратно. Значит, им не менее тридцати лет. Они еще чего-то стоят?

– Немного. Я в этом не разбираюсь. Полагаю, этой суммы достаточно, чтобы попасть в Город Бездны. Но вряд ли хватит на что-то большее.

– А как мне попасть в Город Бездны?

– Это несложно. Вы могли бы отправиться хоть сейчас. Отсюда до Нью-Ванкувера, что на орбите Йеллоустона, – на тихоходном шаттле, он делает регулярные рейсы. Там приобретете билет на «бегемот» – это транспорт, спускающийся на поверхность. Думаю, денег хватит, если воздержаться от некоторых излишеств.

– Например?

– Ну, скажем, от страховок.

Я улыбнулся:

– Что ж, понадеюсь на удачу.

– Но вы же не собираетесь немедленно покинуть нас?

– Ну что вы. Пока нет.

Последнее, что обнаружилось в кейсе, – это два конверта: один темный, совсем плоский, другой более объемистый. Когда Амелия ушла, я вскрыл первый и высыпал содержимое на постель. Однако меня постигло разочарование: я рассчитывал найти какое-нибудь послание из прошлого, которое прояснило бы ситуацию. Наоборот, казалось, кто-то нарочно пытается меня запутать. Добрый десяток паспортов и идентификационных карточек... Они были действительны в то время, когда я поднялся на борт корабля, и могли использоваться в некоторых районах Окраины Неба и ее космическом пространстве. Одни представляли собой просто ламинированные листки картона, другие были снабжены встроенными компьютерными системами.

Я подозревал, что большинству людей достаточно одного-двух документов подобного рода, если речь не идет о запретных для посещения зонах. Изучив эту коллекцию, я понял, что она обеспечивала свободное посещение воюющих и нейтральных стран, территорий, контролируемых Южной милицией, а также доступ в зоны боевых действий и низкоорбитальное пространство. Документы принадлежали человеку, который хотел перемещаться без помех. Впрочем, я заметил и странности. Например, мелкие несоответствия в личных данных – место рождения и прочее – и в названиях посещенных пунктов. Одни документы представляли меня бойцом Южной милиции, другие – тактическим специалистом Северной Коалиции. В некоторых документах вообще не упоминалось, что я служил в армии. Рядом с удостоверением консультанта по личной безопасности лежала карточка агента экспортно-импортной фирмы.

Неожиданно обрывочные сведения сложились в четкую картину, и стало понятно, что я за человек.

Я тот, кому случалось проникать через границы, подобно призраку. Я субъект с десятком биографий и несколькими вариантами прошлого, каждый из которых правдив и ложен одновременно. Риск был для меня обычным делом, я наживал себе врагов так, как другие заводят приятелей, – и это, похоже, редко меня волновало. Я был человеком, который спокойно обдумывал убийство извращенца-монаха и воздержался от этого поступка лишь по одной причине: овчинка не стоила выделки.

Однако в конверте были еще три вещицы. Возможно, их специально положили так, чтобы они не выпали. Я сунул пальцы в конверт, нащупал гладкую поверхность фотоснимков и осторожно извлек их.

На первом была женщина поразительной красоты, смуглая, с нервной улыбкой, запечатленная на прогалине в джунглях. Снимок был сделан ночью. Повернув его к свету, я разглядел силуэт мужчины, который сидел спиной к фотографу и чистил ружье, – возможно, это был я сам.

– Гитта... – произнес я, без труда вспомнив ее имя. – Ведь ты – Гитта, верно?

На втором снимке человек в разгрузочном жилете поверх рубашки шел по тропе – сплошь в ямах и ухабах, она когда-то, наверное, была дорогой в джунглях. Он приближался к фотографу; на плече висело огромное черное оружие. Примерно моих лет и сложен как я, но на этом сходство заканчивалось. Позади я увидел упавшее поперек тропы дерево. Из-под него торчал окровавленный обрубок, и большую часть дороги покрывала густая кровавая жижа.

– Дитерлинг, – произнес я. Снова имя всплыло само собой, непонятно откуда. – Мигуэль Дитерлинг.

Я уже знал: он был моим лучшим другом. И он мертв.

Я посмотрел на третью фотографию и вначале ничего не почувствовал. Первый снимок вызывал волнение весьма интимного характера, второй – смесь гордости и тревоги. Судя по всему, человек даже не догадывался, что его фотографируют. Это был плоский снимок, сделанный с помощью дальномерной оптики. Мужчина торопливо пересекал торгово-развлекательный центр, неоновые огни магазинов расплывались черточками из-за передержанной выдержки. Лицо тоже слегка расплылось, но оставалось достаточно четким, чтобы его опознать. И прикончить, подумалось мне.

Потом я вспомнил и имя.

Второй конверт, увесистый, я перевернул над постелью. Фигурки причудливых форм, с острыми углами, словно просили, чтобы я собрал их в единое целое. Я ощутил зуд – как будто на ладони лежала привычная вещь, дожидаясь, когда для нее появится работа. Ее будет трудно заметить, она жемчужного оттенка, похожа на непрозрачное стекло.

Или на алмаз.

* * *

– Это блокирующий прием, – сказал я Амелии. – Смотрите, я обездвижен. Я выше и сильнее вас, но в этом положении не могу пошевелиться: любое движение вызовет сильную боль.

Она выжидающе смотрела на меня:

– Что теперь?

– Теперь разоружайте меня. – Я кивнул на садовый совок, который изображал оружие.

Она без усилия извлекла совок из моей ладони свободной рукой и отшвырнула в сторону, словно он был отравлен.

– Вы слишком легко уступили.

– Нет, Амелия, – возразил я. – Вы так надавили на нерв, что я чуть сам не выронил совок. Это простая биомеханика. Думаю, с Алексеем вы справитесь еще легче.

Мы занимались на лужайке перед коттеджем в хосписе «Айдлвилд». Раскаленная трубка из белой становилась тускло-оранжевой – это означало закат. Странно наблюдать такой... закат без солнца. Источник света постоянно находится над головой, лишая тебя возможности любоваться длинными тенями и опускающимся за горизонт солнцем. Впрочем, мы уделяли мало внимания происходящему вокруг. В последние два часа я показывал Амелии основные приемы самообороны. Весь первый час Амелия нападала на меня – попросту говоря, безуспешно пыталась хоть как-то коснуться садовым совком. Знала бы она, чего мне стоило «пропускать» ее удары! Стиснув зубы, я заставлял себя делать самые дурацкие ошибки, позволял ей выигрывать, но этого так и не случилось. Преимущество в технике почти всегда обеспечивает победу,

и даже наша тренировка являла собой подтверждение тому. Однако благодаря ее упорству дело сдвинулось с мертвой точки. На второй час мы поменялись ролями. Я тоже освоился – а может быть, в роли нападающего мне было проще сдерживать себя. Я двигался медленно и осторожно, чтобы Амелия освоила блокирующие приемы на каждую ситуацию. Надо сказать, она оказалась прекрасной ученицей и за этот час добилась того, на что у других обычно уходило дня два. В ее движениях пока не было пластики, они еще не закрепились в мускульной памяти, ее намерения легко угадывались... но дилетанту вроде брата Алексея хватит и такого.

– А вы не могли бы научить меня убивать?

Мы расположились на траве, чтобы немного отдохнуть, вернее, отдыхала Амелия, а я просто ждал, когда она восстановит силы.

– Вы уверены, что хотите этого?

– Разумеется, нет. Я просто хочу, чтобы он прекратил.

Я разглядывал чашеобразную долину «Айдлвилда». На террасах, на дальнем склоне, копошились крошечные фигурки, похожие на движущиеся запяты. Люди спешили закончить работу до темноты.

– Не думаю, что он примется за старое, – сказал я. – Да еще после того разговора... Но если что, вы с ним справитесь. Только голову даю на отсечение, он даже близко не подойдет к пещере. Я знаю таких людей, Амелия. Они ищут легкой добычи.

Она задумалась – возможно, о тех, кому пришлось пройти через то же испытание, что и ей.

– Знаю, что так нельзя говорить, но я ненавижу этого человека. А завтра мы еще поработаем над приемами?

– Конечно. Более того, я на этом настаиваю. Вы еще слабоваты... хотя очень быстро учитесь.

– Спасибо, Таннер. Вы не против, если я спрошу, где вы сами всему этому научились?

– Я все-таки консультант по личной безопасности, – ответил я, вспомнив о недавно просмотренных документах, и грустно улыбнулся. Интересно, что бы она сказала о содержимом того конверта. – Ну... и не только.

– Мне говорили, что вы были солдатом.

– Да, вероятно. Но любой, кто хочет выжить на Окраине Неба, должен так или иначе стать солдатом. Это входит в плоть и кровь. Если не решаешь проблему, становишься ее частью. Если не выступаешь за одну сторону, тебя по умолчанию считают приверженцем другой.

Разумеется, это было довольно грубо и упрощенно. Например, если у тебя именитая родня или толстый кошелек, ты запросто можешь купить себе нейтралитет. Но для среднего гражданина Полуострова ситуация складывалась примерно так, как я описывал.

– Кажется, вы уже многое вспомнили.

– Да, мало-помалу память возвращается. Похоже, полезно было пообщаться с личными вещами.

Она одобрительно кивнула, и я ощутил укол совести. Я все-таки солгал ей. Фотоснимки дали мне гораздо больше, чем просто воспоминания. Но в данный момент ей лучше думать, что у меня пробелы в памяти. Будем надеяться, что Амелия не настолько проницательна, чтобы разгадать мою уловку, но впредь не стоит недооценивать нищенствующих.

Я действительно был солдатом. Но комплект паспортов и прочие детали позволяли сделать вывод, что мои возможности не ограничивались боевыми навыками, хотя эти навыки, несомненно, служили основой для всего остального. До кристальной ясности пока было далеко, но я уже знал гораздо больше, чем день назад.

Я родился в семье, принадлежащей к нижним слоям аристократии. Эти люди еще не дошли до вопиющей бедности, они стремятся поддерживать иллюзию обеспеченности. Мы проживали в Нуэва-Икике, на юго-восточном побережье Полуострова. Ветшающее поселение,

отделенное от войны неприступным горным хребтом, сонное и равнодушное даже в самые мрачные годы. Северяне нередко заплывали вниз по побережью и гостили в Нуэва-Икике, не опасаясь расправы, даже когда мы официально считались врагами. Браки между потомками Флотилии не были редкостью. Я вырос со способностью читать на гибридном языке противника почти столь же бегло, как на родном. Мне казалось странным, что наши вожди вдохновляли нас на ненависть к этим людям. Даже исторические книги указывали на то, что мы были едины, когда корабли покидали орбиту Меркурия.

Но с тех пор многое изменилось.

С возрастом я начал понимать, что, не имея ничего против генов или верований объединившихся в Северную Коалицию, я все же считал их врагами. Они совершили целый ряд изуверских деяний... Впрочем, мы от них не отставали. Да, я не презирал их и не считал, что они должны быть уничтожены. Но мой долг состоял в том, чтобы сделать все для нашей победы и чтобы война закончилась как можно скорее. Поэтому в двадцать два года я вступил в ряды Южной милиции. Я не был прирожденным бойцом, но быстро учился. Поневоле будешь учиться, когда тебя бросают в бой через пару недель после вручения оружия. Я оказался хорошим снайпером. Потом, после надлежащих тренировок, я стал первоклассным снайпером – и мне ужасно повезло, что моей части были нужны снайперы.

* * *

Я помню свою первую жертву, вернее сказать, первых жертв.

Мы засели на вершине холма, который торчал над джунглями, и глядели на прогалину, где войска СК выгружали припасы из наземного транспорта. С безжалостным спокойствием я поднял оружие и прищурился. Потом поймал в перекрестье волосков одного из бойцов вражеского подразделения. Винтовка была заряжена субзвуковыми микропатронами – абсолютно бесшумными и запрограммированными на пятнадцатисекундную задержку детонации. Достаточно, чтобы влить в каждого находящегося на прогалине человека по заряду величиной с комара. Потом увидеть, как одним и тем же движением каждый из них лениво поднимает руку и почесывает шею, куда его укусило воображаемое насекомое. Восьмой, последний, что-то заподозрил, но было слишком поздно.

Солдаты падали в грязь с каким-то зловещим однообразием. Позже мы спустились с холма, чтобы реквизировать припасы для нашей части. Трупы, через которые мы переступали, были жутко раздуты внутренними взрывами.

Так я первый раз пригубил смерти. Это было похоже на сон.

Иногда я гадал, что могло случиться, если бы задержка составляла меньше пятнадцати секунд и первый солдат упал бы прежде, чем я нацелился на остальных. Хватило бы мне выдержки и холодной воли настоящего снайпера продолжать, несмотря ни на что? Или шок от содеянного ударил бы с такой силой, что я с отвращением выронил бы винтовку? Но я всегда повторял себе: нет смысла задумываться над тем, что могло бы случиться. Я знал лишь, что после первой серии нереальных расстрелов эта проблема исчезла навсегда.

Почти навсегда.

Особенность работы снайпера состоит в том, что враг для него – почти всегда просто мишень. Расстояние слишком велико, чтобы разглядеть выражение лица в тот момент, когда пуля находит свою цель. У меня почти никогда не возникало необходимости стрелять повторно.

Какое-то время казалось, что я нашел безопасную нишу. Моей психике ничто не угрожает, а значит, я защищен от худшего, что может случиться на войне. Меня ценили в подразделении, оберегали, словно талисман. Ни разу не совершив героического поступка, я стал героем благодаря чисто механическим навыкам. Можно сказать, что я был счастлив, – если

военное ремесло может сделать человека счастливым. А почему нет? Я видел мужчин и женщин, для которых война была возлюбленной, капризной и злой мучительницей, калечившей их тела и души. Они уходили от нее – избитые, голодные – и все равно возвращались. То, что война делает несчастными всех без исключения, – это самая большая ложь, какую я когда-либо слышал. Будь это правдой, мы бы давно прекратили воевать, причем навсегда. Возможно, придется признать, что человеческая натура не столь благородна, как хотелось бы. Но почему война обладает неким странным, темным очарованием, почему мы всегда так неохотно оставляем ее ради мира? Дело тут далеко не в явлении столь заурядном, как привычка, когда военные действия становятся нормой повседневности. Я знал мужчин и женщин, которые получали от убийства врага настоящее сексуальное удовлетворение, более того – действительно видели в этом нечто упоительно-эротическое.

Впрочем, мои радости были не столь извращенного толка. Я просто радовался, что нашел себе лучшее место, на которое мог рассчитывать в данных условиях. Я делал то, что считал правильным, я следовал своему долгу – и одновременно почти ничем не рисковал. От смерти меня всегда отделяло расстояние выстрела снайперской винтовки, чего не скажешь о тех, кто постоянно находился на передовой. Я думал, что все будет продолжаться и дальше. Потом меня наконец наградят, и если я не останусь снайпером до конца войны, то потому лишь, что армия слишком ценит мой талант, чтобы рисковать им. Вероятно, меня переведут в одно из тайных подразделений ликвидаторов – риск, конечно, там немалый, – но, скорее всего, я стану инструктором в одном из тренировочных лагерей. Потом ранняя отставка и самодовольная убежденность в том, что я помог завершить войну – конечно, если я доживу до победы.

Но человек предполагает, а обстоятельства располагают.

Однажды ночью наша часть попала в засаду. Повстанцы взвода глубокого проникновения СК окружили нас, и через пару минут я узнал, что же именно подразумевается под красивым названием «рукопашная схватка». Забудьте об излучателе частиц, о линии прицеливания, о нанобоеприпасах с замедленным взрывателем. Солдату прошлого тысячелетия этот дух рукопашной схватки был несоизмеримо ближе и понятнее – дух вопящих от ярости двуногих, вдруг оказавшихся рядом на крошечном пятачке земли. Эффективное оружие, которым можно уничтожить этого ненавистного другого, – заостренный металлический предмет, именуемый штыком или кинжалом. Еще хороши собственные пальцы, которые смыкаются на глотке противника и впиваются ему в глаза. А единственный способ выжить – это отключить все высшие мозговые функции и уподобиться зверю.

Я так и сделал. В тот день я усвоил одну глубокую истину: война наказывает тех, кто пытается с ней флиртовать. Стоит впустить в дверь зверя, и закрыть ее уже не удастся.

Я по-прежнему был великолепным стрелком, когда того требовала ситуация. Но я перестал быть просто снайпером. Ради этого пришлось притвориться, что я утратил хладнокровие и мне уже нельзя доверять важные ликвидации. И начальство клюнуло на этот обман. Снайперы до безумия суеверны – это своеобразный защитный механизм, который лишает их возможности действовать эффективно, когда возникает угроза психике. Меня переводили из подразделения в подразделение. В ходе операций мое новое подразделение перемещалось к передовой, а когда передвижение заканчивалось, я снова добивался перевода. Чем ближе становился фронт, тем сноровистей я дрался. Скоро я работал руками лучше, чем винтовкой. Я познал удивительную легкость, – наверное, это же чувствует прирожденный музыкант, который способен заставить петь любой инструмент. Я добровольно участвовал в диверсионных операциях. Неделями мы находились в тылу врага, поддерживая свое существование тщательно отмеренными полевыми пайками. Биосфера Окраины Неба в целом напоминает земную, но на уровне клеточной химии оказывается совершенно иной, так как почти не содержит микрофлоры; поэтому попытки утолить голод местными продуктами в лучшем случае будут безрезультатны, а в худшем приведут к анафилактическому шоку. В долгие периоды одиночества я

снова позволял своему внутреннему зверю выйти из спячки, – это поддерживало во мне безграничное терпение и позволяло переносить любые тяготы.

Я стал стрелком-одиночкой. Отныне приказы, которые я выполнял, поступали не по обычной цепочке от командира к подчиненному, а из засекреченных иерархий милиции, и мне даже не приходило в голову проследить их путь. Мои задачи становились все более странными, бывали и непостижимые. Иногда целью был какой-нибудь офицер СК среднего ранга, иногда человек, выбранный, казалось бы, совершенно случайно... Во всяком случае, я даже не пробовал докопаться до истинной причины выбора. Достаточно того, что мои действия были частью хитрой системы, созданной кем-то очень изобретательным. Я всаживал пули в людей, которые носили такую же форму, что и я, – наверное, они были шпионами, потенциальными предателями. А может быть, и нет – они были такими же преданными, как и я сам, но им пришлось умереть, поскольку своим существованием они мешали загадочной системе.

Прежняя задача – служить делу победы – была забыта. В конце концов я прекратил слепо исполнять приказы и начал выбирать из них, разрывая связи с иерархией и заключая контракты с любым, кто заплатит. Я был уже не солдатом, а наемником.

Именно тогда я встретил Кагуэллу.

* * *

– Меня зовут сестра Душа, – представилась старшая из нищенствующих, тощая неулыбчивая женщина. – Возможно, вы обо мне слышали – я невролог хосписа. И ваше состояние меня беспокоит, Таннер Мирабель. С вашим мозгом происходит нечто серьезное.

Душа и Амелия стояли в дверном проеме коттеджа. Всего полтора часа назад я сообщил Амелии о своем намерении покинуть «Айдлвилд» в течение суток. Теперь она выглядела смущенной.

– Мне очень жаль, Таннер, но пришлось сказать ей.

– Незачем извиняться, сестра, – перебила Душа, бесцеремонно оттесняя свою подчиненную. – Нравится это ему или нет, ты поступила правильно, сообщив мне о его планах. Итак, Таннер Мирабель... с чего мы начнем?

– С чего вам угодно, я все равно улетаю.

За спиной Души появился яйцеголовый робот и, звонко цокая по полу, вошел в комнату. Я сделал движение, намереваясь покинуть постель, но Душа опустила мне на бедро крепкую ладонь:

– Нет, только без глупостей. Какое-то время вам придется побыть здесь.

Я покосился на Амелию:

– А как насчет того, что я могу улететь когда угодно?

– Да, вы вправе улететь, Таннер...

Это прозвучало не слишком убедительно.

– Он и сам не захочет, когда все узнает, – произнесла Душа, присаживаясь на постель. – Позвольте мне объяснить, хорошо? Когда вас «отогрели», Таннер, провели тщательное обследование, прежде всего проверили ваш мозг. Мы ожидали проявлений амнезии, и необходимо было убедиться в отсутствии серьезных повреждений. А также выяснить, не нуждаются ли в замене какие-нибудь имплантаты.

– У меня нет никаких имплантатов.

– Нет, есть. И, кажется, с ними не все в порядке.

Она щелкнула пальцами, и робот засеменил к кровати. Разумеется, ни на одеяле, ни на простыне ничего не было. Правда, минуту назад я занимался сборкой заводного пистолета, соединяя детали методом проб и ошибок. Половина деталей уже «срослась», когда я увидел Амелию и Душу, которые пересекали лужайку за домиком. Детали тут же оказались под подуш-

кой. Боюсь, теперь они уж слишком напоминали оружие. Осматривая мои пожитки, сестры могли сколько угодно ломать голову над странными алмазными фигурками, но вряд ли поняли бы их назначение. Теперь догадаться было бы проще.

– Дефект? О чем вы говорите, сестра Душа?

– Сейчас вы сами увидите.

Раздался щелчок, и яйцеобразная голова робота раскрылась, как будто развалилась его черепная коробка. Сходство усиливалось из-за шаровидного экрана, который оказался внутри: его заполняло медленно вращающееся объемное изображение мозга, почему-то сиреневого цвета. В глубине клубились какие-то призрачные молочные облачка. Разумеется, это был мой мозг. Но мне проще было бы узнать себя на портрете кисти художника-абстракциониста.

Пальцы сестры Души залетали над вращающимся шаром.

– Проблема в этих светлых пятнах, Таннер. Перед вашим пробуждением я ввела вам бромдеоксиуридин. Это искусственный аналог тимидина, одной из нуклеиновых кислот ДНК. Аналог поступает вместе с тимидином в новые клетки мозга, чтобы мы могли проследить течение нейрогенеза – образования новых мозговых клеток. Светлые пятна обозначают места скопления индикатора – места скопления недавно появившихся клеток.

– А я думал, нервные клетки не восстанавливаются.

– Этот миф похоронили пятьсот лет назад, Таннер, но отчасти вы правы: для высших млекопитающих регенерация нервных клеток – весьма редкий процесс. На этом скане вы видите еще менее обычное явление: обособленные участки концентрированного нейрогенеза, который продолжается до сих пор. Это функциональные нейроны, организованные в сложные структуры и связанные с вашими старыми клетками. Все тщательно продумано. Вы видите, что светлые пятна расположены вблизи ваших перцептивных центров? Простите, но это весьма характерный симптом, Таннер. Как и ваша рука.

– Моя рука?

– У вас на ладони рана, правда? Это симптом заражения одним из индоктринационных вирусов семейства Хаусманн. – Она выдержала паузу. – Мы обнаружили этот вирус у вас в крови, вернее сказать, искали его целенаправленно. Вирус внедряется в вашу ДНК и заставляет ее генерировать новые нервные структуры.

Блефовать не имело смысла.

– Интересно, как вы с ним познакомились.

– За последние годы возможностей было предостаточно, – сказала Душа. – В каждой бочке слякоти... ой, простите, в каждой группе «спящих», поступающей сюда с Окраины Неба, хотя бы один человек инфицирован. Вначале, конечно, мы были заинтригованы. Нам кое-что известно о культах Хаусманна. Излишне говорить, что мы не одобряем способ, которым они распространяют свою систему верований... Увы, мы потеряли много времени, пока распознали механизм вирусной инфекции и поняли, что эти люди скорее ее жертвы, нежели убежденные сектанты.

– Блаженно неведение, – вмешалась Амелия. – Но в вашем случае, Таннер, мы способны помочь. Вам является в снах Небесный Хаусманн?

Я кивнул, но воздержался от комментариев.

– Так вот, мы можем уничтожить вирус, – продолжала Душа. – Это нестойкий штамм, со временем он разрушится самостоятельно, но мы можем ускорить этот процесс, если захотите.

– Если захочу?! Я не понимаю, чего вы до сих пор ждали.

– Извините, но мы бы никогда не пошли на это по собственной инициативе. А ну как потом выяснилось бы, что вы инфицированы добровольно? В такой ситуации мы не имеем права вмешиваться...

Душа похлопала робота по блестящему корпусу. Тот закрыл свой череп и удалился, пощелкивая на ходу. Он двигался на манер краба, только куда изящнее.

– Но если вы хотите выгнать вирус, мы можем приступить безотлагательно.

– Сколько времени это займет?

– Пять или шесть дней. Как вы понимаете, нам бы хотелось проследить за процессом – иногда может потребоваться вмешательство.

– Тогда пусть вирус убирается своим ходом.

– Коли так, вся ответственность за последствия ложится на вас, – вздохнула Душа.

Она поднялась и с раздраженным видом покинула домик. За ней послушно семенил робот.

– Таннер, я... – начала было Амелия.

– Давайте не будем об этом, хорошо?

– Мне пришлось сказать ей.

– Знаю. И нисколько не сержусь. Единственное, о чем прошу: не отговаривайте меня покинуть хоспис. Пожалуйста.

Она промолчала, но просьба была принята к сведению.

После этого я еще с полчаса тренировал ее. Мы почти не разговаривали, и у меня было время поразмышлять о том, что мне показала Душа. К тому времени я вспомнил Васкеса Красная Рука. Он свято верил, что уже не заразен. Но, скорее всего, от него я и подцепил эту дрянь. Впрочем... может быть, мне просто не повезло. Я довольно долго находился на мосту, наводненном сектантами Хаусманна.

Но Душа сказала, что штамм нестойкий. Может, она и права. Пока что я мог похвастаться только стигматом и парой тематических сновидений. Небесный Хаусманн не являлся мне при свете дня и не обращался ко мне, когда я спал, так что до одержимости дело еще не дошло. Не было желания окружить себя вещами, как-то связанными с его личностью и эпохой, и я не впадал при мысли о нем в религиозный экстаз. Он для меня был тем, кем был всегда, не больше и не меньше, – историческим деятелем, человеком, который совершил жесточайшее преступление и понес столь же страшное наказание. Но он стоил того, чтобы его помнить, потому что подарил нам целый мир. В истории полным-полно таких людей со сложной репутацией; их деяния не черны и не белы, а окрашены в мутные оттенки серого. Так почему я должен поклоняться Хаусманну? Только потому, что мне приснилась пара дней из его жизни? Нет уж, я сильнее этого.

– Не понимаю, почему вы так торопитесь покинуть нас, – сказала Амелия во время передышки, отбрасывая со лба влажную прядь волос. – Вам понадобилось пятнадцать лет, чтобы попасть сюда, – что значат еще несколько недель?

– Наверное, я нетерпелив по натуре, Амелия.

Она недоверчиво посмотрела на меня. Пожалуй, требуется аргументация.

– Видите ли, этих пятнадцати лет для меня все равно что не было – будто я только вчера собирался сесть на корабль.

– Неубедительно. Сейчас или неделей-двумя позже – разница пустяковая.

Как бы не так. Разница просто огромная... Но Амелии нельзя знать всю правду. Значит, мне надо вести себя как ни в чем не бывало.

– Вообще-то, – взял я небрежный тон, – у меня есть еще один повод поторопиться. В ваших архивах, наверное, не сохранились сведения о том, что я... путешествовал не один. Моего спутника, наверное, уже успели «отогреть».

– Пожалуй, это возможно, если тот человек сел на корабль раньше вас.

– Вот и я так думаю. По сути, он мог не проходить через хоспис, если у него не было осложнений. Его зовут Рейвич.

Мои слова удивили ее, но явно не вызвали подозрений.

– Я помню человека с таким именем. Он проходил через нас. Арджент Рейвич, верно?

– Да, это он, – улыбнулся я.

Глава 8

Арджент Рейвич.

Когда-то давно это имя для меня ничего не значило. Сейчас в такое трудно поверить. Слишком уж долго это имя, вернее, существование человека, его носящего, является краеугольным камнем моей личной вселенной.

Впрочем, я хорошо помню, когда впервые услышал имя Рейвича. Это случилось в Доме Рептилий. Была ночь, и я учил Гитту обращаться с пистолетом. Примерно так же, как сегодня учил Амелию защищаться от брата Алексея. Аналогии обладают свойством воскрешать воспоминания.

Дворец Кагуэллы на Окраине Неба представлял собой длинное здание в виде буквы «Н», со всех сторон окруженное джунглями. На крыше дворца высилось второе Н-образное сооружение, в один этаж, но поуже основной постройки, что позволило окружить ее низкой террасой, огороженной высоким барьером. Слов нет, позиция выигрышная, но полоса расчищенной территории примерно в сотню метров шириной, опоясывающая Дом Рептилий, совершенно не просматривалась, если только не стоять на стене, глядя через край. Казалось, высокие мрачные заросли вот-вот хлынут через стену на террасу, подобно вязкому зеленому приливу, и погребут дворец в своих глубинах. Ночью джунгли превращались в море непроницаемой черноты. Все цвета исчезали, зато местные обитатели наполняли ее тысячами голосов, не похожих ни на что. На сотни километров вокруг не было ни одного человеческого жилья.

В ту ночь, когда я обучал Гитту, было необычайно ясно, звезды усеивали небо от верхушек деревьев до зенита. У Окраины Неба нет лун, а несколько ярких анклавов на орбите планеты опустились за горизонт, но террасу освещали десятки факелов, которые держали в пастях золоченые гамадриады, выстроившиеся на каменных пьедесталах вдоль стены. Кагуэлла был помешан на змеиной охоте. Последней его навязчивой идеей было поймать почти взрослую гамадриаду – в пару к юной особи, в настоящий момент обитавшей где-то в недрах Дома Рептилий. Кагуэлла ухитрился изловить ее в прошлом году.

Моя служба у него только начиналась, когда я принял участие в той охотничьей экспедиции... и тогда же впервые увидел его жену. Кагуэлла вручил ей охотничье ружье из своей богатой коллекции, и она даже сделала пару выстрелов, но это явно были ее первые в жизни выстрелы. В итоге Кагуэлла попросил меня дать ей несколько импровизированных уроков стрельбы, пока мы находились в лесу. Приказ есть приказ. Гитта даже кое-чему научилась, но было ясно, что из нее никогда не выйдет хорошего стрелка. Впрочем, это вряд ли имело значение: она не интересовалась охотой. Сохраняя стоическое спокойствие в течение всей экспедиции, Гитта совершенно не разделяла первобытной страсти Кагуэллы.

Вскоре даже Кагуэлла понял, что напрасно теряет время, пытаясь сделать из жены охотницу. Все же он настоял на том, чтобы по возвращении мы продолжали уроки – пусть не столь интенсивно, но регулярно. Теперь целью была самооборона.

– Зачем? – спросил я. – Если вы нанимаете людей вроде меня, вашей супруге можно не беспокоиться.

Разговор происходил в одном из пустых помещений вивария. Мы были одни.

– Таннер, у меня есть враги. Ты молодчина, и твои люди тоже, но они не идеальны. Убийцу-одиночку вы не остановите.

– Да, – согласился я. – Если это профи, он сумеет прикончить любого из вас, прежде чем вы поймете, что происходит.

– Профи вроде тебя, Таннер?

Я представил себе защитную систему Дома Рептилий – внутреннюю и наружную. Делом своих рук я мог гордиться.

- Нет, Кагуэлла. Для этой задачи нужен спец на голову выше меня.
- А что, такие есть?
- Всегда найдется кто-то лучше тебя. Вопрос в том, сколько стоят его услуги.
- Он положил ладонь на пустой контейнер для амфибий:
- Тем более ей это необходимо. Один шанс лучше, чем ни одного.
- Спору нет, в его словах присутствовала логика.
- Я научу ее кое-чему, раз вы настаиваете.
- Почему так неохотно?
- Огнестрельное оружие небезопасно в обращении.

Кагуэлла улыбнулся. Люминесцентные лампы, вмонтированные в пустые контейнеры, источали тусклый желтый свет.

- Что ж, это неплохая идея.

Вскоре мы начали упражняться. Гитта являла собой образец прилежания, но училась далеко не так быстро, как хотел Кагуэлла. Не то чтобы ей не хватало сообразительности, скорее, дело было в отсутствии моторных навыков и в слабой от природы связи между рукой и глазом. Если бы не настойчивость Кагуэллы, эти дефекты никогда бы не проявились. Нельзя сказать, что она была безнадежна. Но самые примитивные вещи, которые Амелия осваивала за час, требовали от Гитты целого дня мучительного труда. Будь она новобранцем в моей части, я нипочем бы не взялся за подобную задачу. Куда целесообразнее было бы подобрать ей какое-нибудь задание по способностям – скажем, разведку.

Но Кагуэлла захотел, чтобы Гитта научилась пользоваться оружием.

Впрочем, имелась достаточно веская причина, чтобы усердно исполнить распоряжение. Он хозяин, он в своем праве, а мое дело подчиняться. И нельзя пожаловаться на то, что времяпрепровождение было неприятным. Жена Кагуэллы досталась просто идеальная: настоящая красавица, северянка по происхождению, гибкая и подвижная, с мускулатурой танцовщицы и лепными высокими скулами. До этих занятий я не то что не дотрагивался до нее – у меня не было даже повода заговорить с ней. Хотя смелые фантазии я себе позволял частенько.

Каждый раз, когда мне приходилось поправлять ей стойку, мягко надавливая то на предплечье, то на затылок или плечи, мое сердце принималось колотиться. Я старался выдерживать мягкий, спокойный тон, какого требовала ситуация, но в голосе сквозило напряжение и смущение. Впрочем, если Гитта и заметила что-либо в моем поведении, она не подала виду. А может быть, она действительно была сосредоточена исключительно на учебе.

Неподалеку на террасе я установил высокочастотный полевой генератор. Гитта щеголяла в очках-термовизорах, их процессор воспринимал излучение генератора. Это было стандартное учебное оснащение из арсенала, собранного Кагуэллой за многие годы. Самая различная экипировка – краденая или приобретенная на черном рынке... Мне было из чего выбирать. Перед глазами Гитты, как на экране, появляются виртуальные «призраки», которые якобы движутся по террасе. Среди них есть враги и свои, но у нее будет лишь доля секунды, чтобы решить, в кого стрелять.

Вообще-то, это просто игра. Как я уже говорил, надо быть настоящим профи, чтобы иметь некоторый шанс проникнуть в Дом Рептилий. И ни один из убийц не даст Гитте драгоценных мгновений на раздумье.

Уже к пятому уроку прогресс был налицо. По крайней мере, девять из десяти мишеней она выбрала правильно – вполне допустимый уровень ошибок, с которым можно смириться. Я мог надеяться, что не окажусь тем десятым и не паду от рук своей ученицы.

Но до необходимого уровня было еще очень далеко.

Мы работали с огнестрельным оружием не потому, что лучевики были недоступны, а по той причине, что они слишком громоздки и тяжелы для отработки приемов самообороны. Ради безопасности я мог бы поколдовать, чтобы пистолет не срабатывал, когда на линии огня

нахожусь я, или Гитта, или статуя гамадриады, – этими золочеными истуканами Кагуэлла очень дорожил. Но я понимал, что в ситуации, когда оружие не действует, урок теряет свою ценность. Поэтому я заряжал пистолет «умными» патронами. В пуле сидит крошечный процессор, который получает информацию со стрельбища, как и термовизоры Гитты. Процессор управляет микровыбросами газа, заставляющими пулю свернуть, когда траектория становится опасной. Если этого недостаточно, пуля самоуничтожается, превращаясь в облачко металлического «пара». Это, конечно, не самая безопасная процедура, но лучше получить ожог, чем дырку.

– Ну как мои успехи? – спросила Гитта, когда мы перезаряжали оружие.

– Вы научились метко стрелять. Но все же старайтесь целиться ниже – лучше в грудь, чем в голову.

– Почему в грудь? Муж сказал, что вы можете убить человека одним выстрелом в голову.

– У меня большой опыт.

– Это верно, однако... Правда ли, что вы, когда стреляете в человека...

– Ну да, поражаю зону мозга с определенной функцией. Не всем слухам следует верить.

Пожалуй, выбрать одно из двух полушарий я еще могу, но относительно прочего...

– И все же у вас хорошая репутация.

– Да, неплохая. Но не более того.

– Если бы такое говорили о моем муже, он бы из своей репутации выдоил всю выгоду до капли. – Гитта бросила опасливый взгляд на окна верхнего этажа. – Но вы, Таннер, всегда стараетесь держаться в тени. Мне это больше по нраву.

– В тени я держусь по одной лишь причине: чтобы вы не приняли меня за того, кем я не являюсь.

Она посмотрела на меня:

– Не думаю, Таннер, что существует такая опасность. Похоже, я точно знаю, кто вы. Человек с чистой совестью, волею обстоятельств работающий на того, кому плохо спится по ночам.

– Моя совесть не так уж чиста, к сожалению.

– А у Кагуэллы ее, по-моему, нет вовсе...

Наши взгляды на миг встретились. Потом я занялся пистолетом.

– А вот и он! – повысила голос Гитта. – Помяни черта...

– Ну что, перемываете мне косточки? – Кагуэлла спустился на террасу с верхнего этажа. Что-то блестело у него в руке... просто бокал с «Писко». – Впрочем, разве можно обижаться на это?.. Как продвигается учеба?

– По-моему, вполне сносно, – сказал я.

– Не верь ни единому его слову, – вмешалась Гитта. – Я просто безнадежна, но Таннер слишком вежлив, чтобы это подтвердить.

– Успех даром не дается, – заметил я и добавил, обращаясь к Кагуэлле: – Теперь Гитта не только умеет стрелять, но и почти всегда знает в кого. Никаких чудес – она добилась этого усердным трудом и заслуживает похвалы. Но если вам нужно нечто большее, то этого будет нелегко достичь.

– Пусть продолжает, ей это не повредит. Разумеется, под твоим чутким руководством. – Он кивнул на пистолет, только что перезаряженный мною. – Ну-ка, покажи ей свой фокус.

– Который именно? – осведомился я, стараясь не раздражаться.

Обычно Кагуэлла остерегался называть мои нажитые тяжким трудом навыки фокусами. Кагуэлла сделал глоток.

– Ты прекрасно знаешь, о чем я.

– Ладно, попробую угадать.

Я перепрограммировал пистолет, отключив корректировку траекторий. Если ему нужен фокус, он его получит – только пусть не пеняет на издержки.

Обычно, стреляя из маленького оружия, я принимаю классическую стойку – ноги слегка расставлены для равновесия, одна рука сжимает рукоять, другая поддерживает ее снизу, кисти подняты на уровень глаз и напряжены в ожидании отдачи, если стрельба ведется пулями, а не энергией. Но сейчас я держал пистолет в одной руке на уровне пояса, на манер старинного ковбоя с шестизарядником, и смотрел на пистолет сверху, а не вдоль ствола. Позиция была достаточно знакома, чтобы точно знать, куда полетит пуля.

Я нажал на спуск и вклепил заряд в одну из «королевских кобр» Кагуэллы.

Затем подошел и оценил результат... вернее, нанесенный ущерб.

От попадания пули позолота на статуе растеклась, как масло, вокруг входного отверстия образовалась симметричная фигура наподобие лотоса. Принцип симметрии был задан изначально. Будь моей мишенью человек, я бы целился между глазами. Но череп гамадриады имеет несколько другое строение. Чтобы математически точно поместить пулю в соответствующее место, мне пришлось выстрелить ей в пасть.

– Bravo, – похвалил Кагуэлла. – А ты хотя бы представляешь, сколько стоит эта змея?

– Меньше, чем мои услуги, – отозвался я, поспешно восстанавливая на процессоре пистолета безопасный режим.

Еще на миг задержав взгляд на искаленной статуе, он покачал головой и усмехнулся:

– Может, ты и прав. Да, Таннер, реакция у тебя все та же... – Он щелкнул пальцами, подавая знак жене. – Ладно, Гитта, урок окончен. Нам с Таннером надо кое-что обговорить. Собственно, за этим я и пришел.

– Но мы только что начали, – возразила Гитта.

– Продолжишь потом, возможность будет. Хочешь научиться всему сразу?

«Надеюсь, этого не случится – иначе у нас не будет поводов для встреч...»

Опасная мысль. Неужели я всерьез на что-то рассчитываю – да еще и здесь, в Доме Рептилий, под боком у Кагуэллы? Полнейший бред. Тем более что до сего момента Гитта не выказывала мне особенного расположения. Впрочем, кое-что из ее слов стоило взять на заметку. Но может быть, она просто скучает от одиночества в этом доме, затерянном среди джунглей.

Из-за спины Кагуэллы возник Дитерлинг и увел Гитту в дом. Другой охранник уже разбирал полевой генератор. Мы с Кагуэллай направились к стене, окружавшей террасу. Воздух был теплым и липким, никакого намека на ветерок. Днем духота порой становилась невыносимой – ничего общего с мягким морским климатом Нуэва-Икике, где я провел детство.

Кагуэлла был рослым, широкие плечи облегалo черное кимоно с замысловатым узором в виде дельфинов, босые ноги попирали грубый камень, которым была вымощена терраса. Широкое лицо, губы, застывшие в раздраженной гримасе, – внешность человека, не умеющего достойно принимать поражение. Его густые волосы, по обыкновению зачесанные назад, ловили отблески гамадриад и сами казались позлащенными. Он ощупал пробитое изваяние, затем наклонился, чтобы поднять с пола несколько золотых осколков. Те были не толще фольги, которой иллюстраторы в былые времена украшали священные тексты. Печально потеряв их в пальцах, он попытался залепить рану на голове змеи. Статуя изображала гамадриаду, что обвилась вокруг дерева и замерла за миг до слияния.

– Прошу извинить за ущерб, – сказал я. – Но вы сами велели показать фокус.

Он покачал головой:

– Пустяки, у меня в подвале их еще полсотни. Или, может, лучше оставить эту здесь?

– В качестве пугала?

– Ну да. Не пропадать же добру. – Он понизил голос. – Таннер, есть дело. Сегодня вечером нам с тобой надо прогуляться.

– Сегодня? – Было уже поздно, но у Кагуэллы довольно странный распорядок дня. – Собираетесь поохотиться ночью?

– Я бы с удовольствием, но как-нибудь в другой раз. У нас будут гости. Нужно съездить и встретить их. В двадцати километрах отсюда, если ехать по старой дороге, есть прогалина. Вот туда ты меня и повезешь.

Я тщательно прикинул ситуацию, прежде чем задал следующий вопрос:

– Что за гости?

Он любовно погладил простреленную гамадриаду.

– Не совсем обычные.

* * *

Через полчаса мы покинули Дом Рептилий. Времени как раз хватило на то, чтобы Кагуэлла переоделся, причем именно как на охоту: рубашка и брюки цвета хаки, а сверху рыжеватая разгрузка с массой карманов. Осторожно попетляв среди руин, заросших лозой, которые разбросаны в окрестностях Дома Рептилий, я вывел наземное авто на старую дорогу – как раз там, где она уходила в лес. Еще несколько месяцев – и для подобных прогулок понадобятся огнеметы, просто чтобы расчистить проход. Джунгли быстро заживают свои раны, даже если это рана в самое сердце.

Когда-то Дом Рептилий и его окрестности были частью зоопарка, построенного во время очередного перемирия. Оно продлилось всего лет десять, но тогда людям казалось, что война уже не возобновится. Иначе никто бы не стал строить зоопарк – сугубо гражданский объект, совершенно бесполезный с военной точки зрения. Идея заключалась в том, чтобы разместить рядом земных и местных тварей, демонстрируя таким образом сходство и различие между Землей и Окраиной Неба. Но зоопарк так и не достроили. Ныне от него остался только Дом Рептилий, который Кагуэлла сделал своей резиденцией. Надо сказать, это был удачный выбор: здание без труда удалось превратить в неприступную крепость. Мой хозяин вынашивал честолюбивый замысел разместить в подвале коллекцию собственноручно пойманных животных. Главным элементом экспозиции должна была стать взрослая гамадриада, за которой он сейчас охотился. В подвале уже содержалась молодая особь, так что Кагуэлле предстояло раскошелиться на постройку нового террариума, не говоря о расходах на доскональное научное исследование. Как содержать эту тварь, пока было неизвестно, поскольку ее биохимия сильно меняется по мере созревания организма. Помимо этого, стены в доме были увешаны охотничьими трофеями Кагуэллы: шкуры, зубы, кости... Он держал змей не потому, что питал к ним нежные чувства, а просто демонстрировал их гостям как свидетельство своих талантов, – очевидно, что для поимки живой твари требуется несравненно больше ловкости, чем для того, чтобы просто выследить ее и пристрелить.

Ветви и лианы хлестали по корпусу машины. Я гнал по дороге, и визг турбин заглушал все звуки на многие мили вокруг.

– Что за гости? – спросил я в ларингофон.

Кагуэлла сидел рядом, но мог слышать мой голос лишь в наушниках, плотно прижимающих его уши к черепу.

– Скоро увидишь.

– Это их идея – встретиться на прогалине?

– Нет, моя.

– И они знают, какую поляну вы имели в виду?

– Им это не обязательно.

Он дернул головой вверх, и я рискнул поднять глаза. Когда полог леса ненадолго поредел, открывая небо, я увидел ослепительно-яркий треугольный клин, который висел у нас прямо над головой, – драгоценность, врезанная в небесный свод.

– Он следит за нами от самого дома.

– Не похоже на местные самолеты, – заметил я.

– Правильно, Таннер. Это субсветовик.

Через час езды сквозь заросли мы достигли выжженной прогалины. Она появилась несколько лет назад. Я бы не удивился, узнав, что целью упавшей сюда ракеты был Дом Рептилий: у Кагуэлла хватало врагов, чтобы подобная гипотеза выглядела правдоподобно. К счастью, большинство из них только догадывались о его местонахождении. Прогалина уже успела подрасти, но не настолько, чтобы помешать посадке летательного аппарата.

Звездолет беззвучно висел над нами, как летучая мышь. Он был дельтавидным; когда опустился ниже, мне удалось разглядеть на днище тысячи ярких теплоэлементов. При максимальной ширине пятьдесят метров, на вдвое более широкую поляну он мог приземлиться без проблем. Накатила волна тепла, затем я уловил слабейший гул.

Джунгли вокруг нас погрузились в молчание.

Дельтоид опустился еще ниже, с каждой вершины треугольника свисала элегантная перевернутая полусфера. Теперь аппарат держался на уровне верхушек деревьев. Я уже взмок от жары, а яркий свет невыносимо слепил глаза, вынуждая прикрываться рукой.

Затем сияние потускнело до кирпично-красного оттенка, и звездолет рухнул на площадку с высоты нескольких метров, словно перерезали невидимую нить. Полусферы мягко самортизировали, смягчая удар. Минуту стояла мертвая тишина. Затем из головной части аппарата, подобно языку изо рта, выскользнул трап. Бело-голубой свет, хлынувший из прямоугольного проема, превратил поляну в графический рисунок без полутонов. Боковым зрением я заметил каких-то тварей, они поспешно юркнули в темноту.

В этот момент в проеме появились две фигуры. Они показались мне похожими на веретена, поставленные вертикально.

Кагуэлла отстранил меня и зашагал к трапу.

– Вы собрались подняться на борт этой штуковины?

Мой хозяин обернулся. Сияние за спиной превращало его в черный силуэт.

– Да, черт побери. А ты пойдешь со мной.

– Но я никогда не имел дела с ультра.

– Что ж, теперь у тебя появился реальный шанс с ними познакомиться.

Оставив машину, я последовал за ним. У меня был пистолет, но не держать же его в руке – это выглядело бы глупо. Я сунул оружие за пояс и не прикоснулся к нему на протяжении всей нашей встречи.

Ультра молча поджидали наверху трапа, один из них со скучающим видом облокотился на люк. На полпути Кагуэлла опустился на колени и пошарил в траве. Я заметил нечто вроде мятой фольги, но не успел уделить должного внимания. Кагуэлла поторопил меня:

– Пошевеливайся. Они терпеливостью не славятся.

– Вот уж не думал, что на орбите болтается корабль ультра.

– Мало кто об этом знает. – Кагуэлла начал подниматься по трапу. – Они предпочитают не светиться. Им надо провернуть кое-какие дела, которым противопоказана огласка.

Ультра оказались мужчиной и женщиной. Их тощие тела, почти лишённые мышц, были одеты в экзоскелеты – целую паутину аппаратов и протезов. Оба были бледны как покойники, а высокие скулы, черные губы и глаза, словно обведенные сурьмой, усиливали это сходство. Черные жесткие локоны были искусно уложены, образуя нечто вроде гадючьего гнезда. Руки у мужчины были из полупрозрачного материала, вроде матового стекла, пронизанные светящимися микросхемами и пульсирующими жилками фидеров, а в животе у женщины зияла продолговатая дыра.

– Не слишком на них пялся, – шепнул Кагуэлла. – Они это нарочно делают, зачаровывают своей внешностью. Профессиональный трюк. Бьюсь об заклад, эта парочка – самые чумовые особи в арсенале капитана.

– Похоже, капитан свое дело туго знает.

– Доверься мне, я имел дело с ультра. Вообще-то, они слабаки.

Мы поднялись по трапу. Женщина оторвалась от косяка, выпрямилась и уставилась на нас без всякого выражения.

– Вы Кагуэлла? – осведомилась она, разлепив тонкие губы.

– Ага, а это Таннер. Он со мной. Это не подлежит обсуждению.

Женщина осмотрела меня:

– Он вооружен.

– Разумеется, – подтвердил я, слегка раздраженный тем, что она разглядела под курткой пистолет. – А вы разве нет?

– У нас свои средства. Прошу вас подняться на борт.

– Пистолет не мешает?

Женщина усмехнулась – наконец-то хоть намек на эмоции.

– Пистолет – это несерьезно.

Едва мы очутились на борту, как трап втянулся и дверь закрылась. Обстановка напоминала больничную – все стерильно, пастельные тона и масса стеклянной аппаратуры. Вскоре я увидел еще двоих ультра. Они развалились на огромных лежанках, почти целиком погребенных под дисплеями и тонкими рычагами управления. Пилоты не носили одежды, у обоих была лиловая кожа и невероятно проворные пальцы, а на голове жесткие дреды, как у двух первых ультра, только погуще.

– Поднимай нас как можно мягче, Пеллегрино, – проговорила женщина с дырой в животе. – Мы же не хотим, чтобы гости вырубались и шлепнулись на нас.

– Уже взлетаем? – шепнул я.

Кагуэлла кивнул:

– Наслаждайся полетом, Таннер. Бери пример с меня. И не слушай всяких кретинов: пусть болтают, что я еще не скоро выберусь с этой планетки... и что со мной даже ультра не хотят иметь дела.

Нас проводили к паре свободных лежанок. Едва мы устроились на них и пристегнулись, как корабль взмыл. Сквозь прозрачные участки стен я видел, как прогалина в джунглях провалилась и превратилась в одинокое светящееся пятно. В отдалении, почти у горизонта, мерцало еще одно – Дом Рептилий. Остальные джунгли были черны, как океан.

– Почему вы выбрали для встречи эту поляну? – спросила женщина-ультра.

– Потому что приземляться на верхушки деревьев – это глупость.

– Я не о том. Мы могли бы оборудовать посадочную площадку в любой точке с минимальными затратами. Но эта прогалина что-то для вас значила, верно? – Казалось, она просто проявляет праздное любопытство. – Мы просканировали ее на подлете. Под ней кое-что спрятано. Полость с границами правильной формы. Подземный зал, заполненный машинами?

– У каждого свои секреты, – буркнул Кагуэлла.

Женщина пристально посмотрела на него, потом махнула рукой, давая понять, что тема закрыта.

Корабль резко набрал высоту, и перегрузка вдавила меня в лежанку. Мне стоило нечеловеческих усилий – наверное, тщетных – притворяться, будто я не испытываю дискомфорта. Негромкий разговор спутников изобилдовал техническим жаргоном – что-то о скорости воздушных потоков и векторах подъема. Те двое, что встречали нас, устроились на свои места, подсоединившись массивными серебристыми шлангами к какой-то аппаратуре – думаю, для стимуляции газообмена и кровообращения при перегрузке. Шаттл уже выбрался за пределы атмосферы, но подъем продолжался. Мы летели над дневной стороной планеты. Одета зелено-голубой дымкой, Окраина Неба выглядела хрупкой и обманчиво безмятежной. Наверное, такой она была в тот день, когда на орбите появился «Сантьяго». Ничто не говорило о том,

что внизу идет война, – и лишь позже я разглядел у линии горизонта дым, похожий на комки черного кружева. Это горели нефтяные поля.

Я впервые наблюдал подобное. До сих пор мне не доводилось бывать в космосе.

– Беру курс на «Орвието», – доложил пилот, которого женщина называла Пеллегрино.

К нам быстро приближался главный корабль ультра – темный конус, массивный, точно спящий вулкан, и при этом удивительно изящный, длиной километра четыре. Типичный субсветовик, как называли ультра свои звездолеты, – стремительные, способные рассекать пространство на скорости, максимально приближенной к световой. У меня захватило дух. Устройства, обеспечивавшие полет этого корабля, превосходили любую технику, о которой я слышал на Окраине Неба и которую мог вообразить.

Для ультра наша планета была чем-то вроде хронокапсулы с результатами масштабных экспериментов по социальной инженерии, причем сохранившимися не лучшим образом. Здесь можно увидеть образцы технологий и идеологий, безнадежно устаревших три или четыре века назад. Разумеется, вина за это лежала не только на нас. Когда в конце двадцать первого века Флотилия покидала Меркурий, ее корабли были оборудованы по последнему слову техники. Но путь до системы Суона занял целых полтора века. За этот срок в Солнечной системе произошел технологический прорыв, но для Флотилии время застыло.

К той поре, когда колонисты высадились на Суоне, уже были изобретены звездолеты, чья скорость приближалась к световой. В сравнении с их перелетами путешествие Флотилии выглядело жалким актом самоистязания.

Наконец волна прогресса докатилась и до нас. Субсветовые звездолеты приземлились на Окраине Неба. Их базы данных содержали сведения, достаточные для того, чтобы мы сравнялись с остальным населенным космосом, – стоило только захотеть.

Но у нас шли междоусобные войны.

Мы понимали, чего можно достичь, но нам не хватало времени и ресурсов на преодоление технологического отрыва от других колоний, не хватало средств на приобретение новинок у путешествующих торговцев. Раскошеливались мы лишь в тех случаях, когда наши приобретения можно было напрямую применить в целях обороны и нападения, и даже на этом едва не разорились. Вот уже почти сто лет мы по-прежнему бросали в бой пехоту, танки и реактивные истребители, уничтожали друг друга при помощи химических и ядерных бомб и даже не мечтали о таких дарах технического прогресса, как боевые излучатели частиц или наноэлектронные устройства.

Неудивительно, что ультра относились к нам с плохо скрываемым презрением. По сравнению с ними мы действительно были дикарями и, что хуже всего, воспринимали такое положение дел как само собой разумеющееся.

Мы совершили посадку в ангаре «Орвието».

Внутри звездолет напоминал сильно увеличенную копию шаттла – тот же лабиринт извилистых переходов, те же пастельные тона, тот же запах антисептика и стерильная чистота. Искусственная гравитация создавалась за счет того, что корабль вращался под собственной обшивкой. Гравитация была чуть выше, чем на Окраине Неба: возникало ощущение, будто у тебя за плечами тяжелый рюкзак. Помимо всего прочего, субсветовик выполнял функции пассажирского лайнера. На борту уже находилось несколько аристократов, все были возбуждены и громко жаловались на неподобающие условия. Похоже, ультра это не волновало. Они получили с каждого пассажира кругленькую сумму – наивные простаки думали, что таким образом гарантируют себе прибытие в Пункт Назначения. Для ультра они все равно были дикарями, разве что почище и побогаче прочих аборигенов.

Нас провели к капитану.

Он сидел в огромном кресле – настоящий трон на подъемном кране. Целая система гибких приводов перемещала эту конструкцию по всему внутреннему пространству рубки. При

нашем появлении несколько таких же кресел, только поменьше, предусмотрительно разъехались в стороны, и сидящие в них члены экипажа сделали вид, что изучают замысловатые диаграммы на дисплеях, вмонтированных в стены. Телескопический трап, огороженный низкими поручнями, на котором стояли мы с Кагуэллой, выдвинулся до центра рубки.

– Господин... Кагуэлла? – промолвил мужчина на троне. – Добро пожаловать на борт моего судна. Я капитан Орканья.

Капитан ненамного уступал в представительности своему кораблю. От шеи до колен он был облачен в блестящую черную кожу, которая незаметно переходила в голенища сапог с острыми носами. Руки, сложенные «пагодой» под подбородком, были обтянуты черными перчатками. Голова Орканьи торчала над высоким воротником черного мундира, гладкая, как яйцо, – в отличие от остальных членов своего экипажа он был абсолютно лыс. Его гладкое бесстрастное лицо вполне могло принадлежать ребенку... или покойнику, а голос был высокий, почти женский.

– А вы? – Он кивнул в мою сторону.

– Таннер Мирабель, – произнес Кагуэлла, не дав мне открыть рот. – Мой личный инструктор по безопасности. Таннер повсюду со мной. Это не подлежит...

– ...обсуждению. О да, понимаю. – Орканья рассеянно уставился перед собой на нечто, видимое ему одному. – Таннер Мирабель... да. Был солдатом, пока не перешел на службу к Кагуэлле. Скажите откровенно, Мирабель: у вас действительно отсутствуют этические критерии или вам просто ничего не известно о человеке, на которого вы работаете?

– Его работа не требует мучиться бессонницей, – вновь ответил за меня Кагуэлла.

– А все-таки? Он бы мучился бессонницей, если бы знал?

Орканья снова взглянул на меня, но прочесть что-либо на его лице было невозможно. С равным успехом мы могли говорить с куклой, управляемой бестелесным разумом, который командовал кораблем через компьютерную сеть.

– Скажите, Мирабель... вам известно, что кое-кто считает вашего работодателя военным преступником?

– Только лицемеры, которые рады купить у него оружие, пока оно не досталось другим.

– Смертоубийство на равных – это куда лучше, чем альтернативный вариант, – произнес Кагуэлла.

Это была одна из его любимых сентенций.

– Но вы не только торгуете оружием, – сказал Орканья. Казалось, его глаза опять рассматривают невидимый дисплей. – Вы при этом еще грабите и убиваете. Документально подтверждено ваше участие как минимум в тридцати убийствах на Украине Неба, и все они связаны с черным рынком оружия. В трех случаях вы ответственны за продажу оружия, списанного на основании мирных договоров. Косвенным образом вы виновны в затягивании... я бы сказал, в повторном разжигании четырех-пяти местных территориальных споров, находившихся на стадии урегулирования. В результате вашей деятельности погибли десятки тысяч людей.

Кагуэлла попытался запротестовать, но Орканья не позволил перебить себя:

– Вы человек, который руководствуется исключительно заботой о личной выгоде, абсолютно чуждый этике или незнакомый с фундаментальными понятиями о добре и зле. Вы одержимы коллекционированием рептилий, возможно, потому, что в них видите собственное отражение. В душе вы бесконечно тщеславны...

Орканья погладил подбородок и позволил себе вяло улыбнуться:

– Короче говоря, вы весьма похожи на меня... то есть на человека, с которым я могу иметь дело. – Его взгляд уперся в меня. – Но вы, Мирабель, почему работаете на него? Судя по вашей биографии, у вас мало общего с Кагуэллой.

– Он мне платит.

– И это все?

– Он никогда не заставлял меня делать что-то против моей воли. Я действительно специалист по безопасности, я защищаю его и тех, кто рядом с ним. Я принимаю за него пули. Или лазерные импульсы. Иногда я заключаю сделки и встречаюсь с потенциальными поставщиками. Это действительно опасная работа. Но меня не касается, что происходит с оружием после того, как оно меняет владельцев.

– Мм... – Орканья коснулся рта кончиком мизинца. – А должно бы касаться.

Я повернулся к Кагуэлле:

– Есть смысл продолжать разговор?

– Еще бы! – рявкнул Орканья. – Потому что речь о торговой сделке, тупица. Иначе за каким чертом я рискую и терплю у себя на борту всякую планетарную заразу?

Прекрасно. Значит, у нас деловое совещание.

– Что вы продаете? – спросил я.

– Как обычно – оружие. Это единственное, что нужно от нас вашему хозяину. Таковы местные вкусы. Время от времени мои торговые агенты предлагают вашей планете технологии продления жизни, доступные в других системах, но каждый раз вы выбираете в пользу дерьма, которое служит прямо противоположным...

– Потому что за такую цену, что вы ломите за технику для продления жизни, можно купить половину Полуострова, – перебил Кагуэлла. – Скажу сразу, для меня она неподъемная.

– Гм... – протянул Орканья, словно размышляя вслух. – А смерть – для вас подъемная цена? Впрочем, ваши похороны – это ваша забота. Только вот еще что: приглядывайте за товаром, который от нас получите. Будет крайне неприятно, если оружие снова попадет в плохие руки.

Кагуэлла вздохнул:

– Бывает, что террористы грабят моих клиентов. С этим я ничего не могу поделать.

Инцидент, о котором шла речь, случился месяц назад, но черный рынок Окраины Неба до сих пор гудел слухами. Я заключил сделку с военной фракцией, которая существовала на вполне законных основаниях и посему соблюдала все официальные соглашения. Обмен был проведен по весьма замысловатой схеме через подставных лиц, так что Кагуэлле – первому звену этой цепочки – было обеспечено надежное прикрытие. Я лично присутствовал при передаче оружия. Обмен состоялся на прогалине в джунглях – наподобие той, где нас встретили ультра, – и на этом мое участие закончилось. Однако сведения о нашей сделке просочились наружу. В итоге члены другой фракции, не столь законопослушной, накрыли наших клиентов, когда те возвращались с товаром.

Кагуэлла окрестил напавших террористами, но это, откровенно говоря, было преувеличением. На войне, где правила боя и определения преступности меняются еженедельно, законную группировку от незаконной зачастую отличает лишь юридический статус. Союзы то и дело перезаключались, истории войн постоянно переписывались, чтобы стороны предстали в должном свете. Большинство журналистов действительно называли Кагуэлла военным преступником, но лет через сто такие же люди, возможно, выставят его героем... а меня – его верным оруженосцем.

Чего только на свете не случается!

Однако последствия были куда более скверными, чем само происшествие. Через неделю с помощью похищенного оружия был почти полностью истреблен аристократический клан в Нуэва-Сантьяго.

– Подзабыл фамилию... кажется, Рейвичи, – сказал Кагуэлла. – Но послушайте: эти террористы были зверьем, я согласен. При случае я бы сделал из их костей мебель, а кожу пустил на обои. Но это не значит, что я оплакиваю Рейвичей. Они были достаточно богаты, чтобы свалить отсюда давным-давно. Вся эта планета – просто куча дерьма. Хочешь жить в безопасности – в твоём распоряжении вся Галактика.

– Наша разведка сообщила кое-что любопытное, – сказал Орканья. – Младший из Рейвичей, Арджент, жив, и он поклялся отомстить.

– Поклялся отомстить? Это что за баллада о доблестном рыцаре? – Кагуэлла вытянул вперед растопыренную пятерню. – Вот, смотрите, я уже весь дрожу.

– Это только слова, – вмешался я. – Если бы я счел, что стоит беспокоиться, вы бы об этом уже знали. Это также входит в мои профессиональные обязанности. Вам не стоит волноваться из-за каждого чудака, который точит на нас зуб.

– Но мы не считаем, что этот субъект всего лишь чудака, как вы выразились. – Орканья опустил глаза, словно решил полюбоваться своими черными перчатками, и поочередно, с тихим щелчком, распрямил пальцы. – Наша разведка полагает, что он... приобрел оружие у тех же южан, перебивших его семью. Оружие, которое излучает тяжелые частицы и с которым можно взять любой укрепленный пункт. Правда, в активном состоянии оно оставляет очень характерные следы. – Ультра сделал еще одну выразительную паузу и небрежно добавил: – Знаете, забавно: следы оружия ведут на юг Полуострова, к Дому Рептилий.

– Дайте мне координаты, – сказал я. – Встречусь с этим парнишкой и узнаю, что ему нужно. Может быть, он отстанет, получив еще несколько единиц. Если вообще считает нас поставщиками.

– Ну да, – фыркнул Кагуэлла. – Он считает меня торговцем винами. Брось, Таннер. И на этот раз ты можешь отдохнуть. Ты слишком хорош, чтобы возиться с гнидой типа Рейвича. Мух не бьют ядерными ракетами.

Он повернулся к Орканье:

– Так, говорите, он на севере? Как далеко, в какой местности?

– Разумеется, мы можем предоставить вам информацию.

– Вот же дерьмовый кровосос. – На миг лицо моего хозяина перекошилось, но он тут же расплылся в улыбке и ткнул пальцем в сторону ультра. – Вы мне нравитесь, честное слово. Этакая гнусная пиявка... Назовите цену. Можете не углубляться в подробности. Дайте позиционные координаты с точностью... допустим, сто километров. Иначе будет неинтересно.

– Черт побери, о чем вы думаете? – Мне было уже не до субординации. – Может быть, Рейвич сто раз любитель, но это ничего не значит. У него оружие, которым южане перебили весь его клан!

– Что ж, тем забавнее. Настоящее сафари. А заодно, может быть, поймем гамадриаду.

– Вы азартный человек, – с пониманием заметил Орканья.

И тут я понял: если бы не эта встреча, Кагуэлла действовал бы совсем иначе. У себя в Доме Рептилий он бы руководствовался логикой, а не эмоциями. Он не моргнув глазом приказал бы мне или кому-нибудь другому из своих людей убрать Рейвича, потому что тратить время на подобную мелочь действительно было ниже его достоинства. Но на нас глазели ультра, которые не должны были видеть его слабым. Они должны были увидеть хищника.

Позже, когда наступила развязка – когда наша операция провалилась, когда Гитта погибла вместе с Кагуэллой, а нас с Дитерлингом ранили, – я понял еще одну вещь.

Это была моя вина.

Если мне скажут, что я ни на что не годен, я соглашусь, потому что допустил ее гибель. И гибель Кагуэллы. Эти смерти – две части ужасного целого. А Рейвич ушел невредимым – и он по праву гордится собой, потому что у него на руках кровь человека, которому он поклялся отомстить, и его жены. Вообще-то, Рейвич надеялся, что Кагуэлла уцелеет, – у меня было больше шансов отправиться на тот свет. Если бы Кагуэлла выжил, его жизнь превратилась бы в крошечный ад. И это было бы для Рейвича настоящей победой – знать, что до конца своих дней Кагуэлле суждено оплакивать Гитту. Я не знаю, какими словами можно передать боль этой утраты. Думаю, Гитта была единственным существом во Вселенной, которое мой шеф любил.

Рейвич немного просчитался. Он отнял Гитту у меня.

Я хорошо помню, как смеялся Кагуэлла над клятвой Рейвича. От рыцарской доблести до абсурда – один шаг. Похоже, я его сделал. Я поклялся, что положу жизнь, но уничтожу Рейвича и отомщу за Гитту. Скажи мне тогда кто-нибудь, что моя смерть – неперемное условие его гибели, я бы спокойно пошел на такую сделку.

В Нуэва-Вальпараисо он проскользнул у меня между пальцами. Тогда мне пришлось сделать самый сложный выбор – или оставить Рейвича в покое, или последовать за ним за пределы планетной системы.

Сейчас, по прошествии времени, это не казалось чересчур сложным.

* * *

– Не помню каких-то особенных проблем с господином Рейвичем, – сказала Амелия. – У него была временная амнезия, но слабее вашей – она длилась всего несколько часов, а затем он начал приходить в себя. Душа хотела оставить его для осмотра имплантатов, но он настоял на том, чтобы улететь немедленно.

– Вот как? – Я изобразил удивление.

– Да. Один Бог знает, чем мы обидели его.

– Уверен, вы здесь ни при чем. – Интересно, что у него с имплантатами... но об этом я спрошу позже его самого. – Скорее всего, он уже на Йеллоустоне или где-то в окрестностях. Мне не хотелось бы терять его из виду. Развлекаться все-таки лучше вместе.

Она изучающе посмотрела на меня:

– Вы были друзьями, Таннер?

– Вроде того.

– Или компаньонами в путешествии?

– Можно сказать и так.

– Понятно.

Ее лицо было совершенно бесстрастным, но я догадывался, о чем она думает. Сомневаюсь, чтобы Рейвич упоминал о попутчиках. Соответственно, нашей дружбы не существовало в природе.

– Вообще-то, мы договаривались, что он меня дождетя.

– Наверное, ему не хотелось напрасно занимать лазарет. Может быть, остаточная амнезия... Конечно, мы могли бы с ним связаться. Это не просто, но мы стараемся присматривать за теми, кого оживляем, – на случай осложнений.

А еще и на случай, если кто-нибудь вознамерится отблагодарить «Айдлвилд» за гостеприимство... когда будет жить на Йеллоустоне, не нуждаясь в деньгах, но нуждаясь в нищенствующих для слежки за новоприбывшими.

– Благодарю вас, не стоит беспокоиться. Я предпочту встретиться с ним лично.

Она внимательно посмотрела на меня:

– Тогда вам стоит поискать его на планете.

Я кивнул:

– Понимаю, как важно сохранить конфиденциальность, но...

– Он собирался в Город Бездны. – Последние два слова Амелия изрекла с таким видом, словно речь шла о святотатстве или самой гнусной непристойности. – Это наше самое большое и самое старое поселение.

– Да, я уже слышал о Городе Бездны. А можно чуть подробнее? – Я старался говорить как можно мягче. – Хотя бы район назовите.

– Вряд ли я смогу помочь вам – он не сказал, куда именно направляется. Но можете начать с Полога.

– Полог?

– Я никогда там не бывала. Говорят, стоит посетить.

* * *

Я покинул хоспис на следующий день. Несомненно, до полного выздоровления было еще далеко, но дальше тянуть я не мог, иначе шанс напасть на след Рейвича упал бы до нуля. В моей памяти еще белели пятна, но и восстановленного было достаточно, чтобы действовать. Достаточно, чтобы приступить к выполнению моей задачи.

Когда я вернулся в коттедж, чтобы забрать свои вещи – документы, дареную одежду и полуразобранный алмазный пистолет, – мой взгляд сам собой устремился к той самой нише в стене, которая вызвала у меня такой панический страх в день пробуждения. Не могу сказать, что в коттедже спалось спокойно. Мои сны так или иначе были связаны с Небесным Хаусманном, что наглядно подтверждали пятна крови на простыне, которые я обнаруживал по утрам. Тогда я вспоминал разговор с Душой. Может быть, истинная причина моих страхов – индоктринационный вирус? Это он порождает у меня в мозгу те самые пресловутые структуры, а они создают лишние связи между мозговыми центрами. Но в этом я не был уверен.

Потом за мной зашла Амелия, и мы отправились вверх по длинной извилистой дорожке, поднимаясь все выше и выше на «небеса» – к оконечности одного из конусов. Подъем был почти незаметен, поскольку вес уменьшался с каждым шагом. Казалось, кто-то ведет меня под руку, увлекая вперед. Удивительная легкость восхождения вызывала эйфорию.

Минут десять-пятнадцать мы шли молча. Потом я спросил:

– Амелия, вы действительно были когда-то одной из нас?

– Вы имеете в виду – «спящей»? Да, но тогда я была совсем маленькой и едва умела говорить. На нашем корабле произошла авария, больше половины архива погибло. Рейс был транзитный, в каждой планетной системе брали пассажиров... так что теперь никто никогда не скажет, откуда я прилетела.

– Значит, вы даже не знаете, где родились?

– Я могу только догадываться... Теперь мне уже все равно.

Подъем ненадолго стал круче, и Амелия вдруг устремилась вперед, обгоняя меня.

– Теперь мой мир здесь, Таннер. Он блаженно мал, но в этом тоже есть своя прелесть. И даже здесь еще много неведомого.

– Не знаю. Здесь, должно быть, очень скучно.

– Ничуть. Все постоянно меняется. – Она указала вдаль, на изгибающийся горизонт обители. – Видите водопад? Он не всегда здесь находился. А внизу когда-то была деревушка, но теперь мы создали там озеро. И так все время. Меняем конфигурацию дорожек – это чтобы не допустить эрозию... Каждый год мне приходится заново учить карту. У нас есть времена года. Случается, что урожай не очень хорош, зато в другой раз Господь посылает нам изобилие. Всегда происходит что-нибудь интересное. К нам постоянно прибывают новые люди – и некоторые из них вступают в орден... – Она понизила голос. – И к счастью, не все они похожи на брата Алексея.

– Паршивая овца всегда найдется.

– О да. Знаю, что не следовало бы так говорить, но... получив от вас эти уроки, я почти уверена, что справлюсь с Алексеем. Даже надеюсь слегка, что он еще раз попробует.

Как я понимал ее чувства!

– Сомневаюсь, что он примется за старое... но не хотел бы оказаться на его месте.

– Я буду с ним ласкова, не волнуйтесь.

Последовала напряженная пауза. Мы преодолели последний склон у оконечности конуса. Наверное, я весил раз в десять меньше, чем в коттедже, но пока еще не взлетал, хотя, кажется, был к этому близок. Впереди, среди спутанной поросли – при низкой гравитации деревца при-

обретали самые причудливые формы, – пряталась предусмотрительно замаскированная бронированная дверь – вход в помещение.

– Вы в самом деле хотите улететь? – спросила Амелия.

– Чем быстрее я попаду в Город Бездны, тем лучше.

– Вряд ли, Таннер, вы хорошо представляете себе, что вас там ожидает. Жаль, что не хотите остаться с нами еще ненадолго, мы бы подготовили вас к... – Она смолкла, очевидно понимая, что я не поддамся на уговоры.

– Не беспокойтесь, постепенно я все вспомню. – Я улыбнулся, проклиная себя за эту ложь... но иного пути не было. – Спасибо за доброту, Амелия.

– Мне это было приятно, Таннер.

– Вообще-то... – я осмотрелся в поисках соглядатаев, но мы были одни, – буду рад, если вы кое-что от меня примете.

Из кармана брюк я вынул полностью собранный заводной пистолет:

– Лучше не спрашивайте, почему он был при мне. Но я в нем больше не нуждаюсь.

– Не думаю, что могу принять такой подарок.

– Тогда конфискуйте его. – Я втиснул пистолет ей в ладонь.

– Пожалуй, так и сделаю. Он исправен?

Я кивнул. Вдаваться в подробности не было необходимости.

– Он поможет вам, если попадете в настоящую переделку.

Она спрятала пистолет:

– Я его конфискую. – Она пожала мне руку. – Вот и все. Храни вас Бог, Таннер. Желаю вам отыскать друга.

Я отвернулся, надеясь, что она не увидела нового выражения на моем лице.

Глава 9

Я шагнул за бронированную дверь. При виде коридора с полированными стальными стенами я понял, что отныне романтический «Айдлвилд» будет для меня лишь искусственной конструкцией, вращающейся в вакууме, и ничем больше. Далекий плеск крошечных водопадов сменился гулом вентиляторов и силовых генераторов. В воздухе появился характерный запах больницы, которого не было минуту назад.

– Господин Мирабель? Нам сообщили, что вы улетаете. Пройдите сюда, пожалуйста.

Двое нищенствующих уже поджидали меня. Один из них жестом предложил идти следом по коридору; при каждом шаге нас подбрасывало, как на пружинах. Достигнув конца коридора, мы сели в лифт. За коротким подъемом к истинной оси вращения «Айдлвилда» последовал долгий путь в горизонтальной плоскости, к выходу на поверхность, к точке нашего назначения. К моей несказанной радости, за все это время никто из спутников не раскрыл рта. Похоже, все темы для разговоров со «слякотью» нищенствующие исчерпали давным-давно; им заранее известно, что я отвечу на тот или иной вопрос, поскольку это уже повторялось десятки раз.

А если спросят, чем я собираюсь заняться, а я скажу правду?

Чем? Вообще-то, собираюсь кое-кого пришить.

Наверное, стоило так ответить хотя бы ради того, чтобы посмотреть на их физиономии. Но тогда эти ребята, пожалуй, еще примут меня за параноика, которого слишком рано выпустили на волю.

Тем временем лифт покинул внутренности «Айдлвилда» и заскользил по прозрачной трубке. Сила тяжести почти исчезла, и нам пришлось зацепиться руками и ногами за мягкие скобы, вшитые в стены лифта. Нищенствующим это удалось без труда, и они со спокойным изумлением наблюдали мои неловкие попытки «встать на якорь».

Впрочем, вид снаружи стоил усилий.

Теперь я отчетливее разглядел теснящуюся у причала стайку кораблей – то, что два дня назад показывала мне Амелия. Каждый из этих серебристых осколков на самом деле был величиной почти с «Айдлвилд», но на таком расстоянии казался миниатюрным и сливался с массой себе подобных. То и дело весь рой озарялся фиолетовым сиянием – один из звездолетов включал двигатели малой тяги, отделялся от остальных и лениво описывал дугу. Этот маневр мог быть данью этикету, сменой позиции или просто попыткой избежать столкновения. Зрелище завораживало своей красотой. Как можно не восхищаться этим творением рук человеческих – хрупкими песчинками, которые готовы потеряться в бескрайнем пространстве, но все равно бросают вызов расстоянию и времени? И не важно, будет ли то парусник, борющийся со штормовыми волнами, или звездолет с алмазным корпусом, который наперегонки со светом мчится от звезды к звезде.

Между скоплением кораблей и «Айдлвилдом» я заметил пару более ярких мазков. Это могли быть транзитные шаттлы, а возможно, подходили новые звездолеты.

Вблизи сужающийся конец «веретена» «Айдлвилда» казался ажурным. Причалы, ремонтные доки, карантинные и медицинские зоны образовывали сложнейший трехмерный лабиринт. Кругом болталась примерно дюжина разнокалиберных кораблей, и еще несколько стояли «на привязи» у хосписа. Большей частью это были маленькие служебные суда на реактивной тяге – чаще всего нищенствующие использовали их для внешних ремонтных работ. Среди них выделялись две посудины покрупнее, но и они казались карликами в сравнении с любым субсветовиком на главном причале.

Первый был обтекаемой формы и напоминал акулу, – скорее всего, он предназначался для спуска в атмосферу. На гладком корпусе, черном, словно всасывающем свет, ярко серебрилась эмблема – гарпия и nereida. Я сразу узнал шаттл, доставивший меня с вершины моста

Нуэва-Вальпараисо на «Орвието» после нашего спасения. Шаттл был прикреплен к «Айдл-вильду» прозрачной «пуповиной», внутри которой я увидел медленно движущийся поток «спящих». Они все еще были «холодными», то есть находились в криогенных капсулах. По всей длине пуповины проходила судорога компрессионной волны. В этом было что-то непристойное – шаттл словно откладывал яйца...

– Все еще разгружают? – спросил я.

– Нужно очистить еще несколько отсеков трюма со «спящими», и корабль освободится, – пояснил нищенствующий.

– Держу пари, вид этой «слякоти» у вас энтузиазма не вызывает.

– Мы не ропщем, – отозвался второй весьма унылым тоном. – На все воля Божья.

Корабль, к которому направлялся наш лифт, сильно отличался от шаттла. Я бы сказал, что это просто груды хлама, которой каким-то образом придали устойчивую форму и пустили дрейфовать. Похоже, она не разлетелась по всей планетной системе только потому, что висела неподвижно.

– Я лечу на этой развалине?!

– «Стрельников» – хороший корабль, – возразил нищенствующий. – Не волнуйтесь, он куда надежнее, чем кажется.

– Или куда ненадежнее? – вмешался его спутник. – Я все время путаю, брат.

– Я тоже. Может быть, проверим?

Он полез в складки своей хламиды. Не знаю, чего я ожидал, но только не появления на свет деревянной дубинки. Она была явно сделана из черенка садового инструмента и имела на узком конце кожаную петлю, а на другом, широком – несколько любопытных царапин и пятен. Второй нищенствующий вцепился в меня сзади, а его коллега принялся методично отрабатывать удары на моей физиономии. Я почти не мог сопротивляться: эти парни чувствовали себя в невесомости как рыба в воде, да и силы им было не занимать. Похоже, обошлось без переломов, но после этой «процедуры» я еле видел одним глазом, во рту плескалась кровь с кусочками зубной эмали.

– И как это понимать? – прошепелявил я, чувствуя себя полным идиотом.

– Прощальный подарок от брата Алексея, – пояснил нищенствующий, убирая дубинку. – Ничего серьезного, господин Мирабель. Чтобы вы запомнили и впредь не лезли в наши дела.

Я выплюнул кровавый сгусток. Пунцовый шар, сохраняя форму, проплыл от одной стенки к другой и аккуратно размазался по светлому пластику.

– Не видать вам моего пожертвования как своих ушей, – сказал я.

Они посоветовались, не добавит ли тумачков, но сочли за лучшее отпустить меня без серьезных неврологических травм. Возможно, побаивались сестры Души. Я попытался выразить свою признательность, но получилось не слишком искренне.

Тем временем подъемник приближался к «Стрельникову». В такой перспективе несчастная посудина выглядела еще менее выигрышно. Она действительно напоминала брикет мусора длиной метров двести. Множество жилых, контрольных и двигательных модулей были слеплены непонятно как. В глубине проглядывали изгибы топливных трубопроводов и желудкообразные цистерны, навевая воспоминания об анатомичке, конкретно – о вскрытой брюшной полости. От корпусной обшивки осталось несколько пластин с рваными краями. Одни блоки были покрыты блестящей оболочкой, похожей на смолу, и могли даже претендовать на аккуратность, а другие щеголяли кое-как приваренными металлическими заплатами, за которые местным ремонтникам следовало бы оторвать руки. Из шести-семи отверстий непрерывно струился газ, но это, кажется, никого не волновало.

Ладно, пусть выглядит как угодно, лишь бы по дороге это ископаемое не развалилось. Скорее всего, «Стрельников» уже сто раз летал в Блистающий Пояс – конгломерат анклавов на низкой орбите Йеллоустона – и обратно. Вокруг Окраины Неба выполнялись десятки подоб-

ных операций. Скорость на этом маршруте почти не меняется – соответственно, нагрузка на детали минимальна. Корабль может сто лет ползать вверх-вниз по гравитационному колодцу, пока не развалится на куски, наполнив пространство зловещими дрейфующими скульптурами. На пару пилотов-суперпрофи, которые гоняют шикарные шаттлы по скоростным маршрутам, приходится несколько ребят классом пониже. Чем проще транспортная фирма, тем заметней изношенность кораблей – здесь принято экономить на ремонте, да и вообще на чем только можно. В самом низу этой пирамиды находятся транспорты на реактивной или ионной тяге. Неторопливость, с которой они перемещаются между орбитами, способна вымотать нервы любому. «Стрельников», конечно, не был воплощением изящества и комфорта, но по сравнению с этими развалюхами выглядел весьма недурно.

В любом случае это был самый быстрый способ оказаться в Блισταющем Поясе. Скоростные шаттлы проходили маршрут куда резвее, но корабли такого типа даже не приближались к «Айдлвилду». Не надо быть спецом в экономике, чтобы понять причину. Большинству клиентов хосписа едва хватало средств, чтобы оплатить собственное оживание, не говоря уже о перелете в Город Бездны. Мне предстояло добраться до того причала с множеством кораблей и заказать билет на шаттл – без гарантии, что свободное место найдется сразу. Амелия отговорила меня садиться на скоростной летательный аппарат. По ее словам, таких теперь очень мало (а сколько их было раньше, я спросить не успел) и ожидание сведет выигрыш во времени в лучшем случае до минимума.

Наконец лифт достиг соединительного прохода на «Стрельников», и мои друзья-нищенствующие снова стали воплощением благожелательности. Теперь они расплывались в улыбках, словно синяки на моем лице были всего лишь психосоматическим проявлением вируса Хаусманна, а эти двое здесь совершенно ни при чем.

– Желаем удачи, господин Мирабель. – Нищенствующий с дубинкой весело махнул мне рукой.

– Спасибо. Я вышлю открытку. А может быть, вернусь и расскажу, как прошло путешествие.

– Это было бы чудесно.

Я выплюнул последний кровавый сгусток.

– Уверен, вы меня дождетесь.

Впереди на борт загоняли стайку будущих иммигрантов, сонно бормочущих что-то на незнакомых наречиях. Потом нас долго вели через запутанный лабиринт узких лазов, пока мы не очутились в «ступице», глубоко в утробе «Стрельникова», где нас распределили по маленьким каютам. Спуск к Блισταющему Поясу начался.

Добравшись до своего отсека, я почувствовал себя усталым и больным – зверь проиграл схватку и уполз к себе в берлогу зализывать раны. Какая удача, что у меня не оказалось соседей по каюте! Здесь не было благоухающей чистоты, равно как и особенной грязи, – некое промежуточное состояние легкой запущенности и неряшливости. На «Стрельникове» не поддерживали искусственную гравитацию – тоже великолепно. Разумеется, это делалось с единственной целью не перегружать конструкцию, но кабинка была оборудована специальной нуль-койкой и всевозможными питающими и санитарными удобствами, необходимыми в условиях невесомости.

Кроме того, я обнаружил любовно сохраненный сетевой пульт, который словно перекочевал сюда из музея кибернетики; на все свободные места были наклеены бумажки, заляпаные и поблекшие, с подробными инструкциями относительно того, что можно и чего нельзя делать на борту, а также план аварийной эвакуации. Время от времени в системе громкой связи раздавался щелчок, и кто-то в очередной раз с ужасным акцентом сообщал, что отправление корабля задерживается. Наконец содержание сообщения изменилось: нас поставили в извест-

ность, что корабль покинул «Айдлвилд», двигатель включен и мы спускаемся. Старт был таким мягким, что я даже не заметил.

Избавившись от осколков зуба во рту и тщательно исследовав болезненные синяки – прощальный подарок нищенствующих, – я постепенно погрузился в сон.

Глава 10

В тот день, когда проснулся пассажир, мир еще раз необратимо изменился.

Небесный в сопровождении двух его лучших друзей ехал в служебном вагончике, который с грохотом катился вдоль «хребта» «Сантьяго» по одному из вспомогательных тоннелей, пронизывающих корабль от носа до кормы. Состав полз по рельсам как улитка, то и дело останавливаясь, чтобы позволить экипажу выгрузить припасы либо дожидаться, пока другой поезд не освободит тоннель впереди. Как обычно, спутники Небесного коротали время, рассказывая небылицы и бахвалясь друг перед другом. Небесному доставалась роль зануды, который не способен веселиться вместе с остальными и потому изо всех сил стремится испортить им настроение.

– Мне вчера Вильетти такое рассказал! – крикнул Норкинко, стараясь перекрыть грохот поезда. – Сам он в это не верит, а другие верят! И дело касается Флотилии.

– Валяй, а мы посмеемся, – откликнулся Небесный.

– Простой вопрос: сколько кораблей было изначально, до гибели «Исламабада»?

– Разумеется, пять, – ответил Гомес.

– А если не пять? А вдруг шесть? Один взорвался – нам это известно. Но какой? Может быть, как раз «Исламабад» уцелел?

– А почему мы его не видим?

– Потому что он не подает сигналов. Он преследует нас, как призрак.

– Весьма убедительно, – фыркнул Небесный. – А у этого призрака, случайно, не было имени?

– Что касается имени, то...

– Я так и знал.

– Говорят, «Калеуче».

Небесный вздохнул. Путешествие, похоже, будет еще то. Когда-то много лет назад они втроем считали железнодорожную сеть корабля местом для игр – увлекательных и в меру опасных. Это была удивительная страна, где оживали истории о привидениях и приключениях. Там были заброшенные тоннели, которые ответвлялись от основной линии, – по слухам, они вели к засекреченным грузовым отсекам. По одной из версий, там находились тайники со «спящими», которых переправили на борт нелегально в последние минуты перед отлетом, потому что это были члены правительств-соперников. Небесный и его друзья знали места, где можно, подзадоривая друг друга, забираться на крышу поезда и ехать, едва не обдирая спину о потолок тоннеля. Сейчас он, повзрослевший, вспоминал эти игры с лукавым изумлением, отчасти гордясь былым риском, отчасти ужасаясь грозившей им тогда кошмарной смерти.

С тех пор прошла целая жизнь. Теперь их действия куда более серьезны – они выполняют нужную работу для корабля. Его ресурсы на исходе, и все члены экипажа вынуждены лезть вон из кожи. Небесному и его друзьям поручено сопровождать грузы для бригад, работающих на «хребте» и в двигательном отсеке. Обычно это включало помощь при разгрузке, после чего груз приходилось тащить через узкие переходники и спускать по эксплуатационным шахтам туда, где он был необходим. В общем, работа оказалась далеко не такой простой, как они думали поначалу. Редкая смена обходилась без свежих царапин и синяков. Зато постоянные нагрузки помогли обзавестись великолепной мускулатурой – в других условиях на это можно было даже не надеяться.

Необычная у них сложилась компания. Гомес мечтал работать в двигательном отсеке, в этом тайном ордене техников, обслуживающих силовые установки. То и дело он загонял поезд в корму и даже шептался с кем-нибудь из тамошних спецов, пытаясь произвести на него впечатление своим знанием нюансов герметизации и прочих секретов теории аннигиляторных

двигателей. Временами, наблюдая за этими беседами, Небесный замечал: не всегда техники разбивали в пух и прах вопросы и ответы Гомеса. Изредка они даже выказывали сдержанное удивление и намекали, что однажды Гомесу будет позволено вступить в их тишайшее братство.

Норкинко был человеком совсем другого типа. Он умел с безоглядной одержимостью погружаться в любую проблему. Его могло увлечь что угодно, лишь бы явление было достаточно сложным и многоплановым. Он самозабвенно составлял списки и классификации, а серийные номера и схемы были наполнены для него глубоким очарованием. Неудивительно, его как магнитом тянуло к чудовищно сложной компьютерной «нервной системе» «Сантьяго», которая пронизывала своими жилами корабль, бесконечно ветвясь. Содержащаяся в ней информация постоянно менялась, переписывалась, подобно древним палимпсестам, – начиная со старта корабля и до недавнего аварийного сбоя систем. Для большинства взрослых, находящихся в здравом уме, понять работу хотя бы одного крошечного сегмента этой сети – уже подвиг! А Норкинко был заморожен ее бесконечным многообразием. По мнению многих, это граничило с патологией, а кое-кому внушало страх. Техники, которые занимались сетью, на протяжении поколений отработывали способы устранения неполадок – и тут кто-то пытается объяснить им, как решить те же проблемы более эффективно! «Это оставит нас без работы» – таков был самый вежливый ответ неугомонному Норкинко. После чего он некоторое время держался подальше от сетевиков, чтобы не нарваться на неприятности, и путешествовал вместе с Небесным и Гомесом.

– «Калеуче», – повторил Небесный. – Интересно, что бы это значило.

– Еще бы не интересно. – Презрительные нотки в голосе Небесного, похоже, задели Норкинко. – Мои предки родом с одного острова. Так вот, там очень любили истории о привидениях. В том числе и о «Калеуче».

Норкинко уже увлекся, его обычные нервные интонации почти исчезли.

– И ты хочешь поведать эту историю нам, да?

– Это был морской корабль-призрак.

– Забавно, а я бы не догадался.

– Пожалуйста, заткнись и дай послушать, – оборвал Гомес.

Норкинко продолжал:

– Ночами до берега нередко долетали звуки аккордеона. Иногда «Калеуче» даже заходил в порт или брал матросов с других кораблей. На его борту пировали мертвецы, и этот пир никогда не кончался, а команда состояла из колдунов – брухо. Они окутали «Калеуче» облаком, которое двигалось вместе с ним. Иногда люди видели корабль, но не могли к нему приблизиться. Он погружался в волны или превращался в скалу.

– Так, значит, этот корабль так и не удалось рассмотреть как следует, потому что его скрывало облако, и он мог заодно превращаться в камень, когда к нему приближались? Ну просто чудо из чудес, Норкинко.

– Небесный, я же не говорю, что это действительно был корабль-призрак, – обиженно отозвался Норкинко. – Но сейчас... как знать? Сколько мифов описывают то, что потом становится реальностью.

– Так-то оно лучше.

– Да ладно тебе, – сказал Гомес. – Что ты прицепился к этому призраку? А вот кое в чем Норкинко прав. Вполне мог быть шестой корабль, но со временем про него просто забыли.

– Ну, допустим. Хотя, по мне, это просто корабельная байка. Помирающий от скуки экипаж насочинял мифов, чтобы придать какой-никакой смысл своей жизни. Я не стану с вами спорить.

Небесный умолк – поезд свернул в боковой тоннель и загромыхал по индукционным рельсам.

Теперь они приближались к корпусу, и сила тяжести начала расти.

– А я знаю, в чем проблема, – усмехнулся Норкинко. – Это из-за папаши твоего, да? Ты не желаешь верить ни во что такое, потому что твой отец – большой начальник. У тебя в голове не укладывается, что он ни сном ни духом о настолько важных вещах.

– А может, он знает – это тебе в голову не приходило?

– Так ты допускаешь, что шестой корабль на самом деле может существовать?

– Вообще-то, нет.

– Ну а я готов поверить, что шестой корабль был! – разгорячился Гомес. – Если смогли отправить пять кораблей, велика ли сложность добавить шестой? Корабли набрали крейсерскую скорость, потом, скажем, случилась авария... ну, или еще какая-нибудь беда. Это могла быть случайность, могла быть диверсия – не важно. Но шестой корабль, по сути, погиб. То есть он до сих пор летит по инерции, но там все заброшено, экипаж мертв, «спящие», наверное, тоже. Системы не работают, так что остаточной энергии вполне хватит на то, чтобы антивещество не разгерметизировалось.

– И о нем просто забыли? – спросил Небесный.

– Если другие экипажи приложили к этому руку... Что стоило поработать в архивах Флотилии? Лучший способ уничтожить улики – это скрыть сам факт существования жертвы. Экипаж мог дать клятву, что его потомки – то есть наши предки – никому ничего не расскажут.

Гомес с жаром добавил:

– Поэтому нашему поколению достались только слухи – реальные события наполовину забылись и обросли легендами.

– Именно так, – кивнул Норкинко.

Небесный покачал головой. Спорить было бесполезно.

* * *

Поезд остановился в грузовом отсеке, который обслуживал один из сегментов «хребта». Все трое осторожно вышли, с хрустом припечатывая липкие подошвы ботинок к настилу. Сила тяжести почти не ощущалась, поскольку отсек находился у самой оси вращения. Предметы падали на пол, но как будто нехотя, а слишком энергичный шаг мог запросто обернуться чувствительным ударом головой о потолок.

Таких отсеков было множество, и они использовались в основном для обслуживания момио. К каждому сегменту «хребта» присоединялись шесть модулей со «спящими» – в каждом по десять индивидуальных криокапсул. Однако к самим модулям вагонетки не подходили. Дальше почти все оборудование и материалы приходилось доставлять вручную по снабженным лестницами эксплуатационным шахтам и извилистым узким переходам. Хотя на корабле были грузовые лифты и роботы-доставщики, без крайней нужды ими старались не пользоваться. Технику приходилось регулярно ремонтировать, а роботы давно нуждались в перепрограммировании. Даже простейшие задания приходилось повторять по слогам, словно слабоумному ребенку, – проще выполнить работу самому. По этой причине в отсеках околачивалась толпа техников. Обычно они стояли со скучающим видом, облокотясь о штабель поддонов, и покуривали самодельную сигарету или постукивали стилусом по компаду, тщетно пытаясь изобразить напряженную работу мысли. Заняться действительно было нечем. По уставу техникам полагалось носить синие комбинезоны с секционными знаками отличия. Однако они украшали форму живописными прорезами или аккуратными обшитыми разрезами, чтобы демонстрировать грубые татуировки. Небесный, разумеется, знал их всех в лицо – на корабле, где сто пятьдесят человеческих существ живут бок о бок, это неизбежно. Но он едва ли помнил их имена, не говоря уже о том, что не представлял, чем эти люди занимаются на досуге. Закончив смену, техники предпочитали собираться в отведенных им помещениях на «Сантьяго» и общаться

только внутри своего круга – вплоть до заключения браков и зачатия детей. В этом кругу говорили на особом, тщательно засекреченном жаргоне.

Но сегодня что-то неуловимо изменилось.

Никто не слонялся по помещению, изображая занятость. Да и вообще здесь было на удивление малоллюдно. Те, кто остался, явно нервничали, словно ожидали сигнала тревоги.

– Что случилось? – спросил Небесный.

Но человек, который осторожно вышел из-за ближайшего контейнера с оборудованием, не был техником. Остановившись, он оперся о хромированное плечо присевшего робота-разносчика; лоб блестел от пота.

– Отец? – произнес Небесный. – Что ты здесь делаешь?

– Я бы тебе задал тот же вопрос, если бы не догадывался, что ты занимаешься своей текучкой.

– Так и есть. Разве я не говорил, что мы иногда работаем на поездах?

Тит казался рассеянным.

– Да... говорил. Прости, вылетело из головы. Небесный, помоги людям разгрузить оборудование, а потом убирайся отсюда вместе со своими друзьями.

– Не понимаю. – Небесный взглянул на отца.

– Просто выполняй. – Тит повернулся к ближайшему технику, заросшему бородой типу, который стоял рядом. Его скрещенные на груди лапищи с буграми мышц напоминали окорока. – То же самое относится к тебе и твоим людям, Ксавьер. Убери отсюда всех лишних, и подальше. Мне необходимо эвакуировать всю двигательную секцию.

Он отдернул рукав и что-то зашептал в свой браслет. Скорее всего, рекомендации, подумалось Небесному, но Старик Бальказар обязательно последует совету Тита Хаусманна. Затем отец снова повернулся к Небесному и удивленно поднял брови:

– Сынок, кажется, я велел тебе пошевеливаться? Это не шутка.

Норкинко и Гомес не торопясь проводили двух техников к ожидающему поезду, вскрыли одну из грузовых упаковок и принялись извлекать аппаратуру, царапая о стенки контейнера костяшки пальцев. Техник принял груз, передал следующему... Ящики плыли по рукам, покидали отсек и уходили на нижние уровни, к капсулам «спящих».

– Папа, что случилось? – спросил Небесный.

Он ждал, что отец начнет ему выговаривать, но Тит только качнул головой:

– Не знаю. Пока еще не знаю. Но с одним из пассажиров что-то не так, и это меня слегка беспокоит.

– А в чем дело?

– Чертов момио просыпается. – Отец промокнул платком лоб. – Этого не должно было случиться. Я спускался к ним в отсек и все равно не понял, в чем причина. И это меня нервирует, вот почему я хочу очистить помещение.

Что за чудеса, подумалось Небесному. Никто из пассажиров прежде не просыпался, а некоторые, наверное, совсем умерли.

– А почему это плохо, папа?

– Да всего лишь потому, что им не положено просыпаться. Если это происходит, значит так было запланировано с первого дня. Еще до того, как мы покинули Солнечную систему.

– Но зачем очищать зону?

– Я это делаю, потому что мой отец, твой дед, кое о чем меня предупреждал. А теперь выполняй приказ: разгрузи состав и сматывайся отсюда к чертям, понял?

В этот момент еще один поезд вкатился в отсек с противоположной стороны и стал вприпрыжку к тому, на котором прибыл Небесный. Из вагонетки вышли четверо охранников, подчиненных Титу, – трое мужчин и женщина – и начали облачаться в пластиковые доспехи, слишком

громоздкие, чтобы путешествовать в них на поезде. Это были силовики корабля практически в полном составе, и полиция и армия; выполняли они и другие обязанности.

Проследовав вдоль поезда, отряд разгрузил стойки с блестящими белыми автоматами; действовали при этом охранники с нервной осторожностью. Отец всегда твердил Небесному, что оружия на борту нет, но это звучало не слишком убедительно.

Со многими аспектами деятельности корабельных охранников Небесному хотелось познакомиться получше. Эта маленькая сплоченная и эффективная команда вызывала у него настоящий восторг. Но ему никогда не работать вместе с отцом. По сему поводу Тит дал юноше убедительное объяснение: начальник не может оставаться беспристрастным и справедливым, руководя собственным сыном, независимо от способностей того. От этого пилюля не стала слаще. В результате задания, которые отец поручал Небесному, никоим образом не касались вопросов безопасности. Данная ситуация не должна и не может измениться до тех пор, пока Тит возглавляет силовиков, и оба это понимали.

Небесный присоединился к своим друзьям, чтобы помочь с выгрузкой припасов. Юноши работали быстро, без привычной ленцы. Они нервничали. Здесь и впрямь происходило нечто необычное: не в правилах Тита Хаусманна придумывать проблему на пустом месте.

То и дело Небесный поглядывал на охранников.

Уже натянув на бритые головы матерчатые подшлемники, они постукивали по микрофонам, проверяли переговорные устройства на разных частотах. Затем извлекли из вагонетки бронированные шлемы, надели их, а сверху прикрепили опускающиеся монокуляры. От шлема к автомату тянулся тонкий черный шнур – чтобы прицелиться, достаточно посмотреть в сторону противника. Вдобавок шлем был оборудован инфракрасным и звуковым датчиками, которые могли пригодиться в тусклом освещении нижних уровней.

Закончив возиться со своей техникой, охранники подошли к Хаусманну-старшему, и тот быстро и деловито отдал им какие-то указания. Небесный пытался читать по его губам. В присутствии подчиненных отец выглядел абсолютно спокойным. Иногда он скупно взмахивал рукой или кивал. С тем же успехом он мог декламировать детский стишок. Даже пот у него на лбу, похоже, высох.

Вскоре Тит Хаусманн отпустил подчиненных, вернулся к поезду, на котором прибыл Небесный, и достал из вагонетки еще один автомат, для себя. Ни брони, ни шлема – только оружие, такое же ослепительно-белое, как у других. Оно было снабжено серповидным магазином и каркасным прикладом. В движениях отца читалось его отношение к оружию: никакой фамильярности, лишь спокойное уважение. Так человек обращается с ядовитой змеей, из которой только что выдоил яд.

И все это из-за единственного проснувшегося пассажира?

– Папа, – произнес Небесный, понимая, что отвлекает отца, – что на самом деле случилось?

– Тебе не о чем волноваться, – отозвался Тит.

Взяв с собой троих охранников, он оставил четвертого стеречь грузовой отсек. Группа исчезла в одном из вспомогательных колодцев, ведущих к отсекам «спящих». Некоторое время оттуда доносился, постепенно стихая, звук их шагов. Убедившись, что отец его не услышит, Небесный подошел к часовому:

– Что происходит, Констанца?

Она резко подняла монокуляр:

– А с чего ты решил, что я скажу тебе, если твой отец не сказал?

– Ни с чего я не решал, но почему бы, думаю, не попытаться? Помнится, когда-то мы были друзьями.

Он узнал ее еще в ту минуту, когда прибыл поезд. Да и не могли ее не привлечь, поскольку ситуация была достаточно серьезной.

– Ну, извини, – буркнула Констанца. – Просто мы немного на взводе.

– Ну да. – Он взглянул в девичье лицо, все такое же красивое и волевое, и вдруг понял, что хочет провести по ее подбородку пальцем. – Я слышал о пассажире, который проснулся слишком рано. Это правда?

– Вроде того, – неохотно процедила она.

– И поэтому вам понадобился целый арсенал, о существовании которого я даже не подозревал?

– Как нам действовать, в каждом конкретном случае решает твой отец.

– Но он должен был объяснить свое решение. Что особенного в этом пассажире, кроме его пробуждения?

– Поверь, я не знаю. Но этого не должно было случиться. Момио не полагается просыпаться так рано. Это просто невозможно, если только кто-то не запрограммировал капсулу заранее. А кто стал бы так рисковать без особой причины?

– Все равно не понимаю. С чего это ему понадобилось просыпаться до срока?

– Чтобы сорвать нашу задачу. – Она нервно постучала ногтями по автомату и добавила тише: – Представь: один-единственный «спящий» оказался на борту не в качестве пассажира, а в качестве мины замедленного действия. Доброволец-смертник. Может, преступник, а может, ему нечего терять. Или он до того ненавидит нас, что готов на все, лишь бы уничтожить. Знаешь, чего стоило получить место на корабле Флотилии, когда она покидала Солнечную систему? Построив свой флот, Конфедерация нажила себе врагов не меньше, чем друзей. Думаю, найти смертника было нетрудно – дай только возможность с нами разделаться.

– Но проверить такое непросто.

– Конечно. Если забудешь заплатить кому следует.

– Наверное, ты права. Ты серьезно насчет мины?

– Нет, конечно. Впрочем... кажется, это не такой уж и абсурд. Что, если нашим врагам, кем бы они ни были, удалось поместить диверсанта на каждый борт? Тогда получается, первый из смертников проснулся на «Исламабаде»... и предупредить экипаж было некому.

– Боюсь, от предупреждений было бы мало пользы.

Она накупила:

– Ничего, разберемся. Может быть, просто капсула неисправна.

И в этот миг послышались первые выстрелы.

Операция велась в десятках метров под грузовым отсеком, но стрельба звучала пугающе громко. Почти сразу раздались крики. Небесный вроде бы услышал отца, но сказать наверняка было трудно – акустика эксплуатационного ствола придавала голосам металлический оттенок, делая слова неразборчивыми и размывая разницу тембров.

– Черт! – вырвалось у Констанцы. На мгновение девушка замерла, затем устремилась к вспомогательному колодцу. Обернувшись на полпути, бросила на юношу бешеный взгляд. – Стой здесь, Небесный!

– Я с тобой. Там мой отец.

Стрельба прекратилась, но шум продолжался – перебранка, истерические вопли и грохот, словно кто-то крушил аппаратуру. Констанца проверила автомат, закинула его за плечо и уже была готова спуститься по металлической лестнице в гулкую утробу колодца.

– Констанца...

Он вцепился в автомат и сорвал его с плеча девушки, прежде чем она успела среагировать. Констанца в ярости обернулась, но он уже двигался к спуску и не то чтобы держал охранницу на прицеле – просто дуло смотрело в ее сторону. Он не имел ни малейшего представления, как пользоваться автоматом, но по его решительному виду догадаться об этом было невозможно. Констанца отстранилась, не сводя глаз с оружия. Оно все еще было связано с ее шлемом гибким проводом, который сейчас натянулся до предела.

– Давай шлем, – сказал Небесный.

– Нарываешься на неприятности, – предупредила она.

– Потому что иду выручать отца? В худшем случае будет мягкое взыскание. – Он дернул подбородком. – Шлем, Констанца.

С недовольной гримасой она стянула с себя шлем. Небесный надел его, не потребовав заодно и подшлемник. Головной доспех оказался маловат, но времени на подгонку не было. Опустив монокуляр, он обрадовался, когда на дисплее появилась панорама, которую «видел» автомат. На характерном зеленовато-сером фоне светились перекрестье прицела, шкала дальности и другие статистические показатели оружия. Все это казалось полной бессмыслицей... пока он не взглянул на Констанцу и не обнаружил белый мазок вместо носа. Инфракрасное излучение – это все, что ему нужно знать.

Спускаясь в колодец, он чувствовал, что девушка следует за ним на почтительном расстоянии.

Крики уже прекратились, однако тишины не было. Теперь голоса звучали глуше, но по-прежнему встревоженно. Небесный отчетливо слышал отца – интонации были какими-то странными. Юноша стоял в узловой точке сектора, отсюда можно было добраться до любой из десяти криокапсул. Коридоры расходились радиально в десяти направлениях, но лишь одна из дверей, ведущих в отсеки с капсулами, была открыта. Из-за нее доносились голоса.

Выставив перед собой автомат, Небесный двинулся туда. Обычно в коридоре царили полумрак и теснота, со всех сторон, переплетаясь между собой, извивались трубы. Сейчас он светился мертвенным серо-зеленым светом. Небесный понял, что боится, только когда оказался внизу, с оружием в руках. Чувство страха было ему почти незнакомо. Впервые он испугался, будучи один в детской комнате, всеми покинутый и забытый; лишь на стене безумным призраком кривлялась его полупрозрачная тень.

Как было бы здорово, если бы сейчас рядом появился Клоун и сказал что-нибудь дружеское и назидательное. Снова очутиться в детской, в крошечном мирке, чей покой не омрачен легендами о кораблях-призраках, диверсиями и прочими опасностями взрослой жизни.

Коридор резко повернул и уперся в капсулу. Огромный внешний модуль, заполненный аппаратурой, – и все это для одного «спящего»... Точно древняя усыпальница, дышащая стариной и важностью. Здесь было холодно: Небесный видел внутренности модуля в зеленовато-коричневых и черных тонах.

Позади заговорила Констанца:

– Отдай автомат, Небесный, и никто не узнает, что ты его брал.

– Отдам, когда минует угроза.

– Так ведь мы еще не выяснили даже, что это за угроза. Может, кто-то случайно выстрелил.

– А капсула со «спящим» тоже случайно дала сбой? Думай, что говоришь.

Он вошел в помещение и увидел троих охранников и отца – бледно-зеленых призраков, разукрашенных белыми пятнами.

– Констанца, – произнес один из мужчин, – кажется, тебе было велено прикрывать... Черт! С кем это я говорю?

– С Небесным Хаусманном. – Юноша сдвинул вверх монокуляр, и комната мгновенно потускнела.

– А где Констанца?

– Я взял у нее шлем и автомат... силой отобрал. – Небесный оглянулся, надеясь, что девушка слышит, как он пытается ее оправдать. – Она сопротивлялась.

Эта капсула вместе с девятью другими составляла кольцо; к каждой секции подходил отдельный коридор. Со времени старта Флотилии этот модуль посещали, может быть, пару раз. Своей сложностью система жизнеобеспечения не уступала аннигиляторным двигателям и была

столь же уязвимой. Одно неумелое действие, и аварии не избежать. Лишь самые опытные специалисты обслуживали капсулу, подобно тому как отборные жрецы обслуживали египетские пирамиды. И, как мертвые фараоны, «спящие» не ожидают вторжения в свой загробный мир, пока не достигнут конца путешествия – системы 61 Лебеда А. Здесь не было места живым людям.

Но куда менее уместным оказалось зрелище, представшее глазам Небесного.

Тит Хаусманн лежал на полу, его поддерживал за плечи один из охранников. Грудь отца была залита темной липкой жидкостью, и Небесный понял, что это кровь. На мундире отца чернели огромные дыры, через которые она вытекала, отвратительно булькая при каждом вздохе и собираясь лужицей на полу.

– Папа! – воскликнул Небесный.

– Все в порядке, – отозвался один из охранников. – Бригада врачей уже на подходе.

Но Небесный знал уровень медицинского обслуживания на «Сантьяго». Пожалуй, лучше сразу вызывать священника... или похоронную команду.

Он осмотрел капсулу «спящего» – длинный саркофаг на облепленном приборами цоколе заполнял собой почти весь отсек. В крышке зияла дыра с зазубренными краями, осколки стекла покрывали пол беспорядочной мозаикой. Такое впечатление, будто кто-то разбил крышку изнутри, пытаясь вырваться из капсулы.

И в ней что-то находилось.

Пассажир мертв или должен вот-вот умереть. На первый взгляд в его облике ничего необычного – если не считать того, что обнаженное тело изрешечено пулями и утыкано проводами мониторинга, шунтами и катетерами. А ведь он моложе большинства «спящих», подумал Небесный. Тот самый возраст, когда легко становятся фанатиками. Все остальное – лысая голова, полностью расслабленное лицо – как у любого из тысяч момио.

Все, кроме оторванной по локоть руки.

Она лежала на полу – безжизненный предмет, похожий на брошенную перчатку. Но расступ из лохмотьев кожи казался пустым – ни обрывков мышц, ни кости, да и крови вытекло совсем мало. И сам обрубок... Живая плоть заканчивалась в нескольких дюймах ниже локтя. А на полу валялась металлическая конструкция, бурая от крови, – омерзительный протез, у которого вместо пальцев целый арсенал остро заточенных лезвий.

Небесный представил себе, что могло произойти.

Момио просыпается в своей капсуле – это было запланировано еще до того, как Флотилия покинула Меркурий. Его пробуждение должно остаться незамеченным. Вырвавшись на свободу, он приступает к выполнению своей задачи... то же самое, по версии Констанцы, произошло на борту «Исламабада». Одиночка действительно способен причинить огромный вред, особенно если не заботится о том, чтобы уцелеть.

Однако этот план сорвался.

По-видимому, диверсант уже просыпался, когда в модуль вошла группа силовиков. Отец Небесного склонился над капсулой, чтобы осмотреть ее, и в этот момент «спящий» разбил стекло и напал на Тита. Даже пули не сразу остановили злоумышленника, хотя охранники почти целиком опустошили магазины автоматов. Некоторые препараты, предназначенные для размораживания, обладают обезболивающим действием, и диверсант оставался опасен, пока не потерял слишком много крови.

Как бы то ни было, его остановили слишком поздно.

Небесный опустился на колени подле отца. Глаза Тита были открыты, но взгляд не мог сосредоточиться.

– Папа, это я, Небесный. Пожалуйста, держись, скоро придет помощь. Все будет хорошо. Один из охранников тронул Небесного за плечо:

– Твой отец сильный человек. Не мог не войти первым. Ты же знаешь, он всегда так поступал.

– Всегда так поступает.

– Конечно. Он выживет.

Небесный хотел что-то сказать, слова уже сложились у него в голове, но неожиданно момио зашевелился – медленно, как во сне, а затем все более энергично. На миг юноша не мог поверить собственным глазам: ни одно живое существо не способно двигаться после таких ранений, тем более с чудовищным проворством и ожесточенностью.

Выкатившись из капсулы, момио с кошачьей грацией вскочил на ноги, шагнул к одному из охранников и изящно взмахнул уцелевшей рукой. Острое лезвие рассекло горло, охранник рухнул на колени, из раны фонтаном забила кровь. На миг момио застыл, выставив перед собой руку-оружие, затем мудреный еж из клинков застрекотал и защелкал – один нож втянулся, пуская на свое место другой, сверкающий голубым блеском хирургической стали. Пассажир следил за этим процессом с завораживающим спокойствием.

И вдруг он шагнул к Небесному.

Руки все еще сжимали автомат Констанцы, но страх был до того силен, что юноше даже не пришло в голову угрожающе поднять оружие. Момио смотрел на Небесного, мышцы лица странным образом перекатывались, словно десятки дрессированных личинок ползали между кожей и черепными костями. Но вот их беспорядочное движение прекратилось, и Небесному на мгновение почудилось, будто он смотрит в зеркало: лицо «спящего» казалось грубым подобием его собственного. Затем мышцы вновь задергались, словно по отражению пробежала рябь, и сходство исчезло.

Момио улыбнулся и ткнул Небесного в грудь сверкающим лезвием. Боли почему-то не было, – казалось, «спящий» просто толкнул его под ребра. Задыхаясь, Небесный отшатнулся.

Сзади двое уцелевших силовиков взяли оружие на изготовку.

Небесный сполз на пол, пытаясь наполнить легкие воздухом. Вместо облегчения нахлынула нестерпимая боль. Нож пассажира почти наверняка проткнул легкое, а ребро оказалось сломанным при ударе. Но лезвие не задело сердце. И он может двигаться – значит, не поврежден и позвоночник.

Прошел еще миг. Почему охранники не открывают огня? Он видел спину пассажира – отличная мишень.

Разумеется, дело в Констанце. Момио стоит между ней и охранниками. Слишком велик риск, что пули, пробив тело диверсанта, достанут и ее. Она могла бы отступить, но двери, ведущие в соседние отсеки, герметично закрыты, и просто распахнуть их невозможно. Единственный путь – вверх по лестнице. Но диверсант тут же окажется у нее за спиной. Подниматься по вертикальной лестнице однорукому – задача не из легких, но обычные представления о физических возможностях здесь едва ли уместны.

– Небесный, – произнесла Констанца, – у тебя мой автомат... и линия огня лучше, чем у них обоих. Стреляй же.

Все еще лежа и задыхаясь – воздух словно закипал у него в легких, – он поднял автомат и повел стволом в сторону пассажира, который спокойно шел к Констанце.

– Стреляй, Небесный.

– Я не могу.

– Сможешь. Ради безопасности Флотилии.

– Не могу.

– Стреляй!

Руки дрожали – он едва удерживал оружие, какая уж тут прицельная стрельба. Небесный повернул дуло в сторону диверсанта, закрыл глаза, борясь с черной обморочной волной, и нажал на спуск.

Короткая очередь походила на громкую отрывку. Этот звук смешался с металлическим звоном – прошедшие сквозь человеческую плоть пули вонзались в броневую обшивку коридора.

Пассажир замер, словно собираясь вернуться за чем-то забытым, и упал.

Позади него по-прежнему стояла Констанца.

Она шагнула вперед и пнула момио, но никакой реакции не последовало. Небесный выпустил автомат, пальцы безжизненно разжались. К нему уже подбежали оба охранника, продолжая целиться в пассажира.

Небесный с трудом перевел дух:

– Он мертв?

– Не знаю, – сказала Констанца. – Во всяком случае, никуда не спешит. Ты в порядке?

– Не могу дышать.

Она кивнула:

– Переживешь. Надо было застрелить его, когда я тебе сказала.

– Я застрелил.

– Нет, ты стрелял наугад, и тебе повезло с рикошетом. Ты мог бы перебить всех нас.

– Но не перебил.

Она наклонилась и подобрала с пола автомат.

В это время на лестнице появилась бригада врачей. Разумеется, ни у кого из участников происшествия не было времени вдаваться в подробности, и теперь медики рассеянно озирались, не зная, кем заняться в первую очередь. Тяжело ранен начальник, ранения двух других членов экипажа также могут представлять опасность для жизни. Но есть четвертый пострадавший – тот, чей статус еще выше, один из пассажиров, заботиться о которых команду приучили с младых ногтей. Тот факт, что момио выглядел не совсем обычно, почему-то ускользнул от их внимания.

Медик склонился над Небесным и, бегло осмотрев юношу, прижал к его лицу респиратор. В легкие хлынул поток живительного кислорода, и обморочная волна откатилась назад.

– Помогите Титу, – проговорил Небесный, указывая на отца. – И если можно, пассажиру.

– Ты уверен? – спросил врач, уже успевший разобраться в ситуации.

Прежде чем ответить, Небесный покрепче прижал к лицу маску. В его сознании рисовались картины того, что он сделает с пассажиром. Убийца будет подвергнут самым изощренным пыткам.

– Еще как уверен.

Глава 11

Когда при очередной попытке вырваться из паутины сна я очнулся, меня била дрожь. Снова Хаусманн. Перед глазами все еще стояла пугающе яркая картина: я был рядом с Небесным и наблюдал, как его раненого отца уносили из камеры. В тусклом освещении каюты я осмотрел свою руку: в центре правой ладони смоляным пятном чернела свернувшаяся кровь.

Сестра Душа говорила, что штамм нестойкий, но болезнь едва ли оставит меня сама по себе. Разумеется, ждать мне некогда – надо догонять Рейвича. И все-таки предложение Души провести еще неделю в «Айдлвилде» и выгнать вирус показалось мне вдруг куда предпочтительней, чем надежда на возможности собственного организма. К тому же, что бы мне ни говорили, – где гарантия, что активность вируса уже достигла пика?

Следующее ощущение было знакомым и малоприятным – тошнота. Я не слишком привык к невесомости, а нищенствующие не позаботились снабдить меня таблетками для подобных ситуаций. Несколько минут я размышлял, стоит ли покинуть кабину или лучше просто лежать, терпеливо перенося мучения, пока мы не доберемся до Блистающего Пояса. Доводы желудка оказались более убедительными, и я направился в кают-компанию. В одной из инструкций, которые украшали каюту, сообщалось, что я могу купить там препараты, снимающие приступы тошноты.

Путешествие оказалось куда более авантюрным, чем мне хотелось.

Это сферическое помещение, просторное, герметичное и меблированное, находилось где-то в носовой части корабля. Там можно было приобрести пищу, лекарства и кое-что еще, помогающее скрасить одиночество. Но путь лежал через лабиринты узких проходов, они вились вокруг двигательной секции, точно змеиный выводок. Инструкции, висевшие в каюте, советовали не задерживаться в некоторых отсеках корабля, предоставляя пассажиру самостоятельно делать выводы о состоянии радиационной защиты на борту.

По дороге я вспоминал свой сон.

Что-то в нем меня настораживало. Прежде всего мучительное несоответствие с тем, что мне было известно о Небесном Хаусманне. Я не такой уж великий знаток биографии Небесного, но если ты вырос на Окраине Неба, то не можешь не знать некоторых фактов. Например, что Небесный боялся темноты после аварии на «Сантьяго», когда взорвался один из кораблей Флотилии. Все знали, каким образом при этом погибла его мать. Лукреция была прекрасной во всех отношениях женщиной, ее любила и уважала вся Флотилия. Тит тоже пользовался всеобщим уважением. Возможно, его побаивались, но в этом чувстве не было ненависти. Этого человека называли «каудильо». Небесного воспитывали не так, как остальных детей, но в любом случае родители не виновны в его преступлениях.

Также общеизвестно, что друзей у Небесного было немного. История сохранила имена Норкинко и Гомеса – его соучастников... нет, пожалуй, равноправных участников дальнейших событий. Что еще? Тита тяжело ранил диверсант, который скрывался среди пассажиров. Отец Небесного умер несколько месяцев спустя: диверсант вырвался из корабельного изолятора, пробрался в каюту к выздоравливающему Титу и убил его.

Я был озадачен. Сон завел меня в какие-то дебри. Не помню, чтобы кто-нибудь делился со мной слухами о шестом корабле – «Калеуче», который следовал за Флотилией, подобно своему легендарному призрачному тезке. Даже само название «Калеуче» мне ни о чем не говорило. Что происходит, черт возьми? Может быть, этот индоктринационный вирус достаточно осведомлен о жизни Небесного, чтобы рассеять мое прежнее невежество? Или мне посчастливилось подцепить какую-то пиратскую версию, и теперь я наблюдаю повороты истории, неизвестные большинству людей? И опять-таки, что это за образы – забытые, хотя и достоверные,

факты истории или выдумки сектантов, которым понадобилось подбросить что-нибудь свеженькое своей пресыщенной пастве?

Сейчас я ничего не узнаю, но, пожалуй, в следующих снах мне предстоит познакомиться с дальнейшими событиями жизни Небесного, хочется того или нет. Не скажу, что такая перспектива приводит в восторг – я бы предпочел сновидения иного рода, – но признаюсь, что кое-какое любопытство во мне пробудилось.

А сейчас мне предстоит ползти по трапу. Поэтому лучше выбросить из головы сновидения и обратить мысли к конечному пункту маршрута «Стрельникова».

* * *

Блистающий Пояс.

Я слышал о нем еще на Окраине Неба. Да и кто не слышал? Это один из нескольких десятков миров, чья известность простирается на другие планетные системы и манит к себе сквозь многие световые годы. Для обитателей сонма заселенных миров Блистающий Пояс олицетворяет безграничную щедрость, роскошь и свободу. Он то же, что и Город Бездны, но лишен его тягостной чопорности. Идею поселиться здесь обсуждал хотя бы в шутку каждый, кто зарабатывал состояние или связал себя брачными узами с влиятельной семьей. Во всей нашей системе нет другого столь же шикарного мира. Многим он представляется просто легендой, особенно тем, для кого шанс попасть сюда ничтожен.

Но Блистающий Пояс существует на самом деле.

Он представляет собой цепочку из десяти тысяч фешенебельных анклавов, которые выстроились кольцом на орбите Йеллоустона, – восхитительная череда аркологий, «каруселей» и цилиндров, украсившая планету нимбом из сверкающих искр. Безусловно, Город Бездны можно назвать денежным мешком системы. Но, как всякий денежный мешок, он страдает консерватизмом – немудрено в трехсотлетнем возрасте – и подавляющим чувством собственной значимости. Блистающий Пояс, напротив, находится в состоянии непрерывного перерождения. Орбитальные станции то и дело извлекаются из общей конструкции и возвращаются, отремонтированные, или их место занимают другие. Субкультуры расцветают тысячами и увядают, когда их поборники решают испытать что-нибудь новое. Искусство в Городе Бездны ограничивается рамками традиционных форм – в БлISTAющем Поясе поощряется все, что угодно. Я знаю одного художника, чьи шедевры живут лишь доли секунды, ибо создаются из кварк-глюонной плазмы, а их дальнейшее существование суть зыбкие следы в памяти. Другой мастер особым образом формирует атомные заряды и создает ядерные грибы, в очертаниях которых угадывается портретное сходство с разными знаменитостями. Здесь процветают безумные социальные эксперименты. Например, тирания, установленная на добровольных началах, при которой тысячи людей с готовностью отдаются диктаторской власти, ради того, чтобы избавиться от необходимости принимать решения и нести за них ответственность. Есть анклавы, чьи обитатели поголовно отключают у себя высшие мозговые функции, чтобы жить, подобно стаду, под присмотром машин. На других станциях люди имплантируют свое сознание обезьянам или дельфинам и в буквальном смысле с головой уходят в перипетии борьбы за власть на ветвях деревьев или в меланхолические сонарные грезы. И повсюду группы ученых, чьи мозги прошли обработку у жонглеров образами, углублялись в метаструктуру пространства и времени и замыслили невероятные опыты, которые ставили под угрозу существования мира. Поговаривали, что однажды они откроют технологию сверхсветовых скоростей и передадут ее секрет союзникам, а те смонтируют на своих станциях необходимое оборудование. Разумеется, первый из посторонних об этом узнает не раньше, чем половина БлISTAющего Пояса вдруг бесследно исчезнет.

Короче говоря, в таком местечке, как Блισταющий Пояс, даже в меру любознательный человек запросто мог прожить половину жизни и сам того не заметить. Но вряд ли Рейвич застрянет там надолго, прежде чем спустится на Йеллоустон. Его цель – как можно скорее оказаться в Городе Бездны и затеряться там.

Так или иначе, но я от него не отстану.

* * *

Продолжая бороться с тошнотой, я вполз в кают-компанию и обнаружил, что там уже собралось немало народу. Положение тела в пространстве правилами не регламентировалось (разумеется, пока двигатели тихохода выключены), но все пассажиры предпочли закрепиться одинаково. Найдя в стене свободную ремennую петлю, я сунул в нее локоть и принялся ненавязчиво изучать размороженных попутчиков. «Слякоть» вполголоса беседовала, разбившись на пары и тройки, между которыми медленно плавал слуга-сфероид с крошечными пропеллерами. Он перемещался от группы к группе, предлагая свои услуги. Полный набор необходимых для этого средств размещался по его экватору под лючками. Ни дать ни взять беспилотник в поисках цели, только беззвучный.

– Не нужно так дергаться, друг, – невнятно прохрипел кто-то на русише. – Это всего лишь робот.

Решительно, чутье начинает мне изменять: я даже не заметил, как этот тип подкрался. Лениво обернувшись, я посмотрел на него. Передо мной высилась гора мяса, загородившая полотсека. Розовая физиономия треугольной формы и шея на вид потолще моей ляжки. От бровей до фронтальной линии волос сантиметра два, не больше, длинные черные волосы зачесаны назад и облепляют череп, напоминающий грубо обтесанный булыжник. Широкий рот, застывший в брезгливой гримасе, обрамляют густые черные усы, а по широченной челюсти пробегает узенькая черная бородка. Он висел передо мной, скрестив руки на груди, словно собирался сплясать казачка. Невообразимо перекачанные мышцы, казалось, вот-вот разорвут сюртук – долгополый стеганный сюртук, на который кое-как нашиты лоскуты жесткой блестящей материи, рассыпающие миллионы радужных бликов. Его глаза смотрели сквозь меня, не фокусируясь, словно сквозь стеклянную стену. В общем, неприятности гарантированы.

– Никто и не дергается, – отозвался я.

– Э, дружок, да ты разговорчивый. – Тип закрепился рядом со мной. – Я тоже не прочь потолковать.

– Замечательно. Потолкуй еще где-нибудь, ладно?

– А что так невежливо, дружок? Не нравится тебе Вадим?

– Жалко развеивать твои сомнения в этом, – перешел я на норт, хотя мог сносно общаться на русише, – но, видно, иначе нельзя. И пока мы не познакомились поближе, я тебе не дружок. А теперь проваливай, мне надо подумать.

– Вот и я подумаю... над твоими словами.

Рядом по-прежнему висел слуга. Тупая машина, понятно, не замечала, что между нами летят искры. Она воспринимала нас как приятелей-путешественников и предлагала соответствующие товары. Прежде чем амбал в сюртуке успел произнести хоть слово или просто шевельнуться, я попросил у слуги инъекцию скополамина с декстрозой – старое доброе средство от тошноты, вдобавок самое дешевое из того, что было представлено в ассортименте. Как и у всех пассажиров, у меня была бортовая кредитная карточка, но я слегка сомневался, что моих средств хватит даже на этот «коктейль». Однако слуга повиновался, крышка распахнулась, и моему взору предстал одноразовый шприц.

Подхватив шприц, я закатал рукав и вонзил иглу в вену так, будто ожидал биологической атаки.

– Эге, а ты, похоже, профи. Никаких колебаний. – Вадим перешел на ломаный норт; он еле выговаривал слова, но в голосе звучало искреннее восхищение. – Ты, часом, не врач?

Я прикрыл рукавом шарик, вспухающий на месте укола.

– Не совсем. Хотя больные тоже по моей части.

– Правда, что ли?

– Буду рад доказать тебе на деле.

– Но я же не больной.

– Поверь, это не проблема.

Любопытно, дошло ли до него, что он выбрал не самого лучшего собеседника, чтобы скоротать время. Я вернул использованный шприц слуге. Зелье уже действовало, тошнота понемногу унималась, оставляя лишь легкое недомогание. Уверен, тут в арсенале имелись более эффективные средства от укачивания. Но они были мне явно не по карману.

– Крутой парень. – Амбал покачал головой – а мне-то казалось, что его шея не приспособлена для подобных движений! – Мне это нравится. Но насколько ты крут на самом деле?

– Не думаю, что тебя это должно интересовать, но можешь проверить.

Слуга повисел возле нас еще пару минут, после чего решил отчалить и перебраться к другой группе. В кают-компании появилось еще несколько пассажиров, они поглядывали по сторонам с тоской в глазах.

Я догадывался, что они чувствуют. Какая ирония: преодолеть десятки парсеков, разделяющих звездные системы, и только на борту этого тихоходного корыта впервые ощутить себя участником космического путешествия!

Амбал по-прежнему пялился на меня. Казалось, чуть напряги слух и услышишь, как в черепе у него усердно вращаются шестеренки. Я не сомневался: других ему было куда легче запугать, чем меня.

– Повторяю, я Вадим. Все зовут меня просто по имени. Вадима тут все знают – он, так сказать, местная достопримечательность. А ты кто?

– Таннер, – сказал я. – Таннер Мирабель.

Он кивнул медленно и с пониманием, словно мое имя ему что-то говорило.

– Что, серьезно?

– Да.

Меня действительно так зовут, но терять мне нечего. Вряд ли Рейвич знаком с этим субъектом, хотя наверняка подозревает, что кто-то висит у него на хвосте. Кагуэлла держал свои операции в строжайшем секрете и всегда скрывал имена своих людей. В лучшем случае Рейвич мог раздобыть у нищенствующих список пассажиров «Орвието» – но что дальше? Кто из них охотник, а кто мирная птичка?

– Откуда ты, Мирабель? – спросил Вадим, стараясь изобразить дружеское участие.

– Тебе это знать незачем. Пойми, Вадим, я действительно не хочу с тобой разговаривать. Будь ты хоть сто раз достопримечательным.

– Но у меня к тебе деловое предложение, Мирабель. Думаю, ты должен его выслушать.

Он все пялился на меня одним глазом, словно сканером просвечивал. Другой глаз тупо и рассредоточенно смотрел куда-то через мое плечо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.